

СТИВЕН КИНГ

под псевдонимом РИЧАРД БАХМАН

ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ

**СТИВЕН
КИНГ**

под псевдонимом РИЧАРД БАХМАН

ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
(Richard Bachman)
ROADWORK

Перевод с английского А. Санина
Серийное оформление А. Кудрявцева
Художник В. Лебедева
Компьютерный дизайн В. Воронина
Фото автора на обложке: *Shane Leonard*
Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Дорожные работы : [роман] / Стивен Кинг ; [пер. с англ. А. Санина]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-092891-0

В обычном маленьком городке живет обычный человек, медленно, но верно погружающийся в пучину черной ненависти к себе и окружающим. Нужен всего лишь повод, чтобы ненависть выплеснулась на волю потоком хлещущей крови. И когда повод находится, обычного человека, ставшего убийцей, уже не остановить...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-092891-0

© Stephen King, 1979
© Перевод А. Санина, 1998
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Памяти Шарлотты Литфилд посвящается

*Я и сам не знаю почему. Да
и вы не знаете. Думаю, что и
сам Господь не знает. Это все
штучки-дрючки нашего прави-
тельства, вот и все дела.*

Из личного интервью
по поводу войны во Вьетнаме,
приблиз. 1967 г.

Пролог

Однако вьетнамская война завершилась, и жизнь в стране продолжалась.

В тот жаркий августовский день 1972 года неподалеку от Уэстгейта, в самом конце автострады номер 784, был припаркован телевизионный «ньюсмобил». Вокруг наспех сколоченного подиума, деревянный костяк которого, словно кожа, обтягивал атлас, собралась небольшая толпа. Позади него на поросшем травой склоне выстроились будки для взимания дорожного сбора. Впереди до самой окраины города протянулась открытая болотистая местность.

В ожидании приезда на церемонию начала строительства мэра и губернатора молодой журналист Дейв Альберт выборочно брал интервью у собравшихся.

Подойдя к старику в темных очках, он поднес к его лицу микрофон.

— Ну, — заговорил старик, с опаской глядя в зрачок камеры, — я считаю, что для нашего города это просто здорово. Мы давно этого ждали. Да, здорово... для нашего города. — Он сглотнул, понимая, что талдычит одно и то же, но никак не мог оторвать взгляда от камеры, словно замороженный ее немигающим циклопым оком. — Очень здорово, — неловко добавил он. — Для нашего города. Здорово, да...

— Спасибо, сэр. Большое спасибо.

— Как считаете, меня покажут по телевизору? — взволнованно спросил старик. — В сегодняшних «Новостях»?

Альберт сверкнул профессиональной, ничего не значащей улыбкой:

— Трудно сказать, сэр. Вполне возможно.

Его звукооператор указал на подъездную площадку, к которой только что подкатил губернаторский «крайслер-империал», переливающийся и сверкающий, словно хромированный бильярдный шар на солнце.

Альберт кивнул и показал помощнику один палец. Они подошли к мужчине в белой рубашке с закатанными рукавами, который хмуро взирал на подиум.

— А вы не поделитесь с нами своим мнением по поводу этого проекта, мистер...

— Доус. С удовольствием поделюсь. — Голос у него был негромкий и приятный.

— Мотор, — шепнул оператор.

Не повышая голоса и тем же приятным тоном мистер Доус промолвил:

— По-моему, это просто дерьмо собачье.

Оператор поморщился. Альберт кивнул и, метнув на говорившего укоризненный взгляд, резко скрестил два пальца на правой руке — знак помощнику, что это интервью придется вырезать.

Старик следил за этой сценой с непритворным ужасом. Тем временем губернатор уже выбрался из «империала» и величественно поднимался по травянистому склону. На нем был зеленый галстук с блестками, которые яркими искорками вспыхивали в солнечных лучах.

— А когда меня покажут — в шестичасовом выпуске или в одиннадцать? — вежливо осведомился мистер Доус.

— Ну вы даете, приятель, — хмыкнул Альберт и, отвернувшись от него, принялся рассекать толпу, направляясь к губернатору. Оператор последовал за ним. Мужчина в белой рубашке задумчиво посмотрел им вслед.

Семнадцать месяцев спустя Альберт и мужчина в белой рубашке встретились вновь, хотя ни один из них так и не вспомнил про первую встречу.

Часть первая

НОЯБРЬ

Вчера поздно ночью дождь стучал мне в окно
Я пересек темную комнату
и при отблеске фонаря
Мне показалось что я вижу на улице
Дух века
Который говорит нам
что все мы стоим на самой кромке
Эл Стюарт

20 ноября 1973 года

Он по-прежнему делал все чисто машинально, не позволяя себе задуматься над своими поступками. Так было безопаснее. Словно в голове у него был установлен невидимый прерыватель, который щелкал и отключал его от сети питания всякий раз, как мозг спрашивал: *Слушай, ну зачем ты так делаешь?* И часть мозга тут же погружалась в темноту. Эй, Джорджи, а кто выключил свет? Кажется, я. Должно быть, замыкание какое-то. Сейчас проверю. Бац — свет вспыхивает. А вот предыдущей мысли уже и след простыл. Все чудесно. Продолжим, Фредди, — на чем мы остановились?

Он уже подходил к автобусной остановке, когда увидел вывеску:

**БОЕПРИПАСЫ И АМУНИЦИЯ
ОРУЖЕЙНАЯ ЛАВКА ГАРВИ**

**«РЕМИНГТОН», «ВИНЧЕСТЕР», «КОЛЬТ»,
«СМИТ-ВЕССОН»
ОХОТНИКИ, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

С серого неба сыпал мелкий снег. Это были самые первые в этом году снежинки, которые покрывали улицы белесыми пятнами, похожими на рассыпанную соду, а потом быстро таяли.

Он увидел мальчишку в красной шапочке, который шел с раскрытым ртом и ловил снежинки языком, далеко, до нелепости, высунутым наружу. Все равно растает, Фредди, подумал он, глядя на мальчугана, но тот все так же продолжал идти с задранной головой.

Остановившись перед оружейной лавкой, он осмотрелся, переминаясь с ноги на ногу. На журнальной стойке, установленной перед входом, разместились свежие выпуски газет. В глаза ему бросился заголовок:

**ЗЫБКОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ
ЕЩЕ СОХРАНЯЕТСЯ**

Чуть ниже смазанная надпись на листе картона гласила:

**ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПЛАТИТЬ
ЗА ГАЗЕТЫ!
ПРОДАВЕЦ ЗА НИХ УЖЕ РАСПЛАТИЛСЯ**

Внутри было тепло. Магазины были длинные и узкие. С одним-единственным проходом. За дверью по левую сторону располагался застекленный прилавок, заставленный коробочками с патронами. Он сразу узнал патроны двадцать второго калибра — в дет-

стве, когда он еще жил в Коннектикуте, у него было одноствольное ружье, стрелявшее такими патронами. Года три он мечтал об этом ружье, а потом, заполучив, не знал, что с ним делать. Палил по пустым жестянкам, а однажды подстрелил сойку. Неудачно подстрелил. Сойка жалась в снег, вокруг нее расплывалось кровавое пятно, а клюв раненой птицы медленно открывался и закрывался. Беззвучно. После этого случая он повесил ружье на стену, где оно и провисело еще три года, пока он не продал его одному парнишке с их же улицы за девять долларов и коробку комиксов.

Другие патроны выглядели менее знакомыми. Да, это для ружья калибра тридцать-тридцать, это — триста шесть, а рядышком нечто напоминающее гаубичные снаряды, только меньшего размера. На кого, интересно, можно охотиться с такими? На тигров? Динозавров? Как замороженный он уставился на эти мини-снаряды, гордо выстроившиеся рядком за стеклом, словно шоколадные зверюшки в кондитерской лавке.

Продавец — или владелец — беседовал с каким-то толстяком в зеленых брюках и рубашке защитного цвета. С накладными карманами. Речь шла о пистолете, который лежал на прилавке, наполовину разобранный. Толстяк отодвинул затвор и показывал продавцу смазанные внутренности. Потом произнес нечто, вызвавшее у продавца смех.

— Кто тебе сказал, Мак, что в пистолетах вечно что-то заклинивает? Папаша твой, что ли?

— Слушай, Гарри, не будь таким задавакой!

И ты тоже задавака, Фред, подумал он. Причем отъявленный. Ты это знаешь, Фредди?

Фред ответил, что знает.

Вдоль всей правой стены протянулась застекленная витрина, в которой были развешаны всевозмож-

ные ружья. Он сразу узнал несколько двуствольных дробовиков, но вот все остальное видел впервые. Для него это оружие казалось загадкой. Для него, но не для других. Другие люди — скажем, эти двое — разбирались в оружии с такой же легкостью, как он в свое время — в курсе бухгалтерского дела, в котором специализировался, обучаясь в колледже.

Пройдя дальше, он остановился перед прилавком, под стеклом которого были разложены пистолеты. Пневматические, пара мелкокалиберных, револьвер тридцать восьмого калибра с обрубленным рылом и рукояткой, инкрустированной деревом, пистолет сорок пятого калибра и еще один пистолет, который он узнал — «магнум» сорок четвертого, — такой он уже видел в кино, у Грязного Гарри*. Как-то раз в прачечной Рон Стоун обсуждал этот фильм с Винни Мейсоном, и Винни сказал: «Нельзя, чтобы городские копы ходили с такими жуткими пушками. Ведь из них человека за целую милю прорыть можно».

Тем временем толстяк по имени Мак и продавец — или владелец — по имени Гарри (как Грязный Гарри!) снова собрали пистолет.

— Звякни мне, когда тебе этот «меншлер» доставят, — попросил Мак.

— Ладно... хотя ты зря так против автоматических пистолетов выступаешь, — проворчал Гарри. (Он решил, что Гарри все-таки владелец магазина; продавец не стал бы настолько фамильярничать с покупателем.) — А «кобра» тебе уже на следующей неделе понадобится?

— Да, желательно, — кивнул Мак.

— Боюсь, что не могу обещать.

* Имеется в виду герой одноименного голливудского фильма с Клинтон Иствудом в роли Грязного Гарри — Гарри Каллахэна. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Ты никогда не обещаешь... но, сам знаешь, ты единственный в нашей дыре, кто знает толк в оружии.

— Пожалуй.

Мак на прощание похлопал лежавший на прилавке пистолет и, повернувшись, чтобы идти, наткнулся на вошедшего посетителя — *Полегче на поворотах, Мак. Извиняться надо!* — и даже ухом не поведя затопал к выходу. Под мышкой Мак держал газету, и он успел прочитать:

ЗЫБКОЕ ПРЕКРАЩ...

Гарри, по-прежнему улыбаясь, неодобрительно покачал головой и посмотрел на него:

— Чем могу помочь?

— Сейчас объясню. Только хочу сразу предупредить — в оружии я ни уха ни рыла не смыслю.

Гарри пожал плечами:

— А вы вовсе и не обязаны смыслить. Что, вам подарок нужен? К Рождеству?

— Да, именно. — Он поспешил ухватиться за спасительную соломинку. — Для моего кузена — его Ник зовут. Ник Адамс. Он в Мичигане живет, и у него просто изумительные ружья. Да. Он увлекается охотой, но дело даже не в охоте. У него это самое настоящее... как бы выразиться...

— Хобби? — подсказал Гарри, улыбаясь.

— Да, точно. Именно хобби. — Он чуть было не сказал «нечто вроде *фетиша*». Потупив взор, он посмотрел на кассовый аппарат, к которому была приклеена старая, выцветшая от времени наклейка. На ней было написано:

ЕСЛИ ОБЪЯВИТЬ ОРУЖИЕ ВНЕ ЗАКОНА,
ТО ВЛАДЕТЬ ИМ БУДУТ ТОЛЬКО БАНДИТЫ

Он улыбнулся Гарри и сказал:

— А ведь это и впрямь так.

— Конечно, — кивнул Гарри. — Значит, ваш кузен...

— Да, дело в том, что я ему обязан по гроб жизни. Он знает, как я люблю на моторках гонять, и на прошлое Рождество подарил мне роскошный эвинтродовский мотор мощностью в шестьдесят «лошадей». Специальной почтой доставили. А вот я ему всего лишь охотничью куртку подарил. Последним болваном себя потом чувствовал.

Гарри сочувственно закивал.

— Ну вот, а полтора месяца назад он мне письмо прислал. Совершенно восторженное, словно написал его шестилетний мальчуган, которому контрамарку в цирк дали. Оказывается, он и еще шестеро приятелей скинулись и купили себе тур в Мексику, туда, где устроено что-то вроде охотничьего парка...

— С охотой без ограничений?

— Да, именно так. Без всяких ограничений. — Он усмехнулся. — Там можно палить сколько душе угодно. Туда постоянно поставляют любых животных. Оленей, антилоп, медведей, бизонов. Каких угодно.

— Может, это Бока-Рио?

— Точно не помню. По-моему, название чуть подлиннее.

Глаза Гарри мечтательно затуманились:

— В шестьдесят пятом году мы вот с этим клиентом, который только что ушел, и еще двумя парнями смотрелись в Бока-Рио. Я там зебру подстрелил. Представляете — зебру! Я набил ее чучело и выставил дома в комнате, где остальные трофеи держу. В жизни больше такого наслаждения не испытывал... Эх, завидую я вашему кузену!

— Так вот, я посоветовался с женой, — продолжил он, — и она меня поддержала. Тем более что год у нас удачный выдался. Я ведь в прачечном комбинате работаю. В «Блю Риббон», что в Вест-Энде.

— Да, знаю.

Он вдруг понял, что может говорить с Гарри часами, а то и даже днями — хоть до самого Нового года, — переплетая ложь с правдой в искусный узор. И плевать он хотел на все остальное. На нехватку бензина, и на дорогую говядину, и на зыбкое прекращение огня. Начхать на все! Давай-ка лучше придумаем историю про несуществующего кузена, а, Фред? Давай, Джорджи.

— В этом году к нам и центральная больница перешла, и психбольница, да и несколько новых мотелей...

— «Кволити мотор-корт», что на Франклин-авеню, тоже ваши клиенты?

— Да.

— Я останавливался там пару раз, — промолвил Гарри. — Простыни и впрямь были словно новенькие. Забавно — когда останавливаешься где-то переночевать, никогда не задумываешься, кто все белье стирает.

— Да, так что год выдался удачный. Вот я и подумал: а куплю-ка Нику пистолет и ружьишко. Я знаю — он давно мечтал о «магнуме». Как-то раз он сказал мне, что...

Гарри достал из-под прилавка «магнум» сорок четвертого калибра и осторожно положил на стекло. Он взял его в руки, взвешивая. Ощущение ему понравилось. Пистолет был увесистый и... внушающий уверенность. С таким шутки плохи.

Он опустил «магнум» на прилавок.

— Патронник у него... — начал было Гарри.

Он расхохотался и предупреждающе поднял руку:

— Нечего меня уговаривать. Я уже сам уговорился. Дилетанту ведь много не надо. А как насчет амуниции?

Гарри пожал плечами:

— Я бы на вашем месте взял коробочек десять. Если понадобится, ваш кузен легко достанет еще. Стоит эта игрушка двести девяносто девять долларов плюс налог, но я готов отдать вам ее за двести восемьдесят, включая патроны. Устраивает?

— Еще бы, — сказал он совершенно искренне. А затем, понимая, что от него ожидают еще чего-то, добавил: — Красивая штучка.

— Если речь и впрямь идет о Бока-Рио, ваш кузен найдет ему применение.

— Теперь о ружье...

— А что у него есть?

Он беспомощно пожал плечами и развел руками:

— Понятия не имею. Два или три дробовика, кажется, и еще что-то, самозаряжающееся...

— «Ремингтон»? — Гарри спросил так быстро, что он даже испугался; у него вдруг возникло ощущение, что он прыгнул в реку, а дно ушло из-под ног.

— Да, кажется. Но я могу и ошибиться.

— Лучше «ремингтона» ничего не сыскать, — сказал Гарри, одобрительно кивая. Он сразу почувствовал себя лучше. — На какую сумму вы рассчитываете?

— Сейчас скажу. Мотор обошелся ему сотни в четыре. Я бы хотел уложиться в пятьсот долларов. Самое большее — в шестьсот.

— Да, вижу, кузен вам дорог.

— Мы вместе выросли, — искренне заверил он. — Господи, да ради Ника я бы правую руку отдал!

— Что ж, сейчас я вам кое-что покажу, — сказал Гарри.

Выбрав из связки нужный ключ, он подошел к одному из застекленных шкафов и отомкнул его. Затем влез на табурет и снял с крючка длинное тяжелое ружье с инкрустированным ложем.

— Оно, пожалуй, тянет чуть подороже, чем вы рассчитываете, но зато качество совершенно отменное, — сказал Гарри, вручая ему ружье. — Просто исключительное.

— Как оно называется?

— «Уэзерби», четыреста шестьдесят. Зарядов такого большого калибра у меня сейчас нет. Закажу в Чикаго — сколько вам понадобится. На это потребуются неделя. Балансировка изумительная. А убойная сила свыше восьми тысяч фунтов... Все равно что грузовик на вас налетит. Если попадете из него оленю в голову, то в качестве трофея один хвост останется.

— Не знаю, — с сомнением произнес он, хотя уже твердо решил, что купит именно это ружье. — Старина Ник как раз любит трофеи. Он ради них...

— Это понятно, — промолвил Гарри. Взял у него «уэзерби» и переломил ствол. Диаметр канала патронника был столь велик, что в него пролетел бы голубь. — В Бока-Рио за мясом не ездят. Ваш кузен будет целить в брюхо. Имея такую игрушку, ему не придется двенадцать миль преследовать по кустам и оврагам раненое и безумно страдающее животное, да и на ужин он не опоздает. Нет, от такой пули кишки на двадцать футов разлетятся.

— Сколько?

— Сейчас скажу. В городе с ним делать нечего. Кому здесь нужна такая противотанковая пушка, если в окрестностях ничего крупнее фазана не водится? А разить от подстреленной дичи будет, как от выхлопной трубы. В розницу эта игрушка тянет на девятьсот

пятьдесят, а оптовая цена — шестьсот тридцать. Вам бы я уступил ее за семь сотен.

— То есть всего получается... почти тысяча?

— На покупки свыше трехсот долларов мы даем десятипроцентную скидку. Так что остается девятьсот. — Гарри пожал плечами. — Зато могу твердо гарантировать, что такого ружья у вашего кузена нет. В противном случае я тут же выкуплю его у вас назад за семьсот пятьдесят баксов. Готов даже расписку написать.

— На полном серьезе?

— Да. А то как же. Конечно, если это слишком дорого, тут уж ничего не попишешь. Давайте еще другие ружья посмотрим. Но если ваш кузен и вправду такой заядлый охотник, то все остальное у него уже вполне может быть.

— Понимаю. — Он сделал вид, что размышляет. — У вас есть телефон?

— Да, вон там сзади. Хотите с женой посоветоваться?

— Да, так будет вернее.

— Идемте, я покажу.

Гарри провел его в захлавленную комнатенку. Рядом со скамьей высился обшарпанный деревянный стол, на котором в беспорядке валялись оружейные детали, пружинки и винтики, распечатанные инструкции, стояли бутылочки с чистящей жидкостью и пронумерованные баночки с пулями.

— Вон телефон, — указал Гарри.

Он уселся на скамью, снял трубку и начал накручивать диск, а Гарри вернулся в лавку и занялся упаковкой «магнума».

— Спасибо, что позвонили в бюро метеосправки, — радостно приветствовал его записанный на

пленку голос. — Сегодня днем ожидается сильный снегопад, который к вечеру постепенно ослабеет...

— Алло, Мэри? — перебил он. — Привет. Я в оружейной лавке Гарви. Да, по поводу Ники. Пистолет этот я уже взял, все нормально. Прямо с витрины. А потом Гарри показал мне одно ружье...

— ...завтра днем наладится. Давление будет постепенно расти. К вечеру вероятность осадков...

— Ну так что мне делать? — Гарри стоял в дверном проеме у него за спиной; он видел его тень.

— Да, — сказал он, чуть помолчав. — Я знаю.

— Спасибо, что позвонили в бюро метеосправки, — прошептал ему в ухо женский голос. — Не забудьте в шесть часов вечера включить телевизор и послушать свежий прогноз погоды, подготовленный для вас Бобом Рейнольдсом. До свидания.

— Ты не шутишь? Я и сам отлично понимаю, что это слишком дорого.

— Спасибо, что позвонили в бюро метеосправки. Сегодня днем ожидается сильный снегопад, который к вечеру постепенно ослабеет...

— Ты уверена, милая?

— К вечеру вероятность осадков возрастет до восьмидесяти процентов...

— Что ж, давай так и сделаем. — Он повернул голову, улыбнулся Гарри и жестом показал, что все в порядке. — Он очень славный парень. Гарантирует, что такого ружья у Ника нет.

— ...наладится. Давление будет постепенно...

— Да, Мэри, я тоже тебя люблю. Пока. — Он положил трубку. Здорово, Фредди, ничего не скажешь. Да, Джорджи, я тоже доволен. Но и ты ведь не лыком шит.

Он встал.

— Она не возражает, если я согласен. А я согласен.

Гарри улыбнулся:

— А что вы сделаете, если в следующий раз кузен подарит вам глассер?

Он улыбнулся в ответ:

— Отошлю его назад, не вскрывая.

Они направились к прилавку. Гарри спросил:

— Чек или наличные?

— «Американ экспресс», если возможно.

— О, разумеется.

Он извлек из бумажника кредитную карточку. На именной полоске с обратной стороны значилось:

БАРТОН ДЖОРДЖ ДОУС

— А вы уверены, что заряды пришлют достаточно быстро, чтобы мне успеть отослать все Фреду вовремя?

Гарри, заполнявший бланк расчета по кредитной карточке, приподнял голову:

— Какому Фреду?

Его улыбка стала шире.

— Ник — это Фред, а Фред — это Ник, — сказал он. — Николас Фредерик Адамс. Мы вечно дразнили его из-за имени. С самого детства.

— Понятно. — Гарри вежливо улыбнулся, как улыбаются люди, признавая за другими право на чудачество. — Распишитесь, пожалуйста.

Он расписался.

Гарри достал из-под прилавка увесистую амбарную книгу, через которую сверху, у самого корешка, была пропущена стальная цепочка.

— Ваши имя и адрес, пожалуйста. Так нужно — для фэбээровцев.

Пальцы его, державшие авторучку, напряглись.

— Да, конечно, — сказал он. — Господи, никогда оружия не покупал, а тут сразу столько...

И он послушно вывел в книге:

*Бартон Джордж Доус 1241
Западная Крестоллен-стрит.*

— Всюду эти феды свой нос суют, — проворчал он.

— Да. Как будто им больше всех нужно, — кивнул Гарри.

— Это точно. Знаете, что вчера по радио передали? Они требуют принятия закона, чтобы все мотоциклисты, кроме шлема, носили еще и нагубник. Представляете — *нагубник*? Совсем оборзели! Какое им дело, если добропорядочный гражданин хочет добровольно сломать себе челюсть?

— Ну, от меня-то только адреса и имена требуют, — проворчал Гарри, убирая книгу под прилавок.

— Или взять хотя бы продолжение этой чертовой автострады, которую они собираются проложить прямо через Вест-Энд. Какой-то выскочка-инженер говорит: «Она вот здесь пройдет», — и наше дражайшее правительство тут же рассылает кучу писем с уведомлением: «Извините, но через Ваш район пройдет продолжение автострады номер 784. В течение ближайшего года Вы должны подыскать себе новое жилье».

— Свинство, конечно.

— Вот именно. Какое дело людям до «права государства на принудительное отторжение частной собственности», если они двадцать лет в своем доме прожили? Предавались любви с женами, детей растили и возвращались из отпусков? Нет, они все эти законы специально изобрели, чтобы нас легче одурaczyć было.

Осторожнее, что-то ты слишком разболтался. Просто выключатель сработал с запозданием и кое-что успело просочиться.

Гарри метнул на него внимательный взгляд.

— Вы себя нормально чувствуете? — поинтересовался он.

— Да, вполне. Просто сандвич с консервами на ленч съел. Сам виноват. Всякий раз от них живот дует.

— Попробуйте вот это средство, — предложил Гарри, доставая из нагрудного кармана коробочку с пастилками. На обратной стороне было написано:

РОЛЭЙДС

— Спасибо, — поблагодарил он. Извлек одну пастилку и отправил в рот. — Вот, полюбуйтесь на меня, я звезда телерекламы. Это волшебное средство. Поглощает лишнюю кислоту в сорок семь раз больше собственного веса.

— Я только ими и спасаюсь, — сказал Гарри.

— Так насчет зарядов...

— Да, да. Неделя. Максимум — две. Я возьму вам семьдесят штук.

— А можно, я пока оставляю оружие у вас? Пометьте только, что оно мое. Я понимаю, это глупо, но мне как-то боязно его дома держать. Глупо, да?

— Кто как привык, — уклончиво ответил Гарри.

— Да. Только позвольте, я оставлю вам свой служебный номер. Когда придут пули...

— Патроны, — перебил его Гарри. — Патроны или заряды.

— Ну да, патроны, — улыбнулся он. — Позвоните мне, когда их пришлют, ладно? Я заберу оружие и договорюсь об отправке. Думаю, на почте мне не откажут?

— Нет. Только вашему кузену придется потом расписаться в получении, вот и все.

Он записал свой служебный телефон на обратной стороне визитной карточки Гарри. На визитке значилось:

Гарольд Суиннертон 849-6330
ОРУЖЕЙНАЯ ЛАВКА ГАРВИ
Амуниция. Старинное оружие

— Послушайте, — спросил он. — Если вы Гарольд, то кто — Гарви?

— Мой покойный брат. Он умер восемь лет назад.

— Ох, извините.

— Да, так вот. Пришел утром, открыл лавку, снял кассу и — умер на месте. Сердечный приступ. Чудесный был человек, добрейшая душа. Бывало, оленя с двухсот ярдов напавал укладывал.

Он протянул руку через прилавок, и они обменялись рукопожатием.

— Я позвоню, — пообещал Гарри.

— Счастливо вам.

Он снова вышел на заснеженную улицу и приостановился возле газет с заголовком «ЗЫБКОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ ЕЩЕ СОХРАНЯЕТСЯ». Снегопад усилился, а перчатки он оставил дома.

Что ты здесь делал, Джордж?

Хлоп, выключатель сработал.

К тому времени как он добрался до автобусной остановки, случившееся напрочь стерлось из его памяти. С таким же успехом он мог прочесть об этом в газете.

Длинная и извилистая Западная Крестоллен-стрит на большем своем протяжении тянулась по косоугору. Прежде, до начала застройки, с вершины холма открывался прекрасный вид на парк и реку; теперь же

высокие многоэтажки, отстроенные два года назад на Вестфилд-авеню, начисто перекрыли этот вид.

Дом номер 1241 был возведен уступами на террасах. Рядом располагался небольшой гараж на одну машину. Длинный передний двор был пуст, но снег еще не покрыл его. К дому вела аккуратная подъездная аллея, заново заасфальтированная лишь прошлой весной.

Войдя в дом, он услышал звук работающего телевизора, новой крупногабаритной модели «Зенита», которую они с женой приобрели прошлым летом. Антенну на крыше — причем с дальним радиусом приема — он установил сам. Поначалу жена была против — уже тогда им было известно, что придется перебираться жить в другое место, — но он настоял. Ведь если антенну можно возвести, то что потом стоит ее снять? — так он рассуждал. Барт, не дури. Это лишние расходы, да и для тебя лишняя возня... Однако он был непреклонен, и в конце концов Мэри сказала, что, так и быть, она его «ублажит». Именно этим словечком она пользовалась в тех редких случаях, когда предмет спора настолько задевал его за живое, что он начинал с ней всерьез пререкаться. Хорошо, Барт, будь по-твоему. Так и быть, я «ублажу» тебя.

Сейчас она сидела перед телевизором и наблюдала, как Мерв Гриффин болтает с очередной знаменитостью. В качестве знаменитости на этот раз выступал Лорн Грин, распинавшийся про свой новый полицейский сериал «Грифф». Он рассказывал Мерву, какое блаженство испытывал во время съемок. Затем появится очередная темнокожая певица (черномазая певичка, так он подумал) и затынет очередной шлягер. Что-нибудь вроде «Мое сердце осталось в Сан-Франциско».

— Привет, Мэри! — поздоровался он.

— Привет, Барт.

Почта на столе. Он перебрал конверты и счета. Письмо для Мэри от ее полупомешанной сестрицы из Балтимора. Счет на кредитную карточку «Галф» — 38 долларов. Выписка из банковского счета: 49 расходных операций, 9 поступлений, остаток — 954 доллара 47 центов. Да, это удачно, что в оружейной лавке он воспользовался кредитной карточкой.

— Кофе еще горячий, — сказала Мэри. — Или хочешь что-нибудь выпить?

— Лучше выпить. Я сам приготовлю.

Еще какие-то бумажки. Напоминание из библиотеки о просроченной книге: «Лицом к лицу со львами» Тома Уикера. Месяц назад Уикер выступал на встрече ротарианского клуба; все потом единодушно признали, что лучшего оратора еще не слышали.

Записка от Стивена Орднера, одного из крупных заправил «Амроко», корпорации, которая владела контрольным пакетом акций «Блю Риббон». Орднер приглашал его зайти в гости, чтобы обсудить предстоящую сделку с фабрикой в Уотерфорде. Устроит ли Бартона пятница, или он собирается махнуть куда-нибудь на празднование Дня благодарения? Если да — просьба позвонить. Если нет — приглашение приехать вместе с Мэри. Карла, оказывается, давно уже мечтает потрепаться с Мэри и т.д. и т.п.

Очередное уведомление от компании, прокладывающей автостраду номер 784.

Он долго стоял, разглядывая это послание при сером свете, проникающем через окно, затем убрал всю почту на сервант. Приготовил себе виски со льдом и прошел в гостиную.

Мерв по-прежнему оживленно болтал с Лорном. Краски на новом «Зените» были не просто изумительные — они завораживали. Будь наши межконтинен-

тальные баллистические ракеты столь же замечательными, подумал он, вот славно было бы где-нибудь бабахнуть. У Лорна была абсолютно седая шевелюра. Серебристая. Немыслимого оттенка серебра. Он вдруг, сам не зная почему, представил себе Лорна лысым. *Плешивый как коленка*, вспомнил он и смешливо хрюкнул. Хотя непонятно, чем так рассмешил его мысленный образ внезапно облысевшего Лорна Грина.

Мэри, улыбаясь, подняла голову.

— Смешинка в рот попала? — спросила она.

— Да так. — Он покачал головой. — Вспомнил кое-что.

Усевшись рядом с женой, он чмокнул ее в щеку. Высокая тридцативосьмилетняя женщина, она вступила в тот противоречивый возраст, когда женская красота как бы определяет, какой стать в зрелом возрасте. Кожа у нее была гладкая, а груди небольшие и упругие; такие не провиснут. В еде Мэри себе не отказывала, но подвижный образ жизни не позволял ей располнеть. Во всяком случае, и лет через десять ее не испугает приглашение появиться в купальнике на общественном пляже. Его мысли невольно перенеслись к собственному брюшку. Да брось ты, Фредди, где ты видел хоть какого-то руководителя без пуза? Живот в наши дни — символ успеха и процветания. Как «Дельта-88». Да, Джордж, ты прав. Следи за своим четырехкамерным моторчиком, избегай рака — и дотянешь до восьмидесяти.

— Как прошел день? — спросила Мэри.

— Прекрасно.

— Ты уже смотрел новую фабрику в Уотерфорде?

— Нет, в другой раз.

Он не был в Уотерфорде с октября. Орднер это знал — кто-то наверняка ему напел, — поэтому и прислал это письмо. Новая фабрика должна была разме-

ститься на месте бывшего прядильного комбината, и представитель мелкой риэлтерской фирмы то и дело названивал ему, пытаясь ускорить сделку. Вы ведь не единственные покупатели, напоминал он. Я тоже времени зря не теряю, отвечал он риэлтеру. Потерпите еще немного.

— Как насчет этого кирпичного дома на Кресент? — спросила Мэри. — Ты еще не смотрел?

— Он нам не по зубам, — ответил он. — За него сорок восемь тысяч просят.

— За такую лачугу! — вознегодовала Мэри. — Да это грабеж на большой дороге!

— Вот именно. — Он отпил виски. — Что рассказывает наша милая Беа из Балтимора?

— Ничего нового. Устроилась в какую-то сверхмодную клинику, где лечат с помощью гидротерапии. Потрясно, да? Слушай, Барт...

— Что?

— Нам ведь переезжать пора. Двадцатое января на носу. А то нас на улицу выставят.

— Я делаю все, что в моих силах, — заверил он. — Потерпи немного.

— Этот маленький особняк в колониальном стиле на Юнион-стрит...

— ...уже продан, — закончил он за нее, допивая виски.

— Вот именно об этом я тебе и толкую, — недовольно сказала Мэри. — Нам с тобой он бы подошел идеально. С учетом компенсации мы бы вполне потянули.

— Он мне не понравился.

— Что-то тебе в последнее время не угодишь, — проворчала Мэри. — Не понравился он ему, — пожаловалась она телевизору. На экране уже дергалась певица-негритянка. Она пела «Эльфи».

— Мэри, я делаю все, что в моих силах, — терпеливо повторил он.

Она повернулась и посмотрела на него. Глаза ее сочувственно увлажнились.

— Барт, я прекрасно понимаю, насколько тебе дорог этот дом... — дрогнувшим голосом начала она.

— Нет, — сказал он. — Не понимаешь.

21 ноября 1973 года

За ночь все кругом покрылось тонким снежным ковром; сойдя с автобуса на тротуар, он сразу обратил внимание на следы людей, побывавших здесь до него. Он повернул на улицу Елей, а автобус, рыча по-тигриному, покатил дальше. Вскоре его обогнал Джонни Уокер, совершавший уже свою вторую за утро езду за бельем. Джонни приветливо помахал ему из кабины бело-голубого фургончика, а он помахал в ответ. Было чуть больше восьми утра.

Рабочий день в их прачечной начинался в семь утра с приходом управляющего Рона Стоуна и техника-смотрителя Дейва Рэднера, которые отпирали двери и запускали бойлер. В семь тридцать появлялись первые девушки, отвечавшие за сорочки, а работницы, обслуживающие скоростную гладильную машину, подходили к восьми. Сам он режим первого этажа не выносил совершенно: здесь, по его мнению, царил дух тяжелого ручного труда и эксплуатации; при этом по какой-то извращенной причине сами работавшие внизу мужчины и женщины его любили и уважали. Обращались всегда по имени. Впрочем, и ему все они, за редким исключением, нравились.

Он зашел через служебный вход, заставленный корзинами с отстиранными вчера, но еще не пропу-

щенными через гладильный агрегат простынями. Каждая корзина была плотно прикрыта во избежание попадания пыли. Рон Стоун закреплял приводной ремень на допотопном «Мильноре», а его помощник, колледжский недоучка по имени Стив Поллак, загружал простыни, привезенные из мотеля, в стиральные машины.

— Здорово, Барт! — громогласно приветствовал его Рон Стоун. Он всегда не говорил, а ревел; тридцать лет общения с людьми под непрестанный грохот стиральных, сушильных и гладильных автоматов преобразовали его голосовые связки так, что не орать Стоун уже просто не мог.

— Этот чертов «Мильнор» совсем взбесился! — продолжал он. — Так отбеливает, что Дейву то и дело приходится прибегать к ручному обслуживанию. Но порошок все равно перерасходуется почему зря.

— Ничего, скоро мы получим заказ от Килгаллона, — утешил он. — Еще пару месяцев...

— На предприятии Уотерфорда?

— Угу, — легкомысленно брякнул он.

— Через два месяца меня уже в психушку упрячут, — мрачно предрек Стоун. — А перестройка... это будет хуже африканского военного парада.

— Но ведь наши клиенты снова к нам вернуться.

— Вернутся! Да мы месяца три только заново раскручиваться будем. А там уже, глядишь — и лето на носу.

Он кивнул, не желая продолжать этот разговор.

— Кого обслуживаете в первую очередь?

— «Холидей инн».

— С каждой загрузкой закладываете сотню полотенец. На полотенцах они просто тронулись.

— Они на всем тронулись.

— Сколько всего белья?

— Шестьсот фунтов без малого. В основном от «Шрайнера». Еще с понедельника осталось. В жизни не видел таких грязных простыней. Некоторые на ребро ставить можно.

Он кивнул в сторону новичка, Поллака:

— Как вам этот парнишка?

Подсобные работники в «Блю Риббон» долго не задерживались и менялись часто. Дейв гонял их в хвост и в гриву, да и громовые окрики Рона не добавляли им настроения.

— Пока неплохо, — сказал Стоун. — А помните его предшественника?

Он помнил. Тот бедолага продержался всего три часа.

— Да, не забыл еще. Как его звали-то?

Рон Стоун сдвинул густые брови:

— Не помню. Бейкер, что ли? Или Баркер? Что-то вроде того. В пятницу я видел его возле универмага; он раздавал листовки, призывающие бойкотировать зеленщиков или что-то в этом роде. Здорово, да? Работать не умеет, так теперь коммунистической пропагандой занимается. С ума сойти можно!

— После «Холидей инн» вы Говарда Джонсона пропустите?

Стоун обиженно фыркнул:

— Конечно! Их мы никогда не задерживаем.

— К девяти справитесь?

— Еще бы!

Кивнув Дейву, он поднялся на второй этаж. Миновал химчистку, бухгалтерию и вошел в свой кабинет. Уселся за стол во вращающееся кресло и придвинул к себе лоток с входящими документами. На столе красовалась табличка с призывом:

ДУМАЙ ГОЛОВОЙ!

Возможно, познаешь новые ощущения

Табличка ему не нравилась, но со стола он ее не убирал, потому что ее подарила Мэри. Когда? Лет пять назад? Он вздохнул. Приходившие к нему бизнесмены и рекламные агенты находили табличку забавной. Хохотали во всю мочь. С другой стороны, покажи рекламному агенту фотографию голодающего ребенка или Гитлера, насилующего Деву Марию, и он помрет со смеху. А вот Винни Мейсон, тот самый петушок, который, несомненно, напел на ухо Стиву Орднеру, держал на столе табличку с таким лозунгом:

ПУМАЙ!

Что за хреновина такая — «пумай»? Ведь такой белибердой даже рекламного агента не насмешить, не так ли, Фредди? Так, Джордж, ты прав, старина.

Снаружи загрохотал тяжелый дизель, и он развернулся на кресле, чтобы посмотреть в окно. Строители автострады готовились к началу очередного рабочего дня. Мимо прачечной неторопливо проплывал тягач с платформой, на которой стояли сразу два бульдозера, а сзади выстроилась целая вереница нетерпеливо гудящих легковушек.

Лучше всего было следить за ходом строительства с третьего этажа, над химчисткой. Автострада, словно надрез скальпеля в руках умелого хирурга, вскрыла деловую часть и жилые кварталы Вест-Энда; ее строящийся участок багровел на теле города, будто свежий шрам, заляпанный грязью. Автострада пересекла уже Гилдер-стрит, похоронила под собой парк на Хебнер-авеню, куда он водил гулять маленького Чарли... совсем еще крошку. Как же назывался этот парк? Он не мог вспомнить. Мне кажется, Фред, просто парк на Хебнер-авеню, да? Там были и детская игровая площадка, и карусель со зверюшками, и не-

большой пруд, в котором плавали утки, а посередине красовался маленький домик. Летом крыша его всегда была заляпана птичьим пометом. И еще там были качели. Чарли обожал качаться, и именно там, в парке на Хебнер-авеню, научился этому. Что скажешь по этому поводу, Фредди? Что скажешь, старый дружище? Помнишь, как он поначалу перепугался? Даже заревел; ну а потом все наладилось и Чарли так пристрастился к качелям, что ревел уже, когда я его домой уводил. В машине по дороге домой весь костюмчик слезами залил. Неужели это и вправду было четырнадцать лет назад?

Мимо прогромыхал тяжелый грузовик, на котором громоздился погрузчик.

Райончик Гарсон сровняли с землей месяца четыре назад; он был всего в трех-четыре кварталах от Хебнер-авеню. Несколько деловых зданий, в которых размещались разные конторы, пара банков, приемные дантистов и всяких костоправов с хиромантами. Всех их было не жалко, но вот, глядя, как сносят старенький кинотеатр «Гранд», он испытал настоящую душевную боль. В начале пятидесятых годов именно там он посмотрел свои любимые фильмы. Хичкоковский «У» значит убийство» с Рэем Милландом и Грейс Келли и «День, когда Земля застыла» с Майклом Ренни. Как раз вчера этот фильм показывали по телевизору, и он так хотел посмотреть его, но заснул прямо перед экраном, а проснулся, когда уже этот чертов гимн исполняли. Пролил стакан виски на ковер и получил нахлобучку от Мэри.

Да, «Гранд» — это было, конечно, нечто из ряда вон выходящее. Не сравнить с современными кинотеатрами на окраинах — безликими коробками посреди автомобильной стоянки площадью в четыре квадратных мили. «Синема I», «Синема II», «Сине-

ма III», «Синема MCMXLVII». Как-то раз он свозил Мэри в один из таких кинотеатров в Уотерфорде — посмотреть «Крестного отца». Билеты обошлись им в пять долларов, а интерьер напоминал скорее кегельбан, нежели кинозал. Даже балкон отсутствовал. Не то что в «Гранде». Там пол в вестибюле был вымошен мрамором, а большой пакетик воздушной кукурузы, которую тут же рядом выпекал очаровательный старинный автомат, стоил всего десять центов. Билетер при входе (кстати, билеты обходились в шестьдесят центов) щеголял в красной, шитой галунами ливрее, а возрастом был примерно с Мафусаила. И всегда приветствовал вас беззубым шамканьем: «Надеюсь, кино вам понравится». В огромном кинозале вечно стоял устойчивый запах запыленного бархата. Места между рядами было предостаточно, так что никому не приходилось упираться коленками в спинку впереди стоящего кресла. А на потолке красовалась изумительная огромная люстра из настоящего хрусталя. Сидеть под ней было страшно — в случае чего, остатки было бы потом и пылесосом не собрать. Да, «Гранд» был для него целой эпохой...

Он виновато посмотрел на часы. Прошло почти сорок минут. Скверно. Он только что выбросил сорок минут коту под хвост, а ведь даже толком ни о чем и не думал. Разве что о парке и о кинотеатре «Гранд».

У тебя что-то не так, Джорджи?

Возможно, Фред. Вполне возможно.

Он вытер щеки. Пальцы увлажнились — сам того не замечая, он всплакнул.

Он спустился, чтобы поговорить с Питером, который отвечал за доставку белья. Все были уже в полном сборе, первые простыни от Говарда Джонсона с шипением утюжились в гладильном агрегате, пол под

ногами вибрировал из-за работающих полным ходом стиральных машин; Этель с Рондой старательно гладили сорочки.

Питер сказал, что вчерашнее белье уже загрузили в четвертый фургончик, и осведомился, не хочет ли он на него взглянуть. Он сказал, что не хочет. Затем спросил Питера, как обстоит дело с заказом «Холидей инн». Питер ответил, что белье сейчас как раз загружают, но остопоп из отеля, который за него отвечает, уже звонил и напоминал про полотенца.

Он кивнул и снова поднялся на второй этаж, чтобы поговорить с Винни Мейсоном. Однако Филлис сказала, что Винни вместе с Томом Грейнджером уехал в только что открывающийся немецкий ресторанчик договариваться насчет стирки скатертей.

— Передайте Винни, чтобы по возвращении взглянул ко мне, ладно?

— Конечно, мистер Доус. Кстати, вам звонил мистер Орднер и просил, если можно, перезвонить ему.

— Спасибо, Филлис.

Он вернулся в свой кабинет и занялся вновь поступившими бумагами.

Какой-то поставщик хотел поговорить с ним по поводу нового чистящего средства «Желтый вперед!».

И кто им только такие названия придумывает, недоумевал он, откладывая бумагу в сторону, для Рона Стоуна. Рон обожал навязывать Дейву новые средства; особенно если удавалось заполучить фунтов пятьсот бесплатно, на пробу.

Так, что там дальше? Благодарственное послание от Объединенного фонда. Он также отложил его в сторону, чтобы во время перерыва вывесить на доске объявлений внизу.

Предложение о поставке новой конторской мебели. В корзинку.

Реклама нового телефонного аппарата с автоответчиком и магнитофоном. С возможностью записи сообщений продолжительностью до тридцати секунд. *Меня нет, болван! Не звони больше.* В корзинку.

Письмо с жалобой от какой-то дамы, которая отдала в стирку шесть сорочек мужа, а получила их с сожженными воротничками. Он со вздохом отложил письмо в сторону. Придется принимать меры.

Определитель качества воды из университета. Надо после ленча поговорить о нем с Роном и Томом Грейнджером.

Извещение от страховой компании с завлекательным предложением запросто разбогатеть на восемьдесят тысяч долларов; для этого требовалось всего-навсего откинуть копыта. В корзинку.

Письмо от умника риэлтера, продающего фабрику в Уотерфорде, с сообщением о том, что фабрикой очень заинтересовалась обувная компания «Том Макан». Довольно крупная рыба, между прочим. Риэлтер напоминал, что срок трехмесячного опциона на покупку фабрики, отпущенного «Блю Риббон», истекает 26 ноября. *Эй вы там, в прачечной! Не забудьте, что близится час расплаты!* В корзинку.

Еще одно предложение для Рона. На сей раз — стиральный порошок с двусмысленным названием «Чистюля». Он положил его по соседству с «Желтым вперед!» и уже хотел было снова выглянуть в окно, когда зазвонил внутренний телефон. Вернулся Винни.

— Впустите его, Филлис.

Винни вошел. Высокий смуглокожий молодой человек лет двадцати пяти. Темные волосы, причесанные с нарочитой небрежностью. Одет он был в ярко-красный пиджак спортивного покроя и темно-коричневые брюки. Галстук-бабочка. Очень элегантный

повеса, не правда ли, Фред? Да, Джордж, ты прав, старина.

— Как поживаете, Барт? — спросил Винни.

— Нормально, — ответил он. — Что там у вас в этом немецком ресторане?

Винни рассмеялся:

— Жаль, вас с нами не было. Старый фриц разве что хвостом не вилял от радости. Нет, Барт, переехав в Уотерфорд, мы мигом наберем обороты. Тем более что наши конкуренты пока дрыхнут без задних ног. Они даже рекламы не рассылают. Бедняга немец уже думал, что им придется самим свои скатерти полоскать. Местечко, кстати, у него классное. Настоящий пивной зал для бургеров. Думаю, соперников он наповал сразит. А запахи... Класс! — Он выразительно взмахнул руками и полез в карман за сигаретами. — Непременно свожу туда Шарон. Тем более что он нам десятипроцентную скидку дает.

Словно наяву он услышал слова Гарри, владельца оружейной лавки: *На покупки свыше трехсот долларов мы даем десятипроцентную скидку.*

Господи, подумал он, неужто я и вправду купил вчера все это оружие? Может, это сон?

В мозгу его что-то шелкнуло.

Эй, Джордж, что с тобой происходит...

— И велик заказ? — спросил он внезапно охрипшим голосом. И тут же прокашлялся.

— От четырехсот до шестисот скатерок в неделю, как только он откроется. Плюс салфетки. Чистый хлопок. Правда, из всех средств он предпочитает «Белого слона». Я сказал, что, мол, Бога ради.

Винни неспешно вынул сигарету из пачки, и он успел разглядеть этикетку. Терпеть он не мог это качество в Винни Мейсоне — тот курил сигареты с чудовищно мерзким запахом. На пачке было написано:

СИГАРЕТЫ
«ПЛЕЙЕРС» — МОРСКИЕ
СРЕДНЕГО РАЗМЕРА

Ну кто еще, кроме Винни, станет курить «Плейерс» — морские? Или «Король Сано»? Или «Британские овалы»? «Чудесные»? «Гибкие»? Стоит кому-то выпустить новую марку под названием «Дерьмо на палочке» или «Копченые легкие» — и Винни тут же спешно начнет курить их.

— Я сказал ему, что после переезда мы сможем обслуживать его по высшему классу. За сорок восемь часов. — Полюбовавшись напоследок на яркую пачку, Винни упрятал ее в карман. — Кстати, когда мы переезжаем?

— Вот об этом я и хотел с вами поговорить, — сказал он.

Ну как, Фред, задать ему перцу? Да, Джордж. Всыпь ему по первое число.

— Вот как? — Винни щелкнул золотой зажигалкой «Зиппо» и, затянувшись, выпустил дым через ноздри подобно актеру из дешевого английского фильма.

— Стив Орднер вчера оставил мне записку. Он хочет, чтобы в пятницу вечером я заскочил к нему по поводу фабрики в Уотерфорде.

— Да?

— А сегодня утром Стив Орднер позвонил сюда, когда я внизу беседовал с Питером Вассерманом. Мистер Орднер хочет, чтобы я перезвонил ему. Похоже, он чем-то всерьез озабочен. Вы не находите?

— Да, вполне возможно, — кивнул Винни, сверкая заранее припасенной на этот случай улыбкой. *Дорога скользкая, соблюдайте осторожность.*

— Меня вот что интересует — кто, по-вашему, мог его так настроить, черт побери?

— Ну вообще-то...

— Не прикидывайтесь, Винни! — взорвался он. — Хватит в кошки-мышки играть! Уже десять часов, а мне нужно поговорить с Орднером, с Роном Стоуном, а потом еще позвонить Этель Джибс по поводу спаленных рубашек. Ну что, значит, подкапываетесь под меня, да?

— Видите ли, мы с Шарон в воскресенье вечером ужинали в Сент... доме мистера Орднера и...

— И как бы невзначай упомянули, что Барт Доус тянет с Уотерфордом, в то время как автострада номер 784 подступает все ближе и ближе. Так?

— Барт! — возмущенно выкрикнул Винни. — Все было чисто по-дружески. Как бы...

— Да, несомненно. Как и его записка с приглашением. Таким же дружеским будет и наш с ним разговор. Но дело не в этом, Винни. Суть в том, что он пригласил вас с женой как раз в надежде на то, что сумеет развязать вам язык. И вы его не разочаровали.

— Барт...

Он погрозил Винни пальцем.

— Выслушайте меня хорошенько и мотайте на ус, Винни. Еще одна подобная выходка, и можете искать себе новую работу. Ясно вам?

Винни казался обескураженным. Забытая сигарета тлела между пальцев.

— И еще, Винни, — добавил он уже спокойным тоном. — Я знаю, что вы выслушали от стариканов вроде меня шесть тысяч лекций на тему о том, как мы в вашем возрасте завоевывали мир. Однако, на мой взгляд, вы заслужили еще одну.

Винни раскрыл было рот, чтобы возразить.

— Я не считаю, что вы вонзили мне нож в спину, — произнес он, жестом останавливая Винни. — В противном случае я уволил бы вас в ту же секунду.

Просто мне кажется, что вы дали маху по неопытности. Огромный дом — настоящий дворец, три коктейля перед ужином, вкуснейший суп, салат с экзотическим соусом, изумительное горячее, горничные в мини-юбках... Карла с ее королевскими манерами, но ничуть не высокомерная... А потом земляничные торты или пирог с черникой и взбитыми сливками, кофе с парой рюмок бренди или ликера, ну и в заключение — неизбежный разговор по душам. Так?

— Примерно, — еле слышно прошептал Винни. В лице его смешались стыд и ненависть. Впрочем, стыда было чуть-чуть больше.

— Первым делом он спросил вас, как дела у Барта. Вы ответили, что замечательно. Он сказал, что старина Барт славный парень и прекрасный работник, но вот только с Уотерфордом немного затягивает. Вы согласились. Тогда он спросил, как, кстати, идут дела с этим контрактом? Вы ответили, что это совершенно не в вашей компетенции, а он сказал: «Да бросьте, Винсент, вы, безусловно, в курсе дела». И вы ответили: «Я знаю только, что Барт еще не подписал контракт. Слышал, правда, что парни из конторы Тома Макана тоже заинтересовались этой фабрикой, но, возможно, это только слухи». Ну вот, а потом он сказал: «Барту виднее — он наверняка знает, что делает». Затем вы выпили еще бренди, потом он спросил, считаете ли вы, что «Мустанги» пробьются в плей-офф. И все. Вы с Шарон уехали домой. А хотите знать, Винни, когда он пригласит вас в гости в следующий раз?

Винни не ответил.

— Когда ему снова понадобится доносчик, — жестко произнес он. — Вот когда.

— Извините, — подавленно пролепетал Винни и привстал, собираясь уходить.

— Я еще не закончил.

Винни снова сел и уставился в сторону. Вид у него был растерянный и жалкий.

— Между прочим, двенадцать лет назад я как раз занимал вашу должность. Вам это известно? Для вас это огромный срок. А я вот просто понять не могу, куда это чертово время подевалось! Впрочем, я достаточно хорошо помню эту работу, чтобы понимать: вам она по душе. И работаете вы добросовестно, с отдачей. Химчистку реорганизовали, новую систему ну-мерации ввели — это просто гениально.

Винни смотрел на него с озадаченным видом.

— А вообще я начал работать в прачечной еще двадцать лет назад, — продолжил он. — В 1953 году мне как раз исполнилось двадцать. Мы с Мэри едва успели пожениться. К тому времени я отучился два года в бизнес-колледже, и мы с Мэри не торопились с браком, однако жили вместе и пользовались методом прерванного сношения. Как-то раз случилось так, что кто-то внизу хлопнул дверью и до того меня напугал, что я кончил. И Мэри забеременела. С тех пор всякий раз, когда я завожусь, вспоминаю, что причиной моего нынешнего положения является хлопнувшая дверь. Это миглом отрезвляет. В те годы даже мечтать не могли о нынешних законах, разрешающих аборт. Когда девушка залетала, оставалось либо жениться на ней, либо уносить ноги. Другого выбора не было. Я женился на Мэри и устроился на первую попавшуюся работу. Именно сюда. Мальчишкой на побегушках, примерно таким, как этот Поллак внизу. В те дни все процедуры производились вручную, а белье после стирки загружали в специальные отжимочные агрегаты, вместимость которых составляла примерно пятьсот фунтов мокрого белья. Неправильно загрузив его, работник рисковал остаться без ноги. На седьмом месяце у Мэри случился выкидыш, и врачи сказали,

что больше детей у нее не будет. Я проработал на том месте три года, принося домой после пятидесятипятчасовой рабочей недели пятьдесят пять долларов. Затем Ральф Альбертсон, который в те годы заправлял стиркой, угодил в мелкую дорожную аварию и скончался от сердечного приступа прямо на улице, обмениваясь с другим водителем телефонами и адресами своих страховых компаний. Славный был человек. В день его похорон вся прачечная не работала. После того как его предали земле, я пришел к Рэю Таркингтону и попросил взять меня на место Ральфа. Я был уверен, что получу это место. Ральф обучил меня всем премудростям своего дела, и я знал процесс стирки как свои пять пальцев.

В те дни, Винни, прачечная наша была семейным бизнесом. Владели и управляли ею Рэй Таркингтон и его отец, Дон. В свою очередь, Дон унаследовал «Блю Риббон» от своего папаши, открывшего эту прачечную еще в 1926 году. Профсоюзной организации у нас не было, поэтому работники вполне могли утверждать, что трио Таркингтонов нещадно эксплуатирует бедных необразованных трудящихся — как мужчин, так и женщин. Так оно и было. Однако когда Бетти Кисон поскользнулась на мокром полу и сломала руку, Таркингтоны не только оплатили все больничные счета, но и выделяли ей по десять долларов в неделю на еду, пока Бетти не вернулась на работу. А каждое Рождество они устраивали торжественный ужин, на котором подавали лучшие в городе пироги с цыпленком, клюквенное желе, выпечку и вкуснейшие пудинги на выбор. Каждой женщине Дон с Рэем преподносили на Рождество сережки, а каждому мужчине — галстук. Я до сих пор храню дома в стенном шкафу все девять галстуков, подаренных мне в те годы.

Когда в 1959 году Дон Таркингтон скончался, я надел один из них на его похороны. Он уже совершенно вышел из моды, и Мэри бранила меня последними словами, но я все равно надел его.

Освещение было тогда тусклое, а работа монотонная и изматывающая, но зато отношения — человеческие. Стоило сломаться отжимной машине, и Дон с Рэем, засучив рукава, трудились бок о бок с нами, выкручивая простыни вручную. Вот какой был в те годы семейный бизнес, Винни. Так-то.

Потому-то после смерти Ральфа, когда Рэй Таркингтон сказал мне, что уже нанял на его место какого-то парня со стороны, я просто не мог понять, что происходит. Тогда Рэй и сказал мне: «Мы с отцом хотим, чтобы ты вернулся в колледж». А я и говорю в ответ: «Это здорово. А на какие шиши?»

И тут же, не сходя с места, он вручил мне чек на две тысячи долларов. Я уставился на эту бумажку, не веря своим глазам. Потом спросил: «Что это?» А он ответил: «Этого, конечно, недостаточно, но на учебу, общежитие и книги хватит. Остальное заработаешь здесь летом, хорошо?»

Я и спрашиваю: «Есть ли способ вас отблагодарить?» «Да, — сказал он. — Целых три. Во-первых, ты должен вернуть мне эту ссуду. Во-вторых, проценты по ней. А в-третьих, воплотить полученные знания здесь, в “Блю Риббон”». Я отнес чек домой и показал Мэри, а она расплакалась. Обхватила голову руками и разревелась.

Винни уставился на него уже с откровенным изумлением.

— Итак, в 1955 году я восстановился в колледже, который и окончил два года спустя. Потом вернулся в прачечную, и Рэй сразу поставил меня транспортным боссом. Девяносто долларов в неделю. Сделав

первую выплату по ссуде, я спросил Рэя, какие набегали проценты. А он ответил: «Один процент».

Мне показалось, что я ослышался. «Сколько?» — переспросил я.

Он повторил: «Один процент. И вообще — в чем дело? Тебе что, заняться нечем?» А я ответил: «Отчего же — я сейчас пойду и приведу врача, чтобы он вас обследовал. У вас, по-моему, с головой не все в порядке».

Рэй расхохотался и велел мне выметаться из кабинета к чертям собачьим. Остаток ссуды я погасил в 1960 году, Винни. И что вы думаете? Рэй подарил мне часы. Вот эти.

Он закатал манжет и показал Винни роскошные часы «Булова» в золотом корпусе.

— Рэй сказал, что это подарок-аванс, в расчете на будущее. За все свое обучение я выплатил ему в виде процентов всего двадцать долларов, а этот сукин сын возьми и преподнеси мне подарок ценой в восемьдесят баксов. С гравировкой сзади: «С наилучшими пожеланиями — от Дона и Рэя. Прачечная "Блю Риббон"». К тому времени Дон уже год как находился в могиле.

А в 1963 году Рэй поставил меня на ваше место, Винни, вменив мне в обязанность надзирать за химчисткой, новыми счетами и нашими филиалами — правда, тогда их было всего пять, а не одиннадцать, как сейчас. Я занимал эту должность до 1967 года, а потом уже Рэй поставил меня сюда. Ну вот, а четыре года спустя ему пришлось продать свое дело. Сами знаете, как эти сволочи его обложили. Он в одночасье постарел. Теперь мы вошли в их корпорацию наряду с парой дюжин других предприятий самого разного профиля — с ресторанами быстрого питания, гольф-клубом, тремя универмагами, что всем глаза мозолят, бензозаправками и прочим дерьмом. А Стив

Орднер здесь всего лишь почетный президент. Где-нибудь в Чикаго или Гэри заседает совет директоров, который посвящает «Блю Риббон» пятнадцать минут в неделю. А ведь по большому счету им начхать на нашу прачечную. Они ни хрена в нашем деле не понимают. Им одно важно — бухгалтерская отчетность. Вот тут-то они собаку съели. И вот их бухгалтер заявляет: «Между прочим, через Вест-Сайд прокладывают автостраду номер 784, а «Блю Риббон» и жилые кварталы стоят как раз на ее пути». А директора вопрошают: «Вот как? И какую компенсацию мы получим?» И все. Господи, да будь Дон и Рэй Таркингтоны живы, они бы этих вонючих козлов из строительной компании так по судам затаскали, что те бы до 2000 года и думать забыли о своих гребаных дорогах. Да. Винни, пусть Дона с Рэем и считали эксплуататорами, но они душой за свое дело болели. Об этом вы ни в каких бухгалтерских отчетах не прочитаете. Скажи им кто-нибудь, что нашлись умники, возжелавшие похоронить их прачечную под слоем бетона и асфальта шириной в восемь полос, так они бы шум до небес устроили.

— Да, но их уже нет в живых, — напомнил Винни.

— Верно, — кивнул он. Мысли его вдруг стали дряблыми и расстроенными, как гитара в неумелых руках. Все, что он хотел сказать Винни, захлебнулось в потоке эмоций. Ты только посмотри на него, Фредди, он ведь даже не понимает, что я пытаюсь ему втолковать. Он меня не слышит. — И слава Богу, что они всего этого не видят.

Винни промолчал.

Собрав волю в кулак, он продолжил:

— Я хочу сказать, Винни, что в этой истории участвуют две группы людей: Они и мы. Мы занимаемся чисткой и стиркой. Это наш бизнес. Их интересуют

только отчеты и цифры. Но командуют всем они. Нам присылают распоряжение, а мы его выполняем. Но и только. Ничего другого мы делать не обязаны. Понимаете?

— Да, Барт, конечно, — ответил Винни, но ему стало ясно: Винни ни черта не понял. Он и сам не вполне понимал, что имел в виду.

— Хорошо, — кивнул он. — Я поговорю с Орднером. Кстати, Винни, довожу до вашего сведения, что здание в Уотерфорде ничуть не уступает нашему. В ближайший вторник я подписываю контракт.

Винни радостно заулыбался и выпалил:

— Ух как здорово!

— Да. Все идет по плану.

Винни был уже в дверях, когда он окликнул его:

— Расскажите потом, как вам понравилось в этом немецком ресторане.

— Непременно, Барт, — пообещал Винни, ослепив его своей фирменной улыбкой.

Винни ушел, а он все продолжал смотреть на дверь. Я все испортил, Фред. Нет, Джордж, все не так уж скверно. Под конец разве что чуть оплошал, но ведь только в книгах люди с первого раза говорят все правильно. Нет, Фред, все-таки я облажался. Винни ушел с мыслью, что Барт Доус начал сдавать свои позиции. И ведь он прав. Слушай, Джордж, хочу спросить тебя по-мужски. Нет, только не отключай меня. На кой черт ты купил все это оружие, Джордж? Зачем оно тебе понадобилось?

Щелк, выключатель сработал.

Он спустился на первый этаж и передал Рону Стоуну папку с рекламными предложениями. Рон тут же громовым голосом позвал Дейва, чтобы тот посмотрел, нет ли там чего-нибудь такого. Дейв закатил гла-

за. Он прекрасно знал, что там есть что-нибудь такое. Оно называется работа.

Он снова вернулся в свой кабинет и позвонил Орднеру, надеясь, что тот уже ушел обедать. Увы, сегодня был не его день. Секретарша мигом соединила его с Орднером.

— Привет, Барт! — раздался уверенный голос Стива Орднера. — Рад вас слышать, старина.

— Я тоже, — соврал он. — Я тут беседовал с Винни Мейсоном. У него создалось впечатление, что вы обеспокоены по поводу уотерфордской фабрики.

— Да ну, с какой стати? — запротестовал Орднер. — Однако мне бы хотелось в эту пятницу...

— Вот я как раз и звоню, чтобы сказать — Мэри не сможет прийти.

— Да?

— Какой-то вирус, похоже, подцепила. От туалета на пару шагов отойти боится.

— Ах какая жалость!

Да пошел ты в задницу со своей жалостью!

— Врач дал ей какие-то таблетки — вроде бы помогают. Но рисковать не стоит — вдруг она вас заразит.

— А вы когда сможете прийти? В восемь удобно?

— Да, вполне.

Черт бы тебя побрал, скотина! Придется из-за тебя вечерний фильм пропустить.

— А как продвигаются наши дела с Уотерфордом, Барт?

— Об этом нам лучше поговорить с глазу на глаз, Стив.

— Что ж, пусть так. — Он ненадолго приумолк. — Карла передает вам привет. И скажите Мэри, что мы с Карлой желаем ей...

Непременно. Разбежался. Держи карман шире.

22 ноября 1973 года

Проснувшись в испуге, что кричал во сне, он так дернулся, что подушка слетела на пол. Однако Мэри преспокойно спала на соседней кровати, неподвижный комочек под одеялом. Кварцевые часы на бюро высвечивали

4:23.

Щелчок, и пошла следующая минута. Подарок на прошлое Рождество от Беа, чудаковатой сестрицы Мэри из Балтимора, которая лечилась с помощью гидротерапии. Против самих часов он ничего не имел, но вот щелчки, с которыми сменялись цифры, его нервировали. 4:23, *щелк*, 4:24, *щелк*. Свихнуться можно.

Он спустился в ванную, включил свет и помочился. При этом сердце заколотилось как ненормальное. В последнее время он стал замечать, что всякий акт мочеиспускания сопровождается у него усиленным сердцебиением. Господи, неужели ты пытаешься мне что-то сказать таким необычным образом?

Он вернулся в спальню, лег в постель, но долго не мог уснуть. Перед этим он так метался во сне, что постель была разворочена, словно поле боя после бомбежки. Он так и не сумел привести ее в порядок. Да и конечности его никак не могли принять удобное для сна положение.

Истолковать сон было несложно. Никаких проблем, Фред. В состоянии бодрствования любой мог запросто исполнить фокус с выключателем; он мог раскрашивать какую-нибудь картинку по кусочкам, притворяясь, что не видит всего изображения. Всю картину целиком можно запрятать в недрах подсознания. Однако там оставалась потайная дверца. Во сне

она порой с грохотом распаивалась, и тогда из мрака выползало нечто. *Щелк!*

4:42

Во сне он ездил на Пирс-Бич с Чарли. (Забавно, что, пересказывая Винни Мейсону свою биографию, он забыл упомянуть Чарли. Забавно, да, Фред? Нет, Джордж, лично я не вижу тут ничего забавного. Я тоже, Фред. Но сейчас слишком поздно. Или слишком рано. Или еще как-то.)

Во сне они с Чарли бродили по бесконечному пляжу с белым песком. Денек стоял замечательный — ярко-синее небо, а солнце радостно сияло, как веселая физиономия на одном из идиотских значков, что призывают вас всегда улыбаться. На ярких одеялах или под разноцветными зонтиками нежились люди, а детишки возились в песочке у воды; они строили песчаные замки или лепили куличи. Загорелый дочерна спасатель сидел на белоснежной вышке; плавки его столь горделиво топорщились спереди, словно внушительные размеры причиндалов считались непременным атрибутом профессии, и спасатель как бы заверял пляжников — у меня все в порядке, я вас не подведу. У кого-то во всю мощь надрывался транзисторный приемник, из которого неслась разухабистая танцевальная музыка. Он даже слова запомнил:

Я влюблен в эту грязную воду,
О-о-о, Бостон, ты мой дом!

Вызывающе покачивая почти полностью оголенными ягодицами, мимо прошествовали босиком две девушки в бикини; жаль, что такие роскошные тела пропадают; точнее — достанутся их неведомым любовникам.

И все-таки странно, Фред, — начинался прилив, а прилива быть не могло, поскольку до ближайшего океана отсюда было девятьсот миль.

Они с Чарли возводили замок из песка. Но только строить его начали слишком близко от воды, которая подступала теперь все ближе и ближе.

Папа, нужно перенести замок подальше, сказал Чарли. Но он заупрямился и продолжал строительство на прежнем месте. Когда волна начала подмывать первую крепостную стену, он выкопал ров, раздвигая мокрый песок, словно женское влагалище. Но вода прибывала.

Чтоб тебя! — обругал он воду.

Он отстроил стену заново. Набежавшая волна тут же разрушила ее до основания. Вдруг послышались крики. Забегали люди. Пронзительный свист спасателя рассек воздух подобно серебристой стреле. Но он не поднимал голову. Он должен был во что бы то ни стало спасти замок. А вода все прибывала, заливая щиколотки, смывая башенки и бастионы, обрушивая стены. Когда откатилась очередная волна, на месте замка остался лишь ровный песок, мелкий и сверкающий.

Крики усилились. Кто-то заплакал. Подняв голову, он увидел, что спасатель, склонившись над Чарли, делает ему искусственное дыхание. Чарли был мокрый и бледный, только губы и веки совсем посинели. Он не шевелился. Спасатель встал и огляделся по сторонам. Почему-то на губах его играла улыбка.

Он захлебнулся в волнах, ухмыляясь, пояснил спасатель. А вам не пора искупаться?

— Чарли! — завопил он.

И... проснулся в испуге, что и в самом деле громко закричал во сне.

Он еще долго лежал в темноте, прислушиваясь к щелчкам электронных часов и стараясь не вызывать

в памяти страшный сон. В конце концов не выдержал и спустился в кухню, чтобы выпить молока. Лишь увидев на столе замороженную индейку, которая оттаивала на блюде, он вспомнил, что сегодня День благодарения, а прачечная по этому случаю закрыта. Он выпил молоко стоя, задумчиво поглядывая на очищенную тушку. Цвет ее был почти такой же, как кожа его сына в этом ужасном сне. Хотя Чарли, разумеется, вовсе не утонул.

Когда он вернулся в спальню, Мэри что-то сонно пробормотала, но он не разобрал, что она хотела.

— Все нормально, — сказал он. — Спи.

Но она снова забормотала.

— Ладно, — наугад ответил он в темноту.

И она уснула.

Щелк!

Пять утра. Когда он наконец забылся сном, в спальню уже неслышно закрадывался рассвет. Напоследок в его мозгу промелькнуло видение индейки, которая сидела на кухонном столе в матовом мерцании; мертвое мясо, тупо дожидавшееся, когда его запекут.

23 ноября 1973 года

Без пяти восемь он вкатил на своем двухлетнем «ЛТД» на подъездную аллею Стивена Орднера и остановился позади орднеровской бутылочно-зеленой «Дельты-88». Роскошный особняк частично скрывался за высокими зарослями бирючины, которые теперь, в преддверии зимы, напоминали костлявые старушечьи пальцы, скрюченные подагрой. Ему уже приходилось бывать здесь прежде, и дом он знал неплохо. Внизу располагался грандиозный камин, облицован-

ный мрамором. В каждой из спален наверху также имелся свой камин, но уже не столь внушительных размеров. Все помещения отапливались. В цоколе стоял бильярдный стол «Брансуик»; кроме того, там были настоящий экран, на котором Орднер показывал фильмы, и потрясающая стереосистема «KLN», которую Орднер год назад преобразовал в квадро. Стены украшали фотоснимки баскетбольной команды колледжа, в которой выступал Орднер — роста в нем было шесть футов пять дюймов, и он до сих пор пребывал в прекрасной форме. Входя в любую дверь, он неизменно нагибался, чем, похоже, втайне даже гордился. Он подозревал, что Орднер специально сделал косяки пониже, чтобы пригibasъся.

В столовой стоял роскошный стол из полированного дуба в девять футов длиной. Под стать ему был высокий комод на ножках, сверкавший тщательно отлакированным глянцем. У противоположной стены высилась стеклянная горка с фарфоровой посудой; тоже, наверное, около шести с половиной футов в высоту, да, Фред? Да, пожалуй. Сразу за особняком была сделана яма для барбекю, способная вместить целого неосвежеванного динозавра, а за ней расстилалось поле для гольфа. Только вот бассейна не доставало. В те дни бассейны вышли из моды. Разве что умеренно зажиточные поклонники бога Ра из Южной Калифорнии продолжали обзаводиться ими. Своих детей у Орднеров не было, но они взяли на воспитание одного малолетнего корейца и одного ребенка из Вьетнама, а еще один их воспитанник из Уганды уже учился на инженера, чтобы по возвращении в свою страну возводить там плотины. Орднеры всегда поддерживали демократов, но на последних выборах голосовали за Никсона.

Слегка шаркая подошвами, он поднялся на крыльцо и позвонил. Дверь открыла горничная.

— Я мистер Доус, — представился он.

— Да, сэр. Здравствуйте. Позвольте взять ваше пальто. Мистер Орднер у себя в кабинете.

— Спасибо.

Оставив горничной пальто, он прошел по коридору, миновав сначала кухню, а затем столовую. Мельком взглянул на длинный стол и на фамильный комод Стивена Орднера. В этом месте ковровая дорожка сменилась линолеумом в черно-белую клетку. Шаги гулко отдавались по коридору.

Он подошел к двери кабинета, но не успел потянуться к ручке, как дверь распахнулась и в проеме возник улыбающийся Орднер.

Он знал, что Орднер встретит его именно так.

— Здравствуйте, Барт! — приветливо произнес Орднер.

Они обменялись рукопожатием. Орднер был одет в коричневую кордовую куртку с кожаными заплатами на локтях, оливковые брюки и шлепанцы. Он был без галстука.

— Здравствуйте, Стив. Как дела на финансовом поприще?

— Ужасно! — театрально простонал Орднер. — Вы сегодня проглядывали биржевую страничку? — Впустив гостя в кабинет, он прикрыл дверь. Все стены были уставлены стеллажами с книгами. Слева приютился небольшой электрический камин. В центре кабинета стоял массивный письменный стол, на котором были разложены кое-какие бумаги. Он знал, что где-то под крышкой скрывается электрическая пишущая машинка; стоило только нажать кнопку справа, как она выскакивала, словно чертик из коробки.

— Похоже, биржевые индексы опять поползли вниз, — промолвил он.

Орднер поморщился.

— Это еще мягко сказано, Барт. А ведь весь сыр-бор из-за Никсона разгорелся. Все-то он должен попробовать. Да, пусть и сработала эта теория домино в Юго-Восточной Азии, но ведь нельзя было так бездумно переносить ее в Америку! Черт знает что! Вы что будете пить?

— Шотландское виски со льдом.

— Это у меня как раз здесь есть.

Он подошел к встроенному бару и извлек из него плоскую бутылку виски, из тех, что продают по девять с небольшим долларов в мелкооптовых лавках. Бросил в рюмку два кусочка льда и налил виски.

— Присаживайтесь, — предложил Орднер, вручая ему рюмку. Они уселись в кресла, стоявшие по обеим сторонам от горящего камина.

Он вдруг подумал: *А ведь плесни я сейчас виски в камин, вся эта хреновина взорвется к чертовой матери!* — и с трудом удержался от искушения.

— Карлу мы сегодня тоже не увидим, — произнес Орднер. — Одна из ее групп спонсирует модное шоу. Собралась поехать в какую-то молодежную кофейню в Нортоне.

— Так, значит, шоу состоится в Нортоне?

Орднер испуганно встрепенулся и приподнял голову:

— В Нортоне? Ну нет, черт возьми! В Расселе. Я бы Карлу на Лэндинг-Стрип даже с двумя телохранителями и полицейской собакой не пустил. Есть там один священник... Дрейк, кажется. Пьет как лошадь, но эти малолетние проходимцы его просто обожают. Он для них как бы связующее звено между двумя мирами. Уличный священник.

— Вот как?

— Да.

С минуту они молча сидели и таращились на мерцающее электрическое пламя в камине. Он уже наполовину осушил свой стакан.

— На прошлом заседании совета директоров подняли вопрос об Уотерфорде, — произнес наконец Орднер. — В середине ноября. Мне пришлось признать, что я не вполне владею ситуацией. И мне поручили... выяснить, как обстоят дела. Это никак не связано с вашей работой, Барт...

— Я понимаю, — промолвил он, отпивая еще виски. В рюмке оставалось буквально несколько капель напитка, в которых плавали кубики подтаявшего льда. — Всегда приятно находиться с вами в одной упряжке, Стив.

Орднер кивнул с польщенным видом.

— Ну так что вы мне скажете? Винни Мейсон сказал, что сделка до сих пор не заключена.

— У Винни Мейсона устаревшие сведения.

— А, так вы ее уже заключили?

— Все уже на мази. В ближайшую пятницу, если ничего не случится, я собираюсь подписать контракт.

— По моим сведениям, риэлтер сделал вам весьма выгодное предложение, но вы его отклонили.

Он посмотрел на Орднера, встал и подлил себе еще виски.

— Это вам тоже Винни Мейсон сказал?

— Нет.

Он снова уселся в кресло напротив камина.

— Может, поделитесь источником информации?

Орднер развел руками:

— Это ведь бизнес, Барт. Я обязан проверять все слухи, какими бы нелепыми и вздорными они мне ни

казались. Я понимаю, вам неприятно, но вы не должны относить это на свой счет.

Фредди, но ведь никто не знал о моем отказе, кроме меня и самого риэлтера. Похоже, этот старый лис навел справки по каким-то собственным каналам. Не стоит кипятиться, а, Фредди? Не стоит, Джордж. Может, поставить его на место, Фредди? Нет, Джордж, держи себя в руках. И не налегай так на спиртное.

— Цена, которую я отклонил, — четыреста пятьдесят тысяч, — сказал он наконец. — Скажите честно — вам такую сумму назвали?

— Да, примерно.

— И что, предложение показалось вам выгодным?

— Откровенно говоря, — Орднер закинул ногу на ногу, — да. Городские власти оценили старый завод в шестьсот двадцать тысяч, а бойлер перебросить туда не так сложно. Конечно, места там маловато и расширяться особенно некуда, но... мне показалось, что лучшего варианта нам сейчас не найти. В конце концов должны же мы куда-то переехать! А времени уже кот наплакал.

— Возможно, это не все, что вы слышали?

Орднер, сменив положение ног, вздохнул:

— Да, Барт. Мне сказали, что, узнав о вашем отказе, Том Макан тут же предложил им пятьсот тысяч.

— Но риэлтер не имеет права принять это предложение.

— Пока не имеет. Наш опцион истекает уже в этот вторник. Вы не забыли?

— Нет. Послушайте, Стив, я хочу привести вам несколько веских доводов.

— Пожалуйста.

— Во-первых, Уотерфорд мили на три отдалит нас от большинства наших нынешних клиентов — это в среднем. Так что нам придется здорово попотеть, что-

бы набрать прежние обороты. Более того, работать мы станем медленнее. Все мотели расположены вдоль автомагистрали. «Холидей инн» и «Хойо» даже сейчас готовы с нас три шкуры содрать, стоит нам хоть на пятнадцать минут задержать их полотенца. Представляете, что начнется теперь, когда нашим фургонам придется пробиваться лишние три мили по перегруженным улицам?

Орднер замотал головой:

— Барт, но ведь они *продлевают* магистраль! Именно поэтому мы и переезжаем. Наши парни уверяют, что мы не только не проиграем во времени благодаря новой магистрали, но, напротив, выиграем. Вдобавок, по их словам, владельцы мотелей уже скупили земли в Уотерфорде и Расселе — поблизости от места прохождения новой дороги. Нет, Барт, переезд в Уотерфорд только укрепит наши позиции, а никак не ослабит их.

Похоже, я обмишурился, Фредди. Он понимает, что прижал меня к стенке. Спокойно, Джорджи. Хвост морковкой.

— Что ж, с этим я согласен, — улыбнулся он. — Однако новые мотели построят в лучшем случае через год, а то и через два. Если же энергетический кризис и впрямь настолько серьезен, как об этом трубят...

— Решение о переезде уже принято нашим начальством, Барт, — сухо произнес Орднер. — Мы с вами лишь исполнители. И должны выполнять приказ.

Ему показалось, что в тоне Орднера прозвучал упрек.

— Согласен. Я просто хотел поделиться с вами своими соображениями по этому поводу.

— Хорошо. Я вас понял. Однако не вы принимаете решение, Барт. Я хочу, чтобы вы это твердо уяснили. Если поставки нефти прекратятся и мы останем-

ся без бензина, то в заднице окажутся все, а не мы одни. Однако я предлагаю, чтобы мы с вами занимались своим делом, а беспокоиться обо всем этом предоставили нашему совету директоров.

Меня, похоже, отчитали, как нашкодившего мальчишку, Фред. Точно, Джордж.

— Хорошо. Тогда послушайте остальное. По моим подсчетам, нам придется выложить по меньшей мере двести пятьдесят тысяч, прежде чем уотерфордский комбинат выстирает первую простыню.

— *Что?* — Орднер резко поставил рюмку на стол. Ага, Фредди! Похоже, проняло.

— Стены заплесневели и совсем обветшали. Восточная и северная стороны вот-вот обрушатся. А полы настолько прогнили, что первый же стиральный автомат провалится в самый подвал.

— Это точно? Насчет двухсот пятидесяти тысяч?

— Абсолютно точно. Здание срочно нуждается в капитальном ремонте. Переделывать нужно все: стены, пол, потолки. А для замены проводки потребуются двухнедельный труд пяти электриков. Проводка, установленная сейчас, рассчитана на двести сорок вольт — наших мощностей она не выдержит. А отдаленность расположения приведет к тому, что счета за электроэнергию и воду повысятся примерно на двадцать процентов. Если первое мы еще, возможно, кое-как выдержим, то насчет второго... Не мне говорить вам, что означает для прачечной повышение тарифов за водоснабжение на двадцать процентов...

Глаза Стивена Орднера уже почти вылезали на лоб. Судорожно сглотив, он попытался что-то сказать, но слова застряли в горле.

— Так на чем я остановился? Ну да, проводку необходимо заменить. Нам также придется установить новую сигнализацию и камеры скрытого наблюдения.

Новую изолирующую кровлю. Ах да, совсем забыл про дренажную систему. Здесь, на улице Елей, мы находимся на возвышенности, а вот Дуглас-стрит расположена на самом дне естественного бассейна. Одна установка дренажной системы обойдется нам в сорок, а то и семьдесят тысяч.

— Господи, но почему же Том Грейнджер обо всем этом умолчал? — всплеснул руками Орднер.

— Он не выезжал со мной на место.

— Почему?

— Потому что я попросил его остаться в прачечной.

— Но *из-за чего?* — взвился Орднер. — С какой стати?

— Потому что в тот день у нас полетел отопитель, — терпеливо пояснил он. — Нас буквально завалили заказами, а горячей воды не было. Тому пришлось остаться. Он единственный, кто разбирается в бойлерах.

— Господи, Барт, но почему вы не взяли его с собой в другой раз?

Он допил виски и спокойно ответил:

— Я просто не видел в этом смысла.

— Не видели... — поперхнулся Орднер. Отставив стакан в сторону, он замотал головой, словно боксер, приходящий в себя после нокаута. — Послушайте, Барт, вы представляете, что с нами будет, если вы все-таки ошибаетесь, а фабрика эта нам не достанется? Не знаю, какая судьба постигнет меня, но вы точно лишитесь *работы*. Господи, неужто вы готовы преподнести Мэри такой подарок? Вы этого хотите?

Ты никогда этого не поймешь, подумал он, потому что ни разу в жизни даже пальцем не шевельнул, чтобы не подстраховаться сразу шестью способами, да еще и не подготовив заранее пару-тройку козлов отпущения. Вот как ты заработал свой роскошный ав-

томобиль, пишущую машинку и четыреста тысяч, что вложены в акции и прочие ценные бумаги. Засранец! а ведь я могу поступить так, что тебя упекут лет на десять. Кто знает, может, я так и сделаю.

Глядя на вытянувшуюся физиономию Орднера он улыбнулся:

— Все это меня совершенно не беспокоит, Стив, потому что вы еще не выслушали мой последний довод.

— Какой?

— Том Макан уже уведомил риэлтера, что фабрика их больше не интересует, — с готовностью соврал он. — Их ребята выехали в Уотерфорд, увидели своими глазами, что там творится, и подняли дикий вой. Так что можете мне поверить — эта развалюха не стоит четырехсот пятидесяти тысяч. С другой стороны, да, верно, — наш трехмесячный опцион истекает во вторник. Но не забудьте, этот риэлтер — а Монахан прожженный гусь — все это время совершенно внаглую водил нас за нос. И ведь его блеф почти сработал.

— Так что вы предлагаете?

— Я предлагаю, чтобы до самого окончания срока опциона мы не рыпались. И не отвечали на их звонки и запросы вплоть до... ну, скажем, четверга. Вы тем временем переговорите с нашими финансистами по поводу двадцатипроцентного роста тарифов, а я побеседую с Монаханом. Вот увидите — он на коленях приползет, чтобы мы купили эту рухлядь за каких-нибудь тысяч двести.

— Вы уверены, Барт? — сощурился Орднер.

— Конечно, уверен, — ответил он, заставив себя улыбнуться. — Разве стал бы я высовывать шею, зная наперед, что мне ее укоротят?

Джордж, что ты вытворяешь???

Замолчи, Фред, мне сейчас не до тебя.

— Подведем итоги, — продолжил он. — Мы имеем перед собой жулика-риэлтера и полное отсутствие конкуренции. Стало быть, мы вполне можем позволить себе потянуть время. Каждый день пребывания в подвешенном состоянии заставит его сбивать цену все больше и больше.

— Ну хорошо, — с расстановкой произнес Орднер. — Пусть так. Однако я хочу четко расставить акценты, Барт. Если мы упустим эту сделку, а фабрику у нас из-под носа *уведет* кто-то другой, мне ничего другого не останется, как бросить вас на растерзание волкам. Хотя лично...

— Против меня вы ничего не имеете, — с улыбкой закончил он за Орднера.

— Послушайте, Барт, вы уверены, что Мэри вас не заразила? Что-то вид у вас неважный.

Ты бы на себя посмотрел, ублюдок!

— Ничего, скоро все наладится. Просто перенервничал немного из-за всей этой неразберихи.

— Да, конечно. — Орднер соорудил сочувственную физиономию. — Кстати, совсем забыл — ведь ваш дом тоже на самой линии огня...

— Да.

— Вы уже выбрали себе что-нибудь подходящее взамен?

— Глаз кое на что положили. Не удивлюсь, если заключу обе сделки в один день.

Орднер ухмыльнулся:

— Наверное, вам впервые в жизни доведется за один день подписать контракты тысяч на триста, а то и на все полмиллиона.

— Да, этот денек я навсегда запомню.

На обратном пути Фредди то и дело пытался заговаривать с ним, даже кричать на него — и ему не

раз приходилось шелкать выключателем. Он уже сворачивал на Западную Крестоллен-стрит, когда цепь вдруг с шипением перегорела и в ноздри емушиба-нул запах гари: тончайшие контакты и хрупкие узлы поджаривались, шипя, словно мясо на сковородке. Вопросы Фредди хлынули на него водопадом, и ему пришлось резко, обеими ступнями, затормозить. Автомобиль с визгом замер прямо посреди улицы, а ремень безопасности с такой силой врезался в грудь, что он невольно хрюкнул.

Овладев собой, он медленно подвел машину к бордюру. Выключил двигатель, потушил фары, отстегнул ремень и, весь дрожа, но не выпуская из рук рулевого колеса, откинулся на спинку сиденья.

Улица впереди плавно изгибалась, а цепочка уличных фонарей казалась отсюда светящимся рыболовным крючком. Эх и славная же это улочка! Большинство домов было построено после войны, между 1946 и 1958 годами, однако они каким-то чудесным образом избежали участи большинства своих сверстников и шеголяли свежей краской, аккуратно подстриженными газонами и сверкающими автомашинами на подъездных аллеях.

Со своими соседями он был хорошо знаком — да почему бы и нет? Они с Мэри прожили на Крестоллен-стрит уже без малого четырнадцать лет. Достаточно долго. В следующем за ними доме жили Апслингеры; их сын Кенни доставлял утренние газеты. Напротив жили Лэнги, а через дом — Хобарты (Линда Хобарт сидела с Чарли, когда он был маленьким, а теперь преподавала в городском колледже), затем — Стауфферы, Хэнк Альберт (его жена умерла от эмфиземы легких четыре года назад), Дарби, а почти напротив того места, где он сейчас сидел в машине и трясся, — Куинны. Со всеми этими людьми они с

Мэри были на короткой ноге. Помимо этого, они общались еще с дюжиной семей — в основном с теми, у кого были маленькие дети.

Да, Фред, замечательная у нас улица. И само место просто прекрасное. Да, я знаю, как всякие интеллектуалы презрительно фыркают, когда речь заходит о жизни в предместье, — это якобы не столь романтично, как кишашие крысами мебелирашки или городские коттеджи. Нет в пригороде ни великих музеев, ни великих парков — словом, вообще ничего великого.

Но знавали мы здесь много радостей...

Я понимаю, о чем ты думаешь, Фред. Радости — что такое «много радостей»? Радости, печали — все это ерунда, Фредди. По большому счету. Барбекю на заднем дворе летним вечером, когда все навеселе, но не пьяны. Караваны автомобилей, на которых мы отправлялись смотреть, как играют «Мустанги». Паршивые «Мусти» — не могли обыграть «Пэтс» даже в тот год, когда на них ставки один к двенадцати принимали. Приглашения на ужин, походы в гости. Гольф на вест-сайдском поле. Поездки с женами в Пондерозу, катание на картингах. Помнишь, как Билл Стауффер проломил какой-то забор и въехал на своем автомобильчике прямо в чей-то бассейн?

Угу, Джордж, помню. Мы смеялись до упаду. Но только сейчас, Джордж, мне не...

Так что, по-твоему, Фред, можно тогда бульдозеры сюда завозить? Сровнять весь наш район с землей. А потом возвести новый, в Уотерфорде, где вплоть до этого года одни пустыри были? И что там будет? Безликие коробки? Пластиковые трубы, замерзающие каждую зиму? Пластиковые деревья? Пластиковый район? И все потому, что какому-то умнику втемяшилось в башку проложить свою дурацкую автостра-

ду именно здесь, а посоветовавшись со своей секретаршей, он узнал, что и подружка секретарши горячо поддерживает этот проект, потому что приятелю подружки сейчас очень неудобно ставить автомобиль... Допустим, ты живешь на Лиловой аллее, которая пересекается с переулком Тополей. Или возьми улицу Вязов, улицу Дубов, улицу Кипарисов или улицу Сосен. Здесь в каждом доме есть своя ванная на первом этаже, туалет на втором, да еще и камин в восточном крыле. А теперь представь только, что, возвращаясь домой, ты вдруг видишь, что дома-то твоего и след простыл.

Но, Джордж...

Помолчи, Фред. Не слышишь разве, что я разговариваю? А куда подевались твои друзья и соседи? Может, вы не так уж и дружили с ними, но хоть люди были знакомые. А теперь — к кому ты за кофе или за сахаром обратишься, если вдруг нужда возникнет? Тони и Алисия Лэнг уже в Миннесоте, потому что узнав о неизбежном переезде, Тони сам попросил перевести его в другой филиал. Хобарты уже в Норт-Сайд перебрались. Хэнк Альберт переехал в Уотерфорд, однако, вернувшись домой после подписания бумаг, он скорее походил на человека в клоунской маске. Я ведь видел его глаза, Фредди. Он напомнил мне мученика, которому только что ампутировали ноги, а он прикидывается довольным — ведь на протезах не придется ногти подстригать или мозоли смазывать. Итак, мы переедем, и что с нами дальше будет? Что мы там будем делать, незнакомая для всех супружеская пара, коротающая время в чужом доме? Доживать свой век — вот что. Терпеливо дожидаться старости и смерти. Сорок лет, Фредди, — это конец молодости. Точнее, даже тридцать, но сорок — то

возраст, когда перестаешь обманывать сам себя. Нет, Фредди, я не хочу стареть в чужом доме.

Он снова плакал. Сидел в машине и плакал, как ребенок.

Джордж, но ведь по большому счету дело вовсе не в автомагистрали и не в переезде. Уж я-то знаю, что тебя тревожит.

Замолчи, Фред, я тебя в последний раз предупреждаю.

Но Фред не унимался, и это был дурной признак. Как ему обрести покой, если он и с Фредом-то справиться не в состоянии?

Все дело в Чарли, верно, Джордж? Ты просто не хочешь хоронить его во второй раз.

— Да, дело в Чарли, — произнес он, не узнав собственного голоса, искаженного слезами. — И еще во мне. Я не могу. Я и правда не могу...

Повесив голову, он разрыдался. Лицо его исказилось, он тер глаза руками; точь-в-точь как ребенок, только что обнаруживший, что любимый леденец провалился сквозь прореху в штанах.

Пустившись наконец снова в дорогу, он чувствовал себя разбитым и опустошенным. Но спокойным. Абсолютно спокойным. Он даже без трепета смотрел на темные дома по обеим сторонам улицы; дома, прежние обитатели которых уже переехали в другие районы.

Мы сейчас живем на кладбище, подумал он. Мы с Мэри. Как Ричард Бун в фильме «Я хороню живо-го». У Арлинов свет еще горел, но уже пятого декабря они съезжали. Навсегда. А Хобарты переехали в прошлый уик-энд. Пустые дома. Пустые глазницы окон в пустых же черепках.

Подъезжая к дому (Мэри была наверху — он видел неяркий отблеск ее торшера), он вдруг подумал о словах Тома Грейнджера, сказанных пару недель назад. Он поговорит об этом с Томом. В понедельник.

25 ноября 1973 года

Он сидел перед цветным телевизором, глядя на игру «Мустангов» с «Чарджерами» и потягивая любимый коктейль — смесь «Южного комфорта» и севен-апа. В третьей четверти «Чарджеры» были впереди: 27 на 3. Ракера перехватили трижды. Потрясная игра, да, Фред? Это точно, Джордж. Просто не представляю, как ты выдерживаешь такое напряжение.

Мэри спала у себя наверху. За уик-энд немного потеплело, а сейчас моросил легкий дождик. Он и сам уже клевал носом. Три коктейля кряду как-никак осушил.

В игре наступил перерыв, и на экране тут же дали рекламу. Бад Уилкинсон предупредил всех о катастрофических последствиях надвигающегося энергетического кризиса и предложил срочно обзаводиться солнечными батареями. Он также напомнил, чтобы люди не забывали задвигать печные заслонки; если, разумеется, они не собирались сжигать мотыльков или поджаривать ведьм, бороздящих на метлах ночное небо. В конце рекламного ролика на экране высветилась эмблема компании, которая его выпустила, — тигр со счастливой мордой выглядывал из-за щита, на котором было написано:

ЭКССОН

По его мнению, день, когда компания «Эссо» сменила свое название на «Экссон», должен был стать

для всех дурным предвестником надвигающихся тягот. «Эссо» само слетало с языка, нежно и ласково. «Экссон» напоминало имя какого-нибудь вождя с планеты Тьмутаракир.

— Экссон требует, чтобы все земляне сложили оружие, — торжественно произнес он. — Повинуйся, землянин. Не вздумай сопротивляться, жалкий червь.

Он фыркнул и смешал себе еще один коктейль. Ему даже не пришлось вставать; бутылка «Южного комфорта», двухлитровая бутылъ севен-апа и пластмассовое ведро со льдом стояли на маленьком круглом столике буквально у его локтя.

Игра возобновилась. «Чарджеры» нападали. Хью Феднак, основной разыгрывающий «Мустангов», перехватил мяч и переправил в линию нападения. «Мустанги» продвинулись вперед на шесть ярдов. Такие дела, как справедливо подметил Курт Воннегут. Он прочитал все его книжки. В первую очередь они поразили его своим юмором. Но вот на прошлой неделе по телевизору передали, что в школе города Дрейк, Северная Дакота, устроили публичное сожжение книжки Воннегута «Бойня номер пять», посвященной тому, как союзники разбомбили Дрезден. Забавное совпадение, да?

Послушай, Фред, и почему эти ублюдки не решили продолжить свою вонючую автостраду через Дрейк? Держу пари, что им бы там понравилось. Прекрасная мысль, Джордж. Почему бы тебе не черкнуть об этом в газету? Пошел ты в задницу, Фред!

«Чарджеры» реализовали очередную попытку и повели уже 34:3. Девчонки из группы поддержки запрыгали, вертя в воздухе оголенными ягодицами. Он погрузился в дремоту и уже не мог бороться с Фредом, который, воспользовавшись его беспомощностью, принялся назойливо приставать.

Послушай, Джордж, поскольку сам ты не соображаешь, что творишь, я тебе сейчас все сам растолкую. По полочкам разложу. (*Отстань, Фред.*) Во-первых, срок опциона стремительно истекает. В среду Том Макан заключит сделку с этим ирландским отродьем Патриком Монаханом. В среду днем или в четверг утром огромный плакат с надписью ПРОДАНО взметнется над воротами фабрики в Уотерфорде. Если кто-то из прачечной его увидит, ты еще можешь чуть-чуть отсрочить минуту расплаты, заявив: «Разумеется, продано. Нам». Но если Орднер проверит — тебе крышка. Впрочем, вполне возможно, что проверять он не станет. Однако (*Фредди, ну отстань же наконец.*) в пятницу появится новая вывеска. На ней будет вот что:

МЕСТО СТРОИТЕЛЬСТВА НОВОЙ ФАБРИКИ
ОБУВЬ ТОМА МАКАНА

Смотрите, как бурно мы развиваемся!

В понедельник утром тебя уволят. Лично я уверен, что тебя вышибут еще до первого же перерыва на кофе. Часов в десять. Тебе придется отправиться домой и признаться в содеянном Мэри. Не представляю, что за этим последует. Учитывая, что автобус до твоего дома идет пятнадцать минут, думаю, что в половине одиннадцатого вашему двадцатилетнему браку может настать конец. И ведь тебе придется еще выдумать какую-то причину для Мэри. Можно, конечно, отложить страшную сцену, напившись или прикинувшись невменяемым, но рано или поздно — *Фред, да заткнись ты наконец, скотина чертова!* — но рано или поздно тебе придется объяснить ей, почему ты лишился работы. Ох и попотеешь же ты! «Дело в том, Мэри, что дорожное управление собирается че-

рез месяц сровнять нашу прачечную на улице Елей с землей, а я облажался и не успел подобрать для нее новое здание. Просто я думал, что история с автострадой номер 784 — это обычный ночной кошмар и я вот-вот проснусь... Да, Мэри, я подобрал нам для переезда фабрику — да, да, в Уотерфорде, — но что-то мне помешало довести дело до конца. Какие убытки понесет от этого «Амроко»? О, ну миллион, а то и полтора, в зависимости от того, сколько времени им потребуется на поиск нового здания и подбор новых клиентов».

Фред, я тебя предупреждаю!

Или ты можешь сказать ей, что лучше всех владеешь истинным положением вещей. Дескать, прибыли в «Блю Риббон» стали настолько призрачными, что руководство само решило отказаться от открытия своего бизнеса на новом месте. Либо же оно пришло к выводу, что после того, как этот сукин сын засыпал столько сахара в бензобак, уже не стоит тратить время и усилия на восстановление прежнего бизнеса, а проще и дешевле перепрофилироваться. Можешь сказать ей это.

Иди к дьяволу, Фред!

И ведь это только первая серия, Джордж, а фильм-то двухсерийный. Часть вторая начнется, когда тебе придется признаться Мэри, что вам теперь и переезжать некуда. Как ты ей это скажешь?

Я ничего не собираюсь объяснять.

Ну понятно. Ты просто заснул в шлюпке и ничего не помнишь. Однако в полночь со вторника на среду твоя шлюпка сорвется с водопада и ухнет в пучину, Джордж. Богом молю, сходи в понедельник к Монахану и доставь ему несчастье. Подпиши контракт. Тебе все равно несдобровать из-за всей кучи вранья, что ты наворотил Стиву Орднеру в пятницу вечером.

Но в конце концов ты откупишься. Тебя возьмут на поруки. Сам знаешь, тебе приходилось и не из таких переделок сухим выходить.

Оставь меня в покое. Я уже почти сплю.

Все дело в Чарли, верно? Ты просто хочешь таким образом совершить самоубийство. Но ведь это нечестно по отношению к Мэри, Джордж. Это вообще несправедливо. Ты просто...

Он рывком выпрямился, опрокинув стакан с коктейлем.

— Я только сам себя наказываю.

Зачем тогда все это оружие, Джордж? В кого ты собрался стрелять?

Дрожа всем телом, он потянулся к бутылке и очередной раз наполнил свой стакан.

26 ноября 1973 года

Они обедали с Томом Грейнджером в «Ники», небольшом ресторанчике в трех кварталах от прачечной. Они сидели в отдельной кабинке, потягивая пиво и дожидаясь, пока подадут заказанные блюда. Из музыкального автомата раздавался голос Элтона Джона, который распевал: «Прощай, дорога из желтого кирпича».

Том вел беседу об игре «Мустангов» с «Чарджерсами», которую «Чарджеры» выиграли со счетом 37:6. Том болел сразу за все спортивные команды их города, а поражения любимцев не только выбивали его из колеи, но нередко доводили до иступления. В один прекрасный день, подумал он, слушая, как Том очередно чихвостит всех игроков «Мустангов» на все лады, Том Грейнджер отрежет себе ухо и отошлет его генеральному менеджеру. Сумасшедший болельщик

отправил бы ухо тренеру, который бы только посмеялся и пришил трофей к щиту с объявлениями в раздевалке, но вот Том послал бы ухо генеральному менеджеру, чтобы заставить того призадуматься.

Наконец улыбчивая официантка в белом брючном костюме из нейлона принесла им еду. Он оценил ее возраст лет в триста, а то и в триста четыре. Вес, пожалуй, выражался примерно такими же цифрами. На маленькой карточке над левой грудью было написано:

ГЕЙЛ

*Спасибо, что пришли к нам
Ресторан «Ники»*

Тому подали кусок жареного мяса, который плавал, как остров, посреди тарелки подлив. Сам же он заказал два недожаренных чизбургера с картофелем фри. Он знал, что чизбургеры здесь готовить умеют. Он не в первый раз обедал в «Ники». Продолжение автомагистрали номер 784 пощадило рестораник, пройдя почти в квартале от него.

Они приступили к трапезе. Закончив тираду насчет вчерашней игры, Том осведомился у него насчет уотерфордской фабрики и встречи с Орднером.

— Я собираюсь подписать контракт в четверг или в пятницу, — сказал он.

— А мне казалось, что срок опциона истекает во вторник, — нахмурился Грейнджер.

Он снова рассказал, как Том Макан отказался от покупки уотерфордской фабрики. Ложь ему радости не доставила. Он был знаком с Томом Грейнджером уже семнадцать лет. Особой сообразительностью Том не отличался. Невелика заслуга — обмануть Тома.

— Понятно, — кивнул Том, когда он закончил. Подцепив на вилку кусок мяса, он отправил его в рот

и тут же недовольно поморщился. — Господи, на кой черт мы сюда пришли? Готовить здесь не умеют. И кофе премерзко варят. Моя жена и та им сто очков вперед даст.

— Возможно, — произнес он и тут же добавил: — Кстати, ты не помнишь, когда открылся тот итальянский ресторанчик? Мы водили туда Мэри и Верну.

— Помню, в августе. Верна до сих пор вспоминает эту рикотту... Нет, ригатони. Да, точно, ригатони.

— А помнишь того толстяка, что рядом с нами сидел? С сальной мордой?

— Толстяка... — Том нахмурился, пытаясь вспомнить. Затем помотал головой: — Нет.

— Ты еще сказал, что он мафиози.

— А-а-а. — Глаза Тома Грейнджера широко раскрылись. Отодвинув тарелку в сторону, он закурил, а спичку бросил в тарелку с подливой, где она с шипением угасла. — Да, точно. Сэл Мальоре.

— Так его зовут?

— Угу. Подслеповатый толстяк. С девятью подбородками. Сальваторе Мальоре. Похоже на кличку проститутки в итальянском борделе, да? Циклоп Сэл, так его звали из-за бельма на одном глазу. Удалили года три-четыре назад в клинике Мейо... бельмо, конечно, а не глаз. Да, он настоящий мошенник.

— А чем он занимается?

— А чем они все занимаются? — хмыкнул Том, стряхивая пепел в тарелку. — Наркотики, девочки, азартные игры, отмывка денег, вымогательство. Ну и еще разборки с другими преступниками. Не читал в газете? Как раз на прошлой неделе труп одного парня со связанными руками обнаружили в багажнике легковушки позади бензозаправочной станции. С шестью пулями в голове и перерезанным горлом. Помоему, это бред. Кому могло понадобиться резать горло,

всадив бедняге шесть пуль в башку? Организованная преступность, вот чем наш Сэл занимается.

— А какое-то законное прикрытие у него есть?

— Да, наверное. Он в Лэндинг-Стрипе устроился, за Нортоном. Машинами торгует. Подержанные машины от Мальоре — гарантированное качество. В каждом багажнике — труп. — Том расхохотался и снова стряхнул пепел в тарелку. К столу подошла Гейл и осведомилась, не желают ли они еще кофе. Они заказали еще по чашечке.

— Я наконец достал эти металлические штыри для двери бойлерной, — сказал Том. — Они мне мой дрын напоминают. Очень похожи.

— Да ну?

— Точно, видел бы ты их. Девять дюймов в длину и три в поперечнике.

— Так ты имел в виду мой дрын? — спросил он, и оба расхохотались, продолжив разговор уже о своих рабочих делах, пока не пришла пора возвращаться в прачечную.

После работы он, как всегда, сел в автобус, но сошел на этот раз на Баркер-стрит, в тихом предместье. Заглянул в бар «Данкен». Заказал пиво и выслушал стенания Данкена по поводу в пух и прах проигранного «Мустангами» матча. К стойке подошел посетитель и пожаловался, что один из автоматов в кегельбане барахлит. Данкен отправился посмотреть, в чем дело, а он остался у стойки потягивать пиво и смотреть телевизор. Показывали очередной сериал — две женщины неспешно обсуждали какого-то Хэнка. Этот Хэнк возвращался домой из колледжа, а одна из женщин только что выяснила, что он не кто иной, как ее сын, родившийся двадцать лет назад, после безумной выпускной ночи.

Фредди в очередной раз попытался завести разговор, но Джордж жестко оборвал его. Выключатель сегодня работал исправно. С самого утра.

Ну и черт с тобой, ты, шизик хренов! — завопил Фред, и тут Джордж задал ему перца. *Иди торгуй газетами, Фредди. Здесь ты не нужен.*

— Нет, я ему ни в коем случае не признаюсь, — говорила одна из женщин в мыльной опере. — Как бы, по-твоему, я могла это сделать?

— Очень просто... сказать, и все, — пожала плечами ее собеседница.

— Но с какой стати? Почему я должна разрушать всю его жизнь из-за какого-то несчастного события, случившегося двадцать лет назад?

— Значит, ты собираешься его обмануть?

— Нет, я просто умолчу об этом.

— Но ты *должна* ему сказать. Обязана.

— Шарон, я не могу себе этого позволить.

— В таком случае, Бетти, я сама ему скажу!

— Этот гребанный автомат накрылся с концами, — пожаловался вернувшийся Данкен. — С самого начала ведь дурил. С первого дня. И что мне теперь делать? Звонить в эту поганую компанию? Ждать двадцать минут, пока какая-то сопливая девчонка-секретарша соединит меня с очередным вонючим козлом? Ах, все так заняты, но мы постараемся прислать специалиста в среду. *В среду!* А в пятницу подвалит какой-то придурок с мозгами величиной с горошину, выжрет полбочонка пива за мой счет, исправит поломку и нарочно подстроит так, чтобы через неделю еще какая-нибудь хреновина полетела. Ну и посоветует напоследок, чтобы клиенты швыряли шары поосторожнее. Вот раньше я электронный бильярд держал. Это были нормальные автоматы. Никогда не ломались. А это — прогресс в их понимании. Небось году в 1980-м, если

я еще к тому времени в ящик не сыграю, меня заставят тут вместо боулинга какой-нибудь автоминетчик установить, мать их за ногу! Пива еще хотите?

— Да, — кивнул он.

Данкен отправился цедить пиво. Он положил на стойку полдоллара и прошел в соседнее помещение к телефону-автомату, установленному как раз напротив сломавшегося боулинга.

Отыскал нужный номер в справочнике, в разделе «Автомобили, новые и подержанные». Нужные ему строчки выглядели так: ПОДЕРЖАННЫЕ МАШИНЫ МАЛЬОРЕ, дорога номер 16, Нортон, тел. 892-4576.

Дорога номер 16 при въезде в Нортон переходила в Веннер-авеню. Последняя также была известна под названием Лэндинг-Стрип; там можно было достать любой товар, который не рекламировался в телефонных справочниках.

Просунув в щель десятицентовую монетку, он набрал нужный номер. Со второго гудка трубку сняли, и звучный мужской голос произнес:

— «Подержанные машины Мальоре».

— Говорит Доус, — сказал он. — Бартон Доус. Могу я поговорить с мистером Мальоре?

— Сэл занят. Но я готов вам помочь, если смогу. Меня зовут Пит Мэнси.

— Нет, мистер Мэнси, я хочу переговорить с самим мистером Мальоре. Это по поводу тех двух «эль-дорадо».

— Вас не туда направили, — сказал Мэнси. — Мы до конца года крупные автомобили не берем из-за энергетического кризиса. Никто их сейчас не покупает. Так что...

— Я покупаю, — сказал он.

— Что вы сказали?

— Я покупаю у вас два «эльдорадо». Семидесятого и семьдесят второго года. Одна золотистая, вторая кремовая. Я говорил по их поводу с мистером Мальоре на прошлой неделе. Мы обо всем договорились.

— Ах да, понятно. Его сейчас нет, мистер Доус. Он в Чикаго. Вернется только в одиннадцать вечера.

Тем временем Данкен прилаживал к автомату табличку. На ней значилось:

НЕ РАБОТАЕТ

— А завтра он будет?

— Да, наверняка. Вы в рассрочку берете?

— Нет, сразу.

— Условия особые?

Чуть поколебавшись, он ответил:

— Да, конечно. В четыре часа я его застану?

— Да.

— Благодарю вас, мистер Мэнси.

— Я передам, что вы звонили.

— Да, спасибо, — сказал он и повесил трубку. Ладони вспотели.

Когда он вернулся домой, Мерв Гриффин болтал с очередными знаменитостями. В почтовом ящике ничего не было; приятный сюрприз. Он прошел в гостиную.

Мэри попивала из чашки горячий напиток с ромом. Рядом с ней лежала пачка бумажных салфеток, а в воздухе устойчиво пахло пастилками «Викс».

— Как дела? — осведомился он, приближаясь.

— Бе целуй беня, — прогнусавила Мэри. — Я, кажется, забобеба.

— Бедненькая. — Он поцеловал ее в лоб.

— Извиби, Барт, но не сходишь би ты сам в багазин? Бы уговорились было с Мег Картер, но я потоб перезвонила ей и отказалась.

- Хорошо. Температура есть?
- Бе збаю. Божет, бебольшая.
- Вызвать тебе врача?
- Бе стоит. Божет, завтра саба схожу.
- Н-да, гундосишь ты здорово.
- Угу. «Викс» побачабу побогали, но потоб... —

Она пожала плечами и кротно улыбноулась. — Я прябо как Добальд Дак разговариваю.

Чуть поколебавшись, он промолвил:

- Завтра вечером я задержусь; приду попозже.
- Да?

— В Норт-Сайд прокачусь — дом смотреть. На первый взгляд вроде бы неплохо. Шесть комнат. Небольшой задний двор. И не слишком далеко от Хобартов.

В ушах отчетливо слышался голос Фредди: *Гад ты лживый и последняя скотина, Джордж!*

Мэри просветлела.

- Как здорово! А я богу с тобой поехать?
- Нет, не стоит. тебе надо лечиться.
- Я былечусь.
- В другой раз, — отрезал он.
- Бадно, — вздохнула Мэри. — Как хорошо, что ты бакобец решибся. Я уже бобновабась.
- Ну и зря.
- Да.

Она еще раз отпила из чашки и прижалась к нему. Он слышал ее шумное дыхание. Мерв Гриффин оживленно трепался с Джеймсом Бролином по поводу его нового фильма «Западный мир». В ближайшем времени его собирались крутить по всем парикмахерским.

Минуту спустя Мэри поднялась и поставила в духовой шкаф упаковку с готовым ужином. Тем временем он подошел к телевизору и, переключив програм-

му, остановил выбор на каком-то боевике. Он старался не слушать увещаний Фредди. Некоторое время спустя Фредди сменил пластинку.

А помнишь, Джордж, как тебе достался твой первый телевизор?

Он улыбнулся, глядя не на Форреста Такера, а как бы сквозь него.

Помню, Фред. Еще бы не помнить.

Как-то вечером, примерно через два года после женитьбы, они вернулись домой от Апшоу, где смотрели по телевизору развлекательные программы, и Мэри спросила, не показалась ли ему Донна Апшоу несколько... отчужденной, что ли. Он хорошо помнил, как выглядела тогда и во что была одета Мэри. Худенькая и стройная, довольно высокая, в беленьких босоножках на каблуках, которые только что приобрела по случаю лета. И еще на ней были обтягивающие белые шортики; в них ее длинные ножки выглядели особенно завлекательными. Откровенно говоря, в ту минуту ему было вовсе не до Донны Апшоу; его интересовало только одно — как бы поскорее извлечь Мэри из этих шортиков. Больше ничто его в тот миг не волновало.

— Может, ей просто надоело угощать орешками половину населения предместья лишь потому, что у них у единственных на всей нашей улице есть телевизор? — предположил он.

Ему показалось, что хорошенький лобик Мэри прочертила тонкая морщинка — так бывало всегда, когда у его жены было что-то на уме; однако к тому времени они уже поднимались по лестнице в спальню, а его пальцы гладили и тискали ее соблазнительный задик.

Лишь позже, значительно позже, она спросила:

— Слушай, Барт, а во что бы нам обошелся настольный приемник?

В полудреме он ответил:

— Мне кажется, что приличную «Моторолу» можно было бы раздобыть долларов за двадцать восемь — тридцать. А вот «Филко»...

— Я не про радиоприемник говорю, Барт. Меня интересует телевизор.

Он присел, включил свет и уставился на нее. Мэри лежала рядом обнаженная, простыня была стянута почти до самых коленей. Хотя она и улыбалась, он видел: Мэри настроена серьезно.

— Мэри, пока мы не можем себе этого позволить.

— Так сколько все-таки стоит настольная модель? «Дженерал электрик», «Филко» или что-нибудь в этом роде?

— Новый?

— Да.

Он чуть задумался, глядя, как играет матовый свет на изяшных округлостях ее груди. В те годы Мэри была совсем худенькая (вообще-то она и сейчас не толстушка, Джордж, упрекнул он себя; а я этого и не говорил, Фредди) и какая-то *более живая*, что ли.

— Мне кажется, долларов семьсот пятьдесят, — произнес он, надеясь, что улыбка сползет с ее лица. Однако этого не случилось.

— Что ж, давай посмотрим, — сказала она, усаживаясь и подворачивая под себя ноги.

— А я уже смотрю, — ухмыльнулся он.

— Не сюда, нахал. — Мэри расхохоталась, но щечки ее зарделись (между прочим, прикрываться она все-таки не стала, это он как сейчас помнил).

— Ну так что ты задумала?

— Зачем нужен телевизор мужчине? — вслух рассуждала она. — Чтобы смотреть спортивные переда-

чи по уик-эндам. А зачем телевизор женщине? Чтобы смотреть днем мыльные оперы. Представляешь, как удобно — ты гладишь и одновременно смотришь телевизор. А теперь только представь на минутку, что мы с тобой оба обречем такое, что поможет нам с пользой провести время, которое в противном случае было бы потрачено зря...

— Например, на чтение или на любовь, — с невинным видом промолвил он.

— Вот на *это* у нас время всегда находится, — со смехом заметила она и покраснелась больше прежнего; при свете ночника глаза ее казались темными, а таинственная ложбинка между грудями властно манила его к себе. И он понял, что уступит, пообещает ей даже полуторатысячный «Зенит», встроенный в шкафчик, если она только позволит ему сейчас еще разок предаться любви; при одной лишь мысли об этом он возбудился и ощутил, как каменеет его змей — так забавно однажды выразилась сама Мэри, когда они возвращались с новогодней вечеринки у Ридпатов, где она чуть-чуть перепила. Даже сейчас, восемнадцать лет спустя, он вновь ощутил, как каменеет змей — и ведь от одного лишь воспоминания.

— Что ж, ладно, — сказал он. — Я буду грабить припозднившихся путников по уик-эндам, а ты научишься обирать их карманы в дневное время. Однако если серьезно, то что, милая Мэри, моя не совсем Дева Мария, мы будем делать?

Она запрыгнула на него, хихикая, а он чувствовал животом ее мягкие груди (сейчас уже, конечно, не те, Фредди; не те, что прежде).

— Вот в том-то и фокус, — ответила она. — Какое у нас сегодня число? Восемнадцатое июня?

— Совершенно верно.

— Ну вот, делай по уик-эндам то, что ты задумал, а восемнадцатого декабря мы сложимся и...

— ...купим тостер, — ухмыльнулся он.

— ...купим телевизор, — настойчиво сказала она. — Я уверена, Барт, что нам это по силам. — И она снова захихикала. — Но самое занятное во всем этом, что вплоть до самой последней минуты мы не скажем друг дружке, чем занимаемся.

— Что ж, я согласен, — с серьезным видом сказал он. — Если только завтра, вернувшись с работы, не увижу над нашей дверью красный фонарь.

Она схватила его, взгромодилась сверху и принялась щекотать; щекотка быстро сменилась ласками.

— Давай, — прошептала она, прижимаясь к нему всем телом. — Сейчас. Я хочу тебя, милый.

Позже, уже снова в темноте, лежа на спине, сцепив руки за головой, он спросил:

— Значит, ничего друг дружке не рассказываем?

— Да.

— Слушай, Мэри, а с чего вообще возник этот разговор? С того, как я сказал, что Донне Апшоу просто надоело угощать орешками половину населения нашего предместья?

На сей раз она уже не хихикала. Голос ее звучал ровно, строго и даже слегка пугающе: в спальне их квартирки на третьем этаже дома без лифта вдруг пахнуло зимой посреди теплой июньской ночи.

— Я не люблю нахлебников, Барт. И сама не собираюсь быть ею. Никогда.

Дней десять он обдумывал ее предложение, ломая голову над тем, каким образом заработать свою половину семисот пятидесяти долларов (а то и три четверти, поскольку все шло к этому) в течение двадцати (примерно) последующих уик-эндов. Он был уже не в том возрасте, чтобы подстригать лужайки за два-

дцать пять центов. А вот Мэри стала выглядеть умиротворенной и довольной — ее сияющий вид подсказывал ему, что она уже нашла занятие себе по душе.

Да, славные были денечки, верно, Фредди? — спросил он себя, глядя, как фильм прерывается рекламой и забавный нарисованный кролик призывает деток кушать конфетки. Да, Джордж. Денечки были просто *потрясные*.

Как-то раз, отпирая после работы свою машину, он случайно кинул взгляд на здоровенную дымовую трубу, торчавшую ввысь прямо за химчисткой, вот тогда его и осенило.

Он снова запер машину, спрятал ключи в карман и пошел к Дону Таркингтону. Дон откинулся на спинку кресла и воззрился на него из-под кустистых, совершенно седых бровей (седые волоски пучками росли у него из ушей и ноздрей), скрестив руки на груди.

— Вы хотите выкрасить башню, — повторил Дон.

Он кивнул.

— За уик-энды.

Он снова кивнул.

— За триста долларов?

Еще один кивок.

— *У вас не все дома.*

Он расхохотался.

Дон улыбнулся уголком рта.

— Барт, вы, случайно, наркотиками не балуетесь? — спросил Дон в лоб.

— Нет, — ответил тот. — Мы с Мэри заключили договор.

Седые брови взметнулись на лоб.

— Пари?

— Не совсем. Скорее — джентльменское соглашение, если можно так выразиться. Но это не важно, Дон. Трубу давно пора покрасить, а мне позарез нуж-

ны три сотни. Что скажете? В фирме по малярным работам с вас бы четыреста двадцать пять баксов содрали.

— Вы проверяли?

— Да.

— Нет, вы точно чокнутый, — убежденно произнес Дон. — Разобьетесь ведь к чертовой матери.

— Не исключено, — ответил он и снова расхохотался (даже сейчас, восемнадцать лет спустя, когда нарисованный кролик уступил место выпуску новостей, он сидел и ухмылялся как ненормальный).

Вот так случилось, что уже на следующий после Четвертого июля уик-энд он очутился на предательски шаткой платформе в восьмидесяти футах над землей с малярной кистью в руке. Как-то раз налетела внезапная гроза, и порыв ветра оборвал один из тросов с такой легкостью, словно это была нитка. По счастью, страховочная веревка, обмотанная вокруг пояса, выдержала, и он медленно спустился на крышу химчистки в полной уверенности, что никакая сила на свете (и уж тем более — стремление обзавестись телевизором) не загонит его обратно. Однако он вернулся. Не ради телевизора, но ради Мэри. Ради ее прекрасных грудей в матовом свете ночника; ради ее горделивой улыбки и бесенят в глазах, которые временами светлели, а порой вдруг недобро темнели, как летнее небо в грозу.

Он закончил красить трубу в начале сентября; теперь она ярко белела, словно палец на фоне неба, словно проведенная мелом черточка на голубой классной доске. Смывая с рук краску с помощью растворителя, он с гордостью взирал на свое творение.

Дон Таркингтон выдал ему чек на триста долларов.

— Недурно, весьма недурно, — похвалил он. — Учитывая особенно, какой осел это сотворил.

Еще пятьдесят долларов он заработал, отштукатурив стены детской комнаты у Генри Чалмерса — в те дни Генри был управляющим на фабрике — и выкрасив заново старенький «крайслер» Ральфа Тремонта.

И вот настало восемнадцатое декабря. Они с Мэри уселись за небольшой обеденный стол напротив друг друга, словно соперничающие друзья-ковбои на Диком Западе. Он выложил перед Мэри триста девяносто долларов — на положенную в банк сумму набегали неплохие проценты.

Мэри же заработала целых четыреста шестнадцать долларов. Она вынула увесистую пачку из кармана передника. Пачка была куда толще, чем у него, — в основном она состояла из однодолларовых купюр и пятерок.

Широко раскрыв от изумления глаза, он спросил: — Господи, Мэри, как тебе это удалось?

Улыбаясь, она ответила:

— Я сшила двадцать шесть платьев, подрубила сорок девять подолов, обшила каймой шестьдесят четыре юбки; а еще сшила тридцать одну юбку, сделала три выкройки, выткала четыре ковра, связала пять свитеров, два шерстяных платка, изготовила один набор скатертей и салфеток; а еще вышила шестьдесят три носовых платка, двенадцать наборов полотенец и двенадцать наволочек... До сих пор мне по ночам все эти монограммы снятся.

Смеясь, она вытянула вперед руки, и впервые за все время он увидел мозоли на подушечках ее пальцев, словно у профессионального гитариста.

— Господи, Мэри, — произнес он внезапно охрипшим голосом, — что случилось с твоими руками.

— Руки как руки, — ответила она; глаза ее потемнели, и в них снова заплясали бесенята. — А ты, Барт,

замечательно смотрелся на верхотуре. Меня так и подмывало приобрести прашу и запустить каменюку тебе в зад...

Он взревел, вскочил и бросился к ней. Мэри, хоча во все горло, кинулась наутек, через гостиную — в спальню. Где он ее и настиг. И где, если я точно помню, мы и провели с ней остаток дня, Фредди.

Они подсчитали, что денег на настольный телевизор им хватает с лихвой, а вот на встроенную модель недостает каких-то сорока долларов. Владелец магазина «Джон» (и этот магазин был уже похоронен под продолжением автомагистрали номер 784, как и «Гранд», да и многое другое) сказал, что с радостью отдаст им телевизор в рассрочку хоть сейчас и всего за десять долларов в неделю...

— Нет, — отрезала Мэри.

Джона ее отказ озадачил.

— Но ведь речь идет всего о каких-то четырех неделях, — обиженно сказал он. — Лучших условий кредита вам нигде не предложат.

— Одну минутку, — сказала Мэри и вывела мужа из магазина на украшенную к Рождеству улицу, где из каждого окна и из каждой двери неслись веселые рождественские мелодии.

— Мэри, — начал он, — Джон прав. Он ведь предлагает нам очень выгодные...

— Первое, что мы купим в кредит, Барт, будет наш собственный дом, — твердо заявила Мэри. Лобик ее слегка наморщился. — Теперь выслушай...

Они вернулись в магазин.

— Вы не могли бы оставить его для нас? — попросил он Джона с места в карьер.

Тот замялся:

— Может быть... если ненадолго. Сейчас ведь все хорошо продается, мистер Доус. На сколько?

— Только до понедельника, — сказал он. — Я зайду вечером. Перед закрытием.

Весь уик-энд они провели за городом, на студенческом воздухе, дожидаясь снегопада, который так и не начался. Они медленно колесили по проселочным дорогам, хихикая, как дети. Он прихватил с собой полдюжины пива, а Мэри припасла бутылку вина. Бутылки из-под выпитого пива они не только сохранили, но нашли еще великое множество; целые мешки бутылок из-под пива и газировки. Маленькие бутылочки стоили два цента, а большие принимали по пять. Да, тот уик-энд вышел для них чертовски трудным, вспоминал Барт, длинные волосы Мэри развевались на ветру над воротником ее куртки из искусственной кожи, щечки покраснелись. Он словно воочию видел, как она спускалась в кюветы, засыпанные опавшими листьями, разгребая листву ногами, шурша при этом, словно огонь, пожирающий сухую траву на лугу... наградой служило звяканье стекла, и Мэри извлекала из канавы очередную бутылку и торжествующе, по-детски, улыбаясь до ушей, махала ею над головой.

А ведь сейчас уже стеклянную посуду не принимают, Джорджи. Ни залога тебе сейчас, ни возврата тары. Выпей и выброси — вот девиз наших дней.

В тот понедельник, после работы, они сдали бутылку на тридцать один доллар, распределив добычу по четырем супермаркетам. К Джону они подоспели за десять минут до закрытия.

— Мне не хватает девяти долларов, — огорченно сказал он Джону.

Джон махнул рукой и быстро написал «Оплачено» на сертификате продажи, приложенном к огромному телевизионному приемнику «Зенит».

— Веселого Рождества, мистер Доус, — пожелал он. — Сейчас я выкачу тележку и помогу вам выбраться на улицу.

Они доставили телевизор домой, и взволнованный Дик Келлер, сосед с первого этажа, помог им втащить его в их квартиру на третьем этаже. В ту ночь они смотрели телевизор, пока не отыграл национальный гимн на последнем канале, а потом предались любви перед таблицей настройки; с непривычки головы у обоих раскалывались.

Никогда с тех пор телевизор не доставлял им столько удовольствия.

Мэри вошла в комнату и увидела, что он пялится на экран, держа в руке опустевший стакан.

— Ужиб готов, Барт, — сказала она. — Тебе сюда прибести?

Он посмотрел на жену, пытаясь вспомнить, когда в последний раз видел на ее губах задорную улыбку... Заодно он попробовал припомнить, когда именно тоненькая бороздка между бровями превратилась в постоянную морщинку, шрам, татуировку, напоминающую о возрасте.

Господи, на кой черт мне дались такие дурацкие мысли, подумал он. Никогда прежде меня ничто подобное не интересовало. Что бы это значило?

— Барт?

— Давай поужинаем в столовой, — сказал он. Затем встал и выключил телевизор.

— Хорошо.

Они уселись за стол. Он посмотрел на подносик из алюминиевой фольги с разогретым ужином. Шесть маленьких отделений, в каждое из которых было словно впрессовано нечто съестное. Мясо покрывала под-

лива. У него возникло впечатление, что мясо в таких быстрозамороженных блюдах всегда покрыто подливой. Он вдруг подумал, что без подливы мясо казалось бы голым. Затем, без всякой видимой причины, вдруг представил себе облысевшего Лорна Грина. *Плешивый как коленка.*

На сей раз это его не рассмешило. Напротив — немного напугало.

— О чеб ты таб убыбабся в гостибой, Барт? — спросила Мэри. Глаза ее покраснели, а уголки носа вспухли.

— Не помню, — ответил он, а сам подумал: *Господи, а ведь я сейчас закричу. Или в голос зарыдаю. По всему, что мы потеряли. По твоей улыбке, Мэри. Извини, если я сейчас запрокину голову назад и закричу от тоски по твоей канувшей навсегда улыбке. Ладно?*

— Вид у тебя быб совершеббо счастливый, — добавила она.

И вот вопреки своей воле — это была тайна, а сегодня он испытывал нужду в своих секретах, сегодня его чувства были натянуты, как нерв, — вопреки своей воле он сказал:

— Я думал о том времени, когда мы отправились собирать бутылки, чтобы расплатиться за этот телевизор.

— А, побятбо, — протянула Мэри и шумно высморкалась в носовой платочек прямо над своим алюминевым подносыком.

В придорожном супермаркете недалеко от их дома он столкнулся нос к носу с Джеком Хобартом. Тележка Джека была доверху загружена замороженными продуктами, консервными банками и пивом.

— Привет, Джек! — воскликнул он. — Какими судьбами?

Джек натянуто улыбнулся.

— Никак не могу привыкнуть к местным магазинам, — ответил он, словно оправдываясь. — Вот и подумал, заскочу-ка сюда по старой памяти...

— А где Эллен?

— Ей пришлось улететь в Кливленд, — сказал Хобарт. — На похороны матери.

— Господи, вот жалость. Внезапно, да?

Их обходили другие покупатели, толкая перед собой тележки. Сверху из невидимых репродукторов лилась негромкая музыка; приятная, но незапоминающаяся. Мимо прошла женщина, волоча за руку упирающегося и заплаканного мальчонку лет трех.

— Да, внезапно, — вздохнул Джек Хобарт. Бессмысленно улыбаясь, он потупил взор и уставился на свою тележку. Сверху громоздился здоровенный ярко-желтый пакет с броской надписью:

КИТТИ-ПАН КИТТИ-СВИТИ

Используй и выброси!

Соблюдайте гигиену!

— Как гром среди ясного неба, — продолжил Хобарт. — Конечно, чувствовала она себя неважнецки, но думала, что это естественно для женщины; годы берут свое и прочее. А оказалось, что у нее рак. Ее разрезали, посмотрели и — тут же зашили. А три недели спустя она умерла. Страшный удар для Эллен. Ведь мама была всего на двадцать лет старше ее.

— Да, — кивнул он.

— Так что она пока побудет в Кливленде.

— Понятно.

— Так вот.

Они обменялись понимающими взглядами и смущенно улыбнулись друг другу.

— Ну как там? — спросил он. — В Норт-Сайде?
— По правде говоря, Барт, пока не очень. Народ там не слишком дружелюбный.

— Да ну?

— Ты ведь знаешь, что Эллен в банке служит?

— Конечно.

— Так вот, многие девчонки устроили там нечто вроде автомобильного общака. Я давал Эллен нашу машину каждый четверг — это был ее вклад в общий котел. Ну а в Норт-Сайде тоже есть нечто подобное, но там женщины входят в особый клуб, членам которого позволяют пользоваться общими автомобилями. Только вот Эллен в него не приняли — для того чтобы стать членом, нужно прожить в Норт-Сайде не меньше года.

— Слушай, Джек, от этого пахнет дискриминацией.

— Да ну их в задницу! — гневно выпалил Джек. — Теперь Эллен не вступит в их вонючий клуб, даже если они будут на карачках перед ней ползать. Я купил для нее машину. Подержанный «бьюик». Она в него просто влюблена. Надо было пару лет назад это сделать.

— А как дом?

— Прекрасный, — ответил Джек и снова вздохнул. — Электричество только дороговато обходится. Видел бы ты наши счета! Для семьи с ребенком в колледже это серьезно.

Ни один из них не спешил расставаться. Уняв гнев, Джек теперь снова смущенно улыбался. И вдруг его осенило — Джек до смерти рад их встрече и пытается оттянуть миг разлуки. Он вдруг представил себе Джека, который бесцельно слоняется по пустому дому, не зная, чем себя занять, пока жена за тысячу миль от дома предает мать земле.

— Слушай, а почему бы тебе не заглянуть к нам? — предложил он. — Посидим, пивка попьем, послушаем, как Говард Коуселл объясняет, что за чертовщина в нашем футболе творится.

Джек расцвел.

— Что ж, это было бы замечательно.

— Дай только Мэри позвоню, чтобы приготовилась.

Расплатившись в кассе, он позвонил Мэри, и Мэри охотно согласилась. Она сказала, что оставит им закуску, а сама ляжет в постель, чтобы не заразить Джека.

— Как ему на бовоб бесте? — полюбопытствовала она.

— Вроде бы неплохо. Слушай, Мэри, у Эллен умерла мать. Она улетела в Кливленд на похороны. Рак.

— Боже, какой кошмар!

— Вот я и подумал, что Джека нужно немного приободрить, и поэтому...

— Да-да, я побигаю. — Чуть помолчав, она спросила: — Ты сказаб ему, что скоро бы опять стабеб соседяби?

— Нет, — ответил он. — Пока не сказал.

— А зря. Это его уж точно взбодрит.

— Хорошо. Пока, Мэри.

— Пока.

— Выпей аспирин, прежде чем ляжешь.

— Ладбо.

— Пока.

— Пока, Джордж.

Он устался на телефонную трубку, словно замороженный. Ведь так она называла его только в тех случаях, когда была им очень довольна. Ведь всю эту игру во Фреда-Джорджа придумал Чарли.

Вместе с Джеком Хобартом они отправились домой. Посмотрели футбольный матч. Напились пива. Но радости это ему не доставило.

В четверть первого, залезая в машину, Джек приподнял голову и пробормотал:

— А все эта проклятая магистраль, чтоб ее разорвало! Из-за нее вся эта хренотень!

— Точно, — кивнул он. И внезапно ему пришло в голову, что Джек выглядит жутко постаревшим. Это его напугало — ведь Джек одних с ним лет.

— Не пропадай, Барт.

— Хорошо, Джек.

Они улыбнулись друг другу, немного пьяно и немного опустошенно. Затем он проводил взглядом автомобиль Джека, пока огни фар не скрылись за косогором.

27 ноября 1973 года

С похмелья у него немного болела голова, да и в сон клонило. Дребезжание стиральных машин, равномерный гул, шипение и громохание отжимных агрегатов и гладильных прессов болезненно долбили по барабанным перепонкам, словно отбойные молотки.

Но еще хуже ему было из-за Фредди. Он сегодня точно взбесился.

Слушай, говорил ему Фред. Это твой последний шанс. У тебя осталось несколько часов, чтобы зайти к Монахану. Если протянешь до пяти часов, потом будет поздно.

Но ведь срок опциона заканчивается только в полночь.

Верно. Однако едва истечет рабочее время, как Монахан спешно кинется навещать своих дальних родственников. На Аляске. Ведь лично для него это будет означать весьма ощутимую разницу между сорока пятью и пятьюдесятью тысячами долларов. Ла-

комая сумма. Стоимость нового автомобиля. За такие деньги можно отыскать родственников где угодно, даже в бомбейской канализации.

Однако все это не имело значения. Он уже отрезал себе пути к отступлению. Сжег за собой мосты. Словно загипнотизированный, он с каким-то необъяснимым сладострастием ждал неминуемого взрыва, который должен был разнести все в клочья. В животе мерзко урчало.

Большую часть дня он провел в стиральном отделении, наблюдая за тем, как Рон Стоун с Дейвом проверяют эффективность нового моющего средства. От гула и грохота в голове гудело, но по крайней мере этот адский шум заглушал его собственные мысли.

По окончании работы он вывел машину со стоянки — Мэри с удовольствием разрешила ему попользоваться их автомобилем, поскольку он собирался смотреть новый дом, — и, прокатив через весь город, въехал в Нортон.

На всех углах и возле баров здесь стояли чернокожие. Рестораны наперебой предлагали блюда со скидками. Детишки резвились и прыгали на расчерченных мелом тротуарах. На глазах у него пижонский автомобиль — огромный розовый «эльдорадо» подкатил к подъезду многоквартирного дома. Из него вылез темнокожий гигант ростом с Уилта Чемберлена*; голову его венчала белая плантаторская шляпа, а одет он был в белоснежный костюм с перламутровыми пуговицами и черные туфли на платформе с огромными золотыми пряжками по бокам. В руке он держал массивную трость с круглым набалдашником из сло-

* Знаменитый американский баскетболист из НБА, первым набравший сто очков за игру.

новой кости. Он медленно и величественно обогнул капот автомобиля, увенчанный рогатыми карибу. На шее у гиганта висела серебряная цепь с крохотной серебряной ложечкой, ярко и весело подмигивавшей на солнце. Он видел в зеркальце заднего вида, как к великану бросились детишки и начали кланяться у него конфеты.

А еще через девять кварталов жилые дома стали редеть, тут и там перемежаясь с полями и болотистыми прогалинами. Болотца и пруды с маслянистой водой темнели между лесистыми холмами, поверхность их радужно переливалась. Слева на горизонте заходил на посадку самолет; там размещался городской аэропорт.

Он ехал по дороге номер 16 мимо городских окраин. Миновал «Макдоналдс». Затем закусочную «Шейки», гриль-бар «Нино». Оставил позади пару мотелей, закрытых по случаю межсезонья. Проехал мимо открытого кинотеатра для автомобилистов, вывеска которого гласила:

ПЯТ — СУБ — ВСК

**БЕСПОКОЙНЫЕ ЖЕНЫ
НЕКОТОРЫЕ БЕГУТ (ЭРОТ.)
ОПАСНОСТЬ**

Позади остались кегельбан и автостоянка, также закрытая на зиму. Бензозаправочные станции — обе с плакатами:

ИЗВИНИТЕ — БЕНЗИНА НЕТ

До выделения декабрьской квоты оставалось еще четыре дня. Он не мог заставить себя сочувствовать

стране, угодившей в кризис, достойный пера писателя-фантаста, но вот маленьких людей, которым ни за что ни про что прихлопнуло яйца захлопнувшейся дверью, ему было искренне жаль.

Еще милая, и он подкатил к зданию с вывеской «Подержанные машины Мальоре». Он сам не знал, что ожидал увидеть, но испытал легкое разочарование. Уж больно второразрядным и аляповатым выглядело заведение. Все автомобили выстроились на стоянке капотами к дороге под развевающимися на ветру флагами — красными, желтыми, синими и зелеными, — укрепленными между флюоресцентными лампами, которые, видимо, освещали стоянку по ночам. Ценники с броскими характеристиками были приклеены к ветровым стеклам:

795 ДОЛЛАРОВ
БЫСТРА КАК ВЕТЕР!

или:

550 ДОЛЛАРОВ
НАДЕЖНА И БЕЗОТКАЗНА!

А на запыленном стареньком «вальянте» со спущенными шинами и разбитым стеклом:

75 ДОЛЛАРОВ
ОСОБЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ!

Продавец в серо-зеленом комбинезоне улыбался и кивал, слушая молодого парня в красном шелковом пиджаке. Они стояли возле голубого «мустанга» с ржавевшим корпусом. Парень что-то процедил и пнул ногой дверцу, которая жалобно заскрипела. С нее посыпались хлопья ржавой краски. Продавец только пожал плечами, не переставая улыбаться. «Мустанг» же безмолвствовал, дрыхля буквально на глазах.

Посреди стоянки разместились в одном здании гараж и контора. Он подъехал ко входу и, остановив машину, вышел.

На подъемнике в гараже стоял изрядно обветшавший «додж» с гигантскими крыльями. Под машиной возился механик, руки которого были настолько перепачканы маслом, что казались затянутыми в темные перчатки.

— Эй, мистер, здесь нельзя парковаться, — крикнул механик. — Вы нам въезд перегородили.

— А где мне поставить машину?

— Если вы в контору идете, то поставьте ее сзади, за углом гаража.

Он уселся в свой «ЛТД» и обогнул изглоданный ржавчиной угол железного гаража, стараясь держаться подальше от выстроившихся рядом автомобилей. Подыскал свободное место, поставил машину и выбрался наружу. Резкий порыв ветра невольно заставил его поморщиться. После прогретого салона пронизывающий ветер казался ледяным, и ему пришлось прищуриться, чтобы на глаза не навернулись слезы.

За гаражом разместилось автомобильное кладбище. Оно растянулось на сотни ярдов, казалось бесконечным. С большинства машин запчасти были давно сняты, и теперь остовы автомобилей скорбно маячили, словно окоченевшие трупы жертв свирепой эпидемии, которые из-за их заразности так и не удосужились предать земле хотя бы в братской могиле. Пустые глазницы вывинченных фар взирали на него с безмолвной укоризной.

Он вернулся ко входу. Механик устанавливал глушитель на «додж». Рядом с ним на снятом колесе стояла открытая бутылка кока-колы.

Он обратился к механику:

— Мистер Мальоре у себя?

Почему-то, разговаривая с автомеханиками, он всегда ощущал себя последним болваном. Свою первую машину он приобрел двадцать четыре года назад, однако и сейчас, обращаясь к механику, чувствовал себя сопливым мальчишкой.

Обернувшись через плечо, но не прекращая работать, механик нехотя процедил:

— Да, он там с Мэнси. В конторе.

— Спасибо.

— Не за что.

Он прошел в контору. Стены были отделаны под сосну, а пол устлан грязноватым линолеумом в красно-белую клетку. На столике между двумя старенькими креслами громоздились журналы — главным образом «Потусторонняя жизнь», «Охота и рыболовство» и «Помощник яхтсмена». В креслах никто не сидел. Единственная дверь вела, по всей видимости, в кабину, а слева располагалась крохотная застекленная кабинка наподобие театральной кассы. В кабинке сидела женщина, усердно высчитывавшая что-то с помощью арифмометра. В ее волосы был воткнут желтый карандаш. На тощей груди висели на сверкающей цепочке очки в переливающейся оправе.

Немного нервничая, он приблизился к кабинке. И даже облизнул губы, прежде чем заговорить.

— Э-э, прошу прощения.

Женщина подняла голову:

— Да?

Он с трудом подавил в себе желание закричать: *«Вызови сюда Циклопа Сэла, сука! И пошевеливайся!»*

Вместо этого он вежливо произнес:

— Мистер Мальоре назначил мне встречу.

— В самом деле? — Она кинула на него изучающий взгляд, затем покопалась в каких-то бумажках и,

достав одну из них, спросила: — Вы Доус? Бартон Доус?

— Да.

— Заходите.

Сухо улыбнувшись, она снова погрузилась в свои расчеты, ожесточенно накручивая ручку арифмометра.

Он жутко нервничал. Наверняка ведь они понимают, что предлог для встречи у него фальшивый. Из вчерашних слов Мэнси было совершенно очевидно, что продажа подержанных автомобилей нужна им лишь для прикрытия. И они знали, что он это знает. Может, будет лучше, если он сейчас повернет, выйдет отсюда и помчит на всех парах к Монахану в надежде перехватить риэлтера, прежде чем тот улетит на Аляску, в Тимбукту или еще куда.

Наконец-то, хмыкнул Фредди. Наконец-то ты обдумался. Давно бы так.

Пропустив слова Фредди мимо ушей, он толкнул дверь и вошел в кабинет. Там находились двое. За столом сидел пузатый мужчина в очках с толстенными линзами. Его собеседник был тощ как спичка и облачен в розовый пиджак спортивного покроя, напоминавший ему пиджак Винни. Он склонился над столом, разглядывая какой-то каталог.

При его появлении оба подняли головы. Мальоре улыбнулся. В очках его глаза казались выцветшими и огромными, словно желтки сваренного вкрутую яйца.

— Мистер Доус?

— Да.

— Очень рад, что вы заехали. Не закроете ли дверь?

— Хорошо.

Он закрыл дверь и повернулся. Мальоре больше не улыбался. Как, впрочем, и Мэнси. Оба пристально разглядывали его, а в комнате, казалось, похолодало градусов на двадцать.

— Ну? — требовательно буркнул Мальоре. — Какого хрена вы там наболтали про эти «эльдорадо»?

— Я хотел просто поговорить с вами.

— Разговариваю я бесплатно. Но не с такими заносцами, как вы. Позвонили Питу, напледали ему с три короба. Говорите, мистер. Только ближе к делу.

Не отходя от двери, он проблеял:

— Мне говорили, у вас можно кое-что купить.

— Угу. Машины. Я торгую подержанными машинами.

— Нет. — Он покачал головой. — Я не то имею в виду. Мне нужно... — Он обвел глазами стены, облицованные под сосну. Может, они нашпигованы «жучками»? — Мне нужно нечто другое, — неловко закончил он.

— Что вы имеете в виду? «Дурь», девок, подпольные ставки? Или пушку хотите, чтобы жену или босса ухлопать? — Увидев, что он вздрогнул, Мальоре громко расхохотался: — Нет, мистер, для подсадной утки вы играете недурно. Прикинулись, будто «жучков» опасаетесь, верно? Этому в вашей полицейской академии в первую очередь учат, да?

— Послушайте, я вовсе не...

— Замолчите, — велел ему Мэнси. И взял в руки каталог. Ногти у него были с маникюром, холеные. Ему никогда прежде не приходилось видеть столь ухоженных ногтей, разве что в телевизионных рекламных роликах — у актеров, призывающих поглощать аспирин. — Если Сэл захочет вас слушать, он вам сам скажет.

Он заморгал и послушно прикусил язык. Казалось, будто все это происходит в каком-то дурном сне.

— Что-то, ребята, вы в последнее время глупеете, — промолвил Мальоре. — Ну и пес с вами. С тупицами даже проще. Мне, во всяком случае. Ну да

ладно. Уверяю вас, хотя вы и сами это отлично знаете, — мой кабинет не прослушивается. Мы его каждую неделю проверяем. Вернее — чистим. У меня дома целая коробка этих «жучков». Каких там только нет — контактные, пуговики, дистанционные. Магнитофончики «Сони» величиной с вашу ладонь. Они уже перестали меня прослушивать. Но теперь вот подсадных уток подсылают. Или селезней.

— Я вовсе не подсадная утка, — тупо пролепетал он, услышав свой голос словно со стороны.

На физиономии Мальоре появилось наигранное изумление. Он обратился к Мэнси:

— Ты слышал? Этот тип уверяет, что он не подсадная утка.

— Угу, слышал, — кивнул Мэнси.

— Как по-твоему, он похож на засланного?

— Еще как, — сказал Мэнси.

— И разговаривает как засланный, да?

— Точно.

— Если вы не подсадная утка, то кто? — спросил Мальоре, глядя на него.

— Я... — Он замялся, не зная, что сказать. Кто он в самом деле? Помоги, Фред!

— Ну давайте же, не тяните кота за хвост, — торопил его Мальоре. — Полиция? Контора шерифа? Бюро наркотиков? ФБР? Как по-твоему, Пит, он похож на феда?

— Вылитый федик, — кивнул Пит.

— Да, даже шериф не подослал бы такого засранца, как вы, мистер, — брезгливо поморщился Мальоре. — Значит, остается одно из двух: вы либо фед, либо частный детектив. Кто именно?

Он почувствовал, что закипает.

— Выставь его вон, Пит, — сказал Мальоре, теряя к нему всякий интерес.

Мэнси привстал со стула, по-прежнему не выпускаемая из рук каталог.

И тут его прорвало.

— Вы просто мудозвон! — заорал он. — Вы настолько тупы, что вам повсюду копы мерещатся, даже под собственной кроватью. Небось думаете, что они вашу жену трахают, пока вы здесь торчите?

Глаза Мальоре, увеличенные мощными линзами, полезли на лоб. Мэнси словно окаменел с отвисшей челюстью.

— Мудозвон? — переспросил Мальоре, вертя слово на языке подобно тому, как плотник вертит в руках незнакомый инструмент. — Он назвал меня мудозвоном?

Он, похоже, сам не верил тому, что произнес.

— Я отведу его за гараж, — предложил Мэнси. — Обучу вежливости.

— Погоди-ка, — выдохнул Мальоре. В его взгляде читалось любопытство. — Так вы и правда обозвали меня мудозвоном или мне померещилось?

— Я не полицейский, — ответил он. — Но я и не преступник. Я просто обыкновенный обыватель. Мне рассказали, что вы продаете кое-что людям, у которых достаточно денег. Так вот, деньги у меня есть. Я не знаю, какой тут нужно произнести пароль или чью рекомендацию получить, чтобы вы мне поверили. Да, я называл вас мудозвоном. И мне очень жаль, если лишь из-за этого ваш человек не сможет теперь меня избить. Я... — Он снова облизнул губы, не зная, как продолжать. Мальоре и Мэнси смотрели на него словно замороженные, как будто у них на глазах он превратился в мраморную статую.

— Мудозвон, — прошептал Мальоре, качая головой. — Обыщи-ка его, Пит.

Пит подошел и похлопал его по обоим плечам, кивком указав на стену.

— Обопритесь руками о стенку, — приказал он в самое ухо. От него пахло аптечкой. — Ноги назад. Как в полицейских сериалах.

— Я не смотрю полицейские сериалы, — сказал он, хотя прекрасно понимал, что имеет в виду Мэнси, поэтому принял правильную позу.

Мэнси ощупал его ноги и — с безразличием врача — промежность, запустил руку под ремень, похлопал по бокам и провел пальцем под воротничком.

— Он чист, — сказал Мэнси.

— Хорошо, повернитесь, — разрешил Мальоре.

Он повернулся. Мальоре разглядывал его с нескрываемым любопытством.

— Подойдите.

Он подошел к столу.

Мальоре постучал по стеклу, покрывавшему стол. Под стеклом были разложены фотоснимки. Смуглая улыбающаяся женщина в темных очках, задвинутых на волосы; загорелые детишки, плавающие в бассейне; сам Мальоре, величественно, словно король Фарук, шествующий по пляжу в сопровождении крупной шотландской овчарки.

— Выкладывайте, — сказал он.

— Что?

— Все, что у вас в карманах. Выкладывайте на стол.

Он хотел было возразить, но затем вспомнил о Мэнси, который стоял за плечом, и, пожав плечами, подчинился. И принялся выкладывать.

Сначала он достал из карманов пальто корешки от билетов, по которым они с Мэри в последний раз смотрели кино. Какой-то мюзикл, название которого не запомнилось.

Потом снял пальто. Начал последовательно опустошать карманы пиджака. Зажигалка «Зиппо» с выгравированными на ней его инициалами — БДД. Пачечка запасных кремней. Пачка сигарет. Таблетки от изжоги. Квитанция из авторемонтной фирмы, где ему установили зимние покрышки.

Посмотрев на квитанцию, Мэнси довольно ухмыльнулся:

— Да вас там как липку ободрали!

Он снял пиджак. В нагрудном кармане рубашки не нашлось ничего, кроме комочка ваты. Из правого кармана брюк он выгреб ключи от машины и сорок центов мелочью, в основном пятицентовыми монетками. По какой-то неведомой причине десятицентовики, которыми можно было платить за стоянку, вечно избегали его, а вот пятицентовики, которые для этой цели не годились, сыпались как из рога изобилия.

Затем он достал из заднего брючного кармана бумажник и положил на стекло рядом со всем остальным.

Мальоре взял бумажник и, покрутив в руках, уставился на выцветшую монограмму — Мэри подарила бумажник на его день рождения четыре года назад.

— Что означает среднее «Д»? — спросил Мальоре.

— Джордж.

Мальоре раскрыл бумажник, извлек наружу все содержимое и разложил перед собой, словно пасьянс.

Сорок три доллара — две двадцатки и три однодолларовые купюры. Кредитные карточки: «Шелл», «Санок», «Арко», «Грантс», «Сирс», «Супермаркет Кери», «Америкэн экспресс». Водительские права. Страховая карточка. Карточка донора, вторая группа крови. Библиотечная карточка. Пластиковая раскладушка с фотокарточками. Закатанное в пластик свидетельство о рождении. Старые счета и квитанции; некоторые из них уже расползались по сгибам. Вы-

писки из банковского счета, среди которых попадались даже такие, что были датированы еще прошлым июнем.

— Что это за мусорная свалка? — раздраженно спросил Мальоре. — Вы никогда не наводите порядок в собственном бумажнике? Набиваете его всякой дрянью и таскаете с собой? Да так он и года не протянет.

Он пожал плечами:

— Просто я не люблю расставаться со своими вещами.

Он вдруг задумался — как странно: он обиделся, когда Мальоре назвал его засранцем, а вот унижительный обыск нисколько не вывел его из себя.

Мальоре раскрыл раскладушку, заполненную фотоснимками. На первом из них была Мэри, которая дурашливо закатила глаза и высунула язык. Старая карточка. Мэри на ней была совсем худенькая.

— Ваша жена, что ли?

— Да.

— Наверное, хорошенькая, когда не позирует фотографу, — заметил Мальоре.

Он посмотрел на следующую и улыбнулся.

— А, ваш малыш? У меня почти такой же. Сколько ему лет? В бейсбол играет?

— Да, это был мой малыш. Он умер.

— Жаль. Несчастный случай?

— Опухоль мозга.

Мальоре сочувственно поцокал языком и просмотрел оставшиеся фотографии. Дом на Западной Кре-столлен-стрит. Он рядом с Томом Грейнджером в прачечной, возле стиральных машин. Он же на трибуне во время собрания работников служб быта, представляя оратора. Барбекю на заднем дворе, где он стоял в поварском колпаке и фартуке с надписью ПАПОЧКА ЖАРИТ, А МАМКА КЕМАРИТ.

Мальоре отложил раскладушку в сторону, сложил кредитные карточки в стопку и придвинул ее к Мэнси.

— Сними с них копии, — сказал он. — А заодно и с банковских чеков. — Он хохотнул. — Похоже, его жена тоже держит его чековую книжку под замком, как и моя.

Мэнси устремил на него вопросительный взгляд.

— Уж не собираетесь ли вы иметь дело с этой подсадной уткой? — осведомился он.

— Не называй его подсадной уткой, и, возможно, он больше не обзовет меня мудозвоном. — Мальоре невесело усмехнулся. — И не учи меня жить, Пит. За собой лучше смотри.

Мэнси подобострастно хихикнул и вышел, забрав с собой кредитные карточки.

Дождавшись, пока закроется дверь, Мальоре посмотрел на него и снова хохотнул.

— Мудозвон, — промолвил он и покачал головой. — Ну надо же, а ведь до сих пор мне казалось, что меня уже по-всякому обзывали.

— Зачем ваш человек собрался копировать мои кредитные карточки?

— У нас есть доступ к компьютеру, — ответил Мальоре. — На временной основе. Знание нужных кодов помогает проникнуть в банки памяти пятидесяти главных корпораций, которые действуют в нашем городе. Вот и я собираюсь вас проверить. Если вы легавый, мы это быстро выясним. Если ваши кредитные карточки липовые, мы это тоже мигом установим. Как, впрочем, и то, что они настоящие, но принадлежат не вам. Хотя, должен признаться, вы меня убедили. Надо же — мудозвон. — Он покачал головой и расхохотался. — Вчера, случайно, не поне-

дельник был? Ваше счастье, мистер, что вы меня не в понедельник так окрестили.

— Ну а теперь-то я могу вам сказать, что мне нужно?

— Бога ради. Будь на вас хоть шесть магнитофонов, вам меня все равно не подловить. Ловушки ваши мне нипочем. Однако сейчас я ничего слушать не хочу. Приезжайте завтра в это же время, и я сообщу вам, буду вас слушать или нет. Однако даже если вы и чисты, я не обещаю, что соглашусь вам что-нибудь продать. Знаете почему?

— Почему?

Мальоре снова расхохотался:

— Потому что, на мой взгляд, вы чокнутый. У вас не все дома. Ясно?

— Почему? Только из-за того, что я вас так обозвал?

— Нет, — помотал головой Мальоре. — Но вы напомнили мне одну историю, случившуюся со мной, когда я был еще ребенком; одного возраста с моим сыном. Был в нашем райончике один пес. Мы жили тогда в райончике Адское чрево, в Нью-Йорке. До войны еще, во времена Великой депрессии. Так вот, был там один малый, Пиацци, который держал собаку, здоровенную черную суку-метиса по кличке Андреа. Однако все мы называли ее просто собакой мистера Пиацци. Она все время сидела на цепи, но, несмотря на это, озлобленной не была. До поры до времени. Я имею в виду тот самый жаркий денек в августе. Году так в тридцать седьмом. Псина вдруг набросилась на ребенка, который подошел к ней слишком близко, и он угодил на месяц в больницу. Тридцать семь швов на шею наложили. Однако я знал наперед, что так случится. Собака целыми днями сидела на солнцепеке, день за днем, все лето. Примерно в середине июня она перестала вилять хвостом при приближении детей. По-

том стала глазами вращать, а вскоре и рычать. Когда это с ней началось, я перестал ее гладить. Собаку мистера Пиаци. А другие ребята надо мной подтрунивали: «Ты что, Сэлли, сдрейфил, да? Обвалился?» А я отвечал: «Нет, я не сдрейфил, но я и не такой болван. Собака озверела, это слепому видно». А они только смеялись в ответ: «Собака мистера Пиаци не кусается, это всем известно. Ей хоть в самую пасть голову засунь, и то она не укусит». А я отвечал: «Да гладьте ее сколько влезет, кто вам не дает? А вот я обожду». И вот они прыгали вокруг и орали: «Сэлли сдрейфил, Сэлли — трус, Сэлли — трусливая девчонка, Сэлли за мамину юбку цепляется!» И так далее. Сами знаете, как себя дети ведут.

— Знаю, — кивнул он.

Мэнси вошел и остановился в дверях, слушая их разговор.

— Так вот, самый горлопанистый из них в итоге и поплатился. Луиджи Бронтичелли, так его звали. Правоверный иудей вроде меня. — Мальоре снова захохотал. — Жара в августе стояла такая, что можно было на тротуаре яичницу жарить, и он выбрал именно этот день, чтобы подойти и погладить собаку мистера Пиаци. С тех пор он говорит так, что его с трудом расслышать можно. Сейчас он держит парикмахерскую в Манхэттене и его называют Шепчущий Джи. — Мальоре улыбнулся. — Так вот, вы напоминаете мне собаку мистера Пиаци. Пока вы еще не рычите, но уже вращаете глазами, вздумай кто вас погладить. А уж хвостом вилять давно перестали. Пит, верни ему вещи.

Мэнси отдал ему все, что он выкладывал из карманов.

— Приходите завтра утром, и тогда потолкуем еще, — произнес Мальоре, глядя, как он снова наби-

васт бумажник. — И я бы на вашем месте все-таки выкинул все лишнее. Не бумажник, а мусорная свалка.

— Может, и выкину, — глухо промолвил он.

— Пит, проводи его до машины.

— Хорошо.

Он уже выходил из двери следом за Мэнси, когда Мальоре снова его окликнул:

— А хотите знать, мистер, какая судьба постигла собаку мистера Пиацци? Ее забрали на живодерню и усыпили в газовой камере.

После ужина, когда Джон Чанселлор распинался по телевизору про то, как ограничение скорости позволило снизить аварийность на автостраде в Нью-Джерси, Мэри спросила его насчет дома.

— Термиты, — ответил он.

Ее лицо вытянулось, словно жевательная резинка.

— Да? Значит, опять мимо?

— Посмотрим, завтра съезжу туда еще раз. Если Тому Грейнджеру посчастливится найти приличного специалиста по выведению насекомых, я его с собой прихвачу. Может, еще удастся что-нибудь сделать.

— Будем надеяться. Такой задний двор и все прочее... — Она мечтательно приутихла.

Ну молодец, вдруг произнес Фредди. Настоящий сэр Галахад. До чего ловко ты с женой управляешься. Это врожденный дар или тебя научили?

— Заткнись, — сказал он.

Мэри испуганно встрепенулась:

— Что?

— О... Чанселлор, — нашелся он. — От этих умников меня просто мутит... Я имею в виду Джона Чанселлора с Уолтером Кронкайтом на пару. Да и остальные меня достали.

— Они не виноваты, Барт, — вздохнула Мэри, устремив печальный взгляд на экран телевизора. — Они же просто комментаторы. Гонец ведь за послание не отвечает.

— Возможно, — поспешил согласиться он, а сам подумал: *Ну и скотина же ты, Фредди.*

Фредди назидательно повторил ему, что гонец за послание не отвечает.

Некоторое время они молча слушали выпуск новостей. По его окончании показали рекламный ролик про новое средство от простуды — в нем участвовали двое мужчин, головы которых из-за диких соплей превратились в полупрозрачные ледяные кубы. Однако стоило только одному из них принять пилюлю, как серо-зеленый каркас вокруг головы начал опадать здоровенными кусками, словно штукатурка.

— Сегодня ты уже лучше говоришь, — заметил он. — Совсем не гундосишь.

— Да. Послушай, Барт, как фамилия этого риэлтера?

— Монахан, — машинально ответил он.

— Нет, не того, что тебе фабрику продает. Я имею в виду продавца дома.

— Олсен, — быстро сказал он, выбрав первую попавшуюся фамилию из внутренней мусорной корзины.

Выпуск новостей возобновился. Передали про быстро ухудшающееся состояние Бен-Гуриона. Похоже, что он уже совсем скоро собирался отправиться следом за Гарри Трумэном. Составить ему компанию на том свете.

— А как Джеку там нравится? — спросила она наконец.

Он уже собирался ответить, что Джеку там не нравится вовсе, но вдруг услышал собственный голос:

— Да вроде не жалуется.

Джон Чанселлор закончил выпуск, пошутив насчет летающих тарелок в небе над Огайо.

Он лег спать в половине одиннадцатого и, должно быть, сразу уснул, потому что, проснувшись, увидел, что на кварцевых часах высвечиваются цифры:

11:22.

Во сне он снова был в Нортоне. Стоял на перекрестке Веннер-авеню и Райс-стрит. Прямо под уличным указателем. Неподалеку от него, прямо напротив кондитерской лавки, остановился розовый пижонский автомобиль, капот которого был увенчан рогатыми карibu. Отовсюду высыпали ребятишки поглазеть на это чудо.

А напротив, с другой стороны улицы, возле общепитного кирпичного дома, сидел на цепи здоровенный черный пес. Один из мальчишек приближался к нему.

Он хотел крикнуть: *Не трогай эту собаку! Беги за конфеткой!* Но слова никак не вылетали изо рта. Слово при замедленном воспроизведении, пижон в белом костюме и в плантаторской шляпе повернулся, чтобы посмотреть. Конфет у него были полные пригоршни. И детишки вокруг тоже все повернулись. Все они были чернокожие, лишь тот мальчик, что так храбро подходил к собаке, был белый.

Оттолкнувшись задними лапами, пес черной стрелой прыгнул прямо на него, словно выпущенный из катапульты. Мальчик взвизгнул и опрокинулся навзничь, схватившись ручонками за горло. Хлынула кровь, обагив его пальцы и грудь. Вдруг он обернулся. Это был Чарли.

И вот тогда он проснулся.
Сны. Проклятые *кошмары*.
Его сын умер три года назад.

28 ноября 1973 года

Когда он встал, шел снег, но к тому времени, как он добрался до прачечной, снегопад почти прекратился. Навстречу ему выбежал запыхавшийся Том Грейнджер в рубашке с закатанными рукавами. По лицу Тома он сразу догадался, что ничего хорошего сегодня ждать не придется.

— У нас неприятности, Барт!

— Вот как? Что-то серьезное?

— Очень серьезное. Джонни Уокер угодил в аварию, возвращаясь из «Холидей инн». Какой-то «понтиак» пытался проскочить на красный свет и въехал прямо в него. Возле «Дикмена»... — Том запнулся и осмотрелся блуждающим взором. — По словам полицейских, Джонни сильно пострадал.

— Черт побери!

— Я был там уже через четверть часа. Ты ведь знаешь этот перекресток...

— Да, гнусное место.

Том потряс головой:

— Не будь все так скверно, ты бы посмеялся. Как будто кто-то прачку бомбой подорвал. Повсюду валяются простыни и полотенца с вышивками «Холидей инн». Кто-то даже потихоньку пытался их разворовать — вурдалаки чертовы! Представляешь, до чего люди докатились? А фургончик наш... Барт, от кабины со стороны водителя вообще ни черта не осталось. Один лом. Джонни выбросило прямо на проезжую часть.

— Он в центральной больнице?

— Нет, в больнице Девы Марии. Джонни ведь у нас католик, ты не знал?

— Поедешь со мной?

— Нет, мне лучше остаться здесь. Рон требует, чтобы я за бойлером следил, а то там давления не хватает. — Он смущенно пожал плечами. — Ты ведь знаешь Рона. Представление состоится при любой погоде.

— Ладно, я сам поеду.

Он вернулся к машине и покатил в больницу Девы Марии. Черт знает что, ведь Джонни Уокер единственный, кроме него самого, кто работал в «Блю Риббон» еще в 1953 году. Собственно говоря, Джонни пришел на работу даже раньше, в 1946-м. Ему эта мысль показалась предзнаменованием; застряла в горле, словно кость. Насколько он знал из газет, по сравнению с новой автомагистралью перекрестки наподобие дикменовского покажутся детскими игрушками.

Кстати, звали Уокера вовсе не Джонни. Его полное имя было Кори Эверетт Уокер — он это знал наверняка, поскольку не раз видел на разных анкетах и формах. Тем не менее даже двадцать лет назад его называли Джонни. Его жена умерла в 1956 году во время отпуска в Вермонте. С тех пор Джонни жил вдвоем с братом, водителем ассенизаторской машины. В «Блю Риббон» было не счесть работников, которые за глаза прозывали Рона «Железным хреном», но только Джонни мог назвать его так прямо в лицо, не заплатившись за это.

Он подумал: если Джонни умрет, то я стану старейшим работником в нашей прачечной. Двадцатый год без перерыва ляжку тяну. Как тебе это, Фред?

Но Фреду было не до сантиментов.

* * *

Брат Джонни сидел в приемной отделения «Скорой помощи»; на нем были оливковый рабочий комбинезон и черная куртка. Вертя в руках оливковую же шапочку, он неотрывно смотрел в пол.

Услышав шаги, он поднял голову.

— Вы из прачечной? — спросил он.

— Да. А вы... — Он сам не ожидал, что вспомнит имя, но оно вдруг само всплыло в памяти. — Вы Эрни, да?

— Да. Эрни Уокер. — Он перехватил вопросительный взгляд и медленно покачал головой. — Не знаю, мистер...

— Доус.

— Не знаю, что вам и сказать, мистер Доус. Я видел его в операционной. Он забинтован с ног до головы. Грустное зрелище.

— Мне страшно жаль, — сказал он.

— Скверный это перекресток. Причем тот парень, что в него врезался, не так уж и виноват. Он просто затормозить не сумел на скользкой дороге. Так что я его и не виню. Говорят, он нос сломал, а в остальном не пострадал. Удивительно, что в мире происходит, да?

— Да.

— Помню, в начале шестидесятых мне довелось водить грузовик для одной конторы, и я ехал по индианской трассе...

Хлопнула наружная дверь, и вошел священник. Страхнув снег с ботинок, он поспешил по коридору, едва не сбиваясь на бег. Увидев его, брат Джонни Уокера перепугался не на шутку. Глаза его молитвенно закатились, а губы вдруг мелко-мелко задрожали. Эрни попытался привстать, но он обхватил его за плечи и удержал.

— О Господи! — выкрикнул Эрни. — Он с требником! Вы видели? Собирается отходную прочитать... а может, он вообще уже мертв. *Джонни!*

В приемной сидели и другие люди: подросток со сломанной рукой, престарелая женщина с эластичным бинтом на ноге, мужчина с огромной повязкой вокруг большого пальца. Все они как по команде приподняли головы, посмотрели на Эрни и тут же потупились, уставившись кто на пол, кто в журнал.

— Вы не волнуйтесь, — тупо произнес он.

— Отпустите меня, — сказал Эрни. — Я должен знать...

— Послушайте...

— *Отпустите меня!*

Он разжал пальцы и выпустил брата Джонни. Эрни Уокер поспешно вскочил и кинулся по коридору за угол, куда скрылся священник.

Он с минуту посидел на жестком пластиковом стуле, не зная, что предпринять. Посмотрел на пол, испещренный грязными отпечатками подошв ботинок и черными разводами. Посмотрел на пост дежурной медсестры, где девушка в белом халате разговаривала по телефону. Посмотрел в окно и заметил, что снегопад прекратился.

Вдруг из коридора со стороны операционной донесся нечеловеческий вопль.

Все снова приподняли головы, на каждом лице была написана скорбь, перемешанная с ужасом.

Нечеловеческий вопль повторился, а потом кто-то громко, ну совсем по-щенячьи, заскулил.

Все опять поспешили уткнуться в журналы. Только подросток со сломанной рукой шумно вздохнул и шмыгнул носом.

Он встал и, не оборачиваясь, быстро направился к выходу.

* * *

При его появлении тут же сбежались работники прачечной; Рон Стоун даже не пытался их останавливать.

— Ничего не знаю, — сказал он. — Мне так и не удалось выяснить, жив он или мертв. Скоро узнаете. Не знаю я ничего — и все тут.

Он помчался наверх, смятенный и разбитый.

— Вам удалось узнать, как дела у Джонни, мистер Доус? — первым делом спросила его Филлис.

Он впервые заметил, что Филлис, несмотря на причудливо выкрашенные волосы, выглядит жутко старой.

— Дела хуже некуда, — ответил он. — Священник пришел читать над ним последнюю молитву.

Филлис всплеснула руками:

— Господи, какой кошмар! И надо же такому случиться, да еще перед самым Рождеством!

— Кто-нибудь позаботился о белье, что рассыпалось на перекрестке?

Филлис посмотрела на него с укоризной:

— Да, Том посылал за ним Гарри Джонса. Он уже минут пять как вернулся.

— Хорошо, — сказал он, хотя ничего хорошего тут и близко не было. Все обстояло прескверно. Будь на то его воля, он бы залил во все стиральные машины сильную кислоту, чтобы сжечь это поганое белье к чертовой матери. Вот это и вправду было бы хорошо.

Филлис сказала что-то еще, но он не расслышал.

— Что? Извините, я отвлекся.

— Я сказала, что звонил мистер Орднер. Просил вас перезвонить ему как можно быстрее. И еще звонил некий Гарольд Суиннертон. Просил передать, что патроны уже доставили.

— Гарольд... — И тут он вспомнил. Оружейная лавка Гарви. Хотя Гарви уже давно лежал в гробу. — Ах да, верно.

Он вошел в свой кабинет и прикрыл за собой дверь. На столе по-прежнему красовалась табличка с призывом:

ДУМАЙ ГОЛОВОЙ!

Возможно, познаешь новые ощущения

Он схватил ее и швырнул в корзинку для мусора.
Плюх!

Усевшись за стол, он раскрыл папку с входящими бумагами и не глядя вывалил их все в ту же корзинку. Затем осмотрелся по сторонам. Стены кабинета были облицованы деревянными панелями. На левой стене висели два диплома в рамках: первый — колледжский, а второй — свидетельство об окончании курсов службы быта, которые он посещал летом в 1969 и 1970 годах. На стене за столом красовалась увеличенная фотография, на которой он сам пожимал руку Рэю Таркингтону по случаю открытия новой автомобильной стоянки. Оба они улыбались на фоне здания прачечной. Выкрашенная им труба до сих пор еще сверкала яркой белизной.

Кабинет этот он занимал с 1967 года, уже больше шести лет. Он въехал сюда еще до печальных событий в Кентском университете*, до открытия знаменитого Вудстокского фестиваля**, до убийств Роберта Кенне-

* 4 мая 1970 г. в Кентском университете, штат Огайо, при разгоне студенческой демонстрации солдаты национальной гвардии открыли огонь и убили четверых студентов.

** Знаменитый рок-фестиваль, состоявшийся с 15 по 17 августа под открытым небом в присутствии 400 тысяч зрителей и закончившийся грандиозным разгулом.

ди и Мартина Лютера Кинга, до избрания Никсона. Годы его жизни потрачены в этих четырех стенах. Миллионы вдохов и выдохов, миллионы сердечных сокращений. Он еще раз осмотрелся, пытаясь понять, чувствует ли хоть что-нибудь. Он испытывал лишь легкую грусть. И все.

Выпотрошив ящики стола, он отправил в корзинку личные бумаги и личные учетные книги. Написал на обратной стороне стандартного бланка прошение об отставке и опустил его в фирменный конверт с эмблемой «Блю Риббон». Всякую ерунду — скрепки, липкую ленту, чековую книгу и бланки — он оставил на столе.

Затем встал, снял со стены дипломы в рамках и швырнул их в корзинку. Стекло, прикрывающее свидетельство об окончании курсов службы быта, со звоном разбилось. На месте, где висели дипломы, остались два пустых квадрата, которые выделялись на более темном фоне стены. И все.

Зазвонил телефон, и он поднял трубку, думая, что это Орднер. Однако звонил Рон Стоун, снизу.

— Барт?

— Да.

— Джонни скончался полчаса назад. Похоже, он так и не пришел в сознание.

— Жаль парня. Извини, Рон, но я уже ухожу.

— Возможно, это и к лучшему, — вздохнул Рон. — Но только не достанется ли вам за это от наших боссов?

— Я больше не служу у наших боссов, Рон. Я только что написал прошение об отставке. — Вот. Проговорился. Значит, все — обратного пути нет.

На другом конце линии воцарилось мертвое молчание. Он слышал жужжание стиральных машин и гулкое шипение гладильного пресса. Человека, нена-

роком затянутого в этот агрегат, ждала примерно такая же участь, как беднягу, попавшего под паровой каток.

— Должно быть, я ослышался, — произнес наконец Рон. — Мне показалось, что вы сказали...

— Нет, Рон, вы не ослышались. Все кончено. Я был счастлив работать бок о бок с вами, Томом и даже Винни, когда он еще умел держать язык на привязи. Но теперь все.

— Но послушайте, Барт. Успокойтесь. Я понимаю, что вы потрясены...

— Это вовсе не из-за Джонни, — перебил он, сам не зная, правда это или нет. Может быть, он еще попытался бы схватиться за спасительную соломинку, чтобы сохранить то тягучее и бесцветное существование, под защитной завесой которого они с Мэри прожили последние двадцать лет. Но, увидев священника, который почти бегом кинулся по коридору в операционную, где умирал (или уже умер) Джонни, и услышав затем нечеловеческий вопль Эрни Уокера, он сдался. Наверное, подобное происходит, когда ведешь автомобиль по виражу, а в последнюю секунду выпускаешь из рук руль и закрываешь ладонями глаза.

— Да, это вовсе не из-за Джонни, — повторил он.

— Но послушайте, Барт... послушайте... — Рон казался совершенно удрученным.

— Рон, давайте поговорим позже, — предложил он, сам даже не зная, хочет того или нет.

— Хорошо. Но только...

Он тихонько положил трубку.

Затем выдвинул ящик стола, достал телефонный справочник и отыскал раздел «Оружие». Набрал номер оружейной лавки Гарви.

— Алло, лавка Гарви.

— Это Бартон Доус, — представился он.

— А, хорошо, что вы позвонили. Патроны вчера вечером доставили. Я же пообещал вам, что до Рождества успеем. Двести штук.

— Отлично. Вы знаете, сегодня днем я страшно занят. Вы вечером работаете?

— Да, вплоть до самого Рождества я закрываюсь в девять.

— Тогда постараюсь к восьми подскочить. В крайнем случае — завтра днем.

— Хорошо. Послушайте, вам не удалось выяснить у своего кузена — речь и в самом деле идет о Бока-Рио?

— Бока... — Ах да, Бока-Рио, куда собрался на охоту его кузен Ник Адамс. — Да, похоже, что он едет именно в Бока-Рио.

— Господи, до чего же я ему завидую. В жизни больше ничего подобного не испытывал.

— Зыбкое прекращение огня, — промолвил вдруг он. И внезапно представил голову Джонни Уокера, приколотенную в виде охотничьего трофея над каминном Стивена Орднера с маленькой бронзовой табличкой внизу:

ХОМО ПРАЧЕЧИЕНС

28 ноября 1973

Добыт на перекрестке возле «Дикмена»

— Что-что? — озадаченно переспросил Гарри Суннертон.

— Я сказал, что тоже ему завидую, — поспешно ответил он и зажмурился. К горлу вдруг подступила тошнота. *Я разваливаюсь*, подумал он. *Это именно так и называется — разваливаться.*

— Что ж, тогда до встречи.

— Да. Спасибо большое, мистер Суиннертон.

Он положил трубку, открыл глаза и снова обвел взглядом стены своего кабинета. Нажал кнопку внутренней связи.

— Филлис?

— Да, мистер Доус?

— Джонни умер. Мы закрываемся.

— Да, я так и поняла, когда увидела, что наши люди уже расходятся.

По тону Филлис он догадался, что она только что плакала.

— Филлис, вы сможете перед уходом связать меня с мистером Орднером?

— Да, конечно.

Он развернулся в кресле и выглянул в окно. Ярко-оранжевый грейдер с огромными, опутанными цепями колесами медленно полз по дороге. Это все их вина, Фредди. Пока эти сволочи из муниципалитета не приняли решение, которое искалечило мою жизнь, я был в полном порядке и не рыпался. Я ведь был в порядке, да, Фредди?

Фредди?

Фред?

Зазвонил телефон, и он снял трубку.

— Доус слушает.

— Вы, наверное, рехнулись, — с места в карьер заявил Стив Орднер. — Совсем умом тронулись.

— Что вы имеете в виду?

— Сегодня утром в половине десятого я сам позвонил мистеру Монахану. Представитель Макана подписал контракт на уотерфордскую фабрику в девять утра. Что, черт побери, случилось, Бартон?

— Мне кажется, нам лучше переговорить об этом с глазу на глаз.

— Это точно. И зарубите себе на носу: вы должны предъявить мне более чем веские причины, если хотите удержаться на работе.

— Да бросьте трепаться, Стив.

— *Что?!*

— Вы и в мыслях не держите оставить меня на работе, пусть даже уборщиком. Я уже написал прошение об увольнении. Оно запечатано в конверте, но я его наизусть помню. «Я увольняюсь». И подпись: «Бартон Джордж Доус».

— Но почему? — Орднер казался потрясенным. Однако он не скулил, как Эрни Уокер. Он сомневался, чтобы Стив Орднер вообще хоть раз скулил или хныкал после того, как ему исполнилось одиннадцать лет. Хныканье и нытье — удел слабых.

— В два часа вас устроит? — спросил он.

— Вполне.

— До свидания, Стив.

— Барт...

Он положил трубку и уставился на стену. Вскоре Филлис всунула голову в кабинет; выглядела она совсем измученной, несмотря даже на свою развеселую прическу. Вид босса, сидящего с мрачным видом в оголившемся кабинете, тоже не прибавил ей настроения.

— Мистер Доус, я пойду, ладно? — робко спросила она. — Впрочем, если хотите, могу и остаться...

— Нет, Филлис, ступайте. Езжайте домой.

Видно было, что она борется с собой, собираясь что-то спросить, но так и не решилась. Он отвернулся и посмотрел в окно, избавляя тем самым ее и себя от щекотливой ситуации. Несколько секунд спустя он услышал, как дверь тихонько закрыли.

Бойлер внизу зарычал и затих. Со стоянки один за другим отъезжали автомобили.

Он сидел в пустом кабинете опустевшей прачечной долго, пока не настала пора ехать к Орднеру. Так он прощался со своим прошлым.

Контора Орднера располагалась в самом центре, в одном из новехоньких небоскребов, которые энергетический кризис грозил превратить в никчемные и ненужные коробки. Семьдесят этажей стекла и бетона, с трудом обогревающиеся зимой и почти не охлаждающиеся летом. Офисы компании «Амроко» расположились на пятьдесят четвертом этаже.

Он оставил машину в подземном гараже, поднялся на лифте в вестибюль, миновал вращающуюся дверь и прошел к лифтам в правом крыле здания. Вместе с ним в лифте поднималась темнокожая женщина в джемпере, с длинными, красиво подстриженными волосами. В руках у нее был блокнот для стенографии.

— У вас красивая прическа, — сказал он вдруг, без всякой причины.

Женщина смерила его холодным взглядом, но не ответила. Вообще бровью не повела.

Приемная Стива Орднера была обставлена современными стульями; прямо под репродукцией ван-гоговских «Подсолнухов» восседала за столом красивая рыжеволосая секретарша. Пол был устлан косматым ковром перламутрового цвета. Мягкое освещение. Негромкая музыка. Что-то из Мантовани.

Рыженькая секретарша приветливо улыбнулась. Она была в черном джемпере; волосы подвязаны сзади золотистой ленточкой.

— Мистер Доус?

— Да.

— Заходите, пожалуйста.

Он открыл дверь и вошел. Орднер сидел за столом и что-то писал.

Огромное окно за его спиной выходило на запад. Подняв голову, Орднер отложил ручку.

— Привет, Барт, — негромко поздоровался он.

— Привет, Стив.

— Присаживайтесь.

— Неужели наш разговор будет таким долгим? — не удержался он.

Орднер вперил в него пристальный взгляд.

— Я бы с удовольствием залепил вам пощечину, — процедил он. — Увесистую. Не избил бы, нет — просто отхлестал по щекам. Со страстью.

Он кивнул:

— Я знаю. — Он и правда знал это.

— Вы, наверно, даже не представляете, что потеряли, — продолжил Орднер. — Должно быть, ребята Макана подкупили вас. Думаю, вы получили достаточно. А ведь я лично собирался рекомендовать вас в вице-президенты корпорации. Для начала вам положили бы тридцать пять тысяч в год. Надеюсь, что вам уплатили больше.

— Мне не заплатили ни цента.

— Это правда?

— Да.

— Тогда почему вы это сделали, Барт? Что вас побудило?

— А почему я должен перед вами объясняться, Стив? — Он уселся на стул напротив массивного письменного стола Орднера.

Мгновение Орднер казался растерянным. Он потряс головой, словно боксер, пропустивший сильный, но не слишком опасный удар, затем промолвил:

— Потому что вы мой подчиненный. Хотя бы.

— Это ерунда.

— В каком смысле?

— Послушайте, Стив, я работал у Рэя Таркинтона. Вот это была личность. Его могли не любить, но зато все уважали. Порой во время разговора он мог «пустить ветры», рыгнуть или поковырять в ушах. Но ему все прощали. Ему вообще все с рук сходило. Как-то раз, когда я попал впросак с одним мотелем в Крейгер-Плаза, он мне такую оплеуху залепил, что я в дверь врезался. Вот так он за дело болел. А вы совсем другой, Стив. По большому счету вам ведь начхать на «Блю Риббон». Да и на меня тоже. Вас только собственная карьера волнует. Вот так-то.

На лице Орднера не отразилось ровным счетом ничего. С таким же успехом оно могло быть высечено из гранита.

— Вы верите в то, что говорите? — только и спросил он.

— Да. «Блю Риббон» волнует вас ровно настолько, насколько это важно для вашего положения в корпорации. Так что нечего мне тут лапшу на уши вешать. Вот, держите.

И он протянул Орднеру заклеенный конверт с прошением об отставке.

Орднер покачал головой.

— А как насчет людей, которых вы так подставили, Барт? Простых людей. Что ни говорите, но ведь вы вертели их судьбами. — Он на мгновение приумолк, словно наслаждаясь сказанным. — Они тоже лишатся работы, ведь прачечную теперь перевести некуда. Вашими стараниями, — мстительно прибавил Орднер.

Доус хрипло расхохотался и сказал:

— Дешевка вы, Стив. И так высоко вознеслись, что дальше своего спесивого носа не видите.

Орднер побагровел. Затем, тщательно подбирая слова, произнес:

— Объяснитесь, Барт.

— Каждый работник нашей прачечной, от Тома Грейнджера до самой низкооплачиваемой уборщицы, застрахован на случай безработицы. Деньги на страховку регулярно вычитают из жалованья. И теперь им эту страховку *выплатят*. — Он презрительно фыркнул: — Вот так-то, дешевка.

Пальцы Орднера сжались. Сцепив руки, словно собираясь читать молитву перед сном, он промолвил:

— Вы забываетесь, Барт.

— Нисколько. Вы сами меня пригласили. Потребовали объяснений. Что, интересно, вы хотели от меня услышать? Как мне жаль, что я сел в лужу? Что я все искуплю? Если я и облажался, то это мое личное дело. Мое и Мэри. А она никогда об этом не узнает. Может, вы собираетесь мне сказать, что я подвел корпорацию? Это тоже было бы враньем — когда корпорация так раздувается, ей ничто уже не может повредить. Если дела идут неплохо, она извлекает сверхприбыль, если плохо, она все равно получает прибыль, а когда дела вообще катятся в пропасть, она списывает убытки за счет налогов. И вы это прекрасно *знаете*.

— Чем вы теперь займетесь? — спокойно спросил Орднер. — И что будет с Мэри?

— А вам какое дело? Или вы рассчитываете таким образом на меня надавить? Через нее? Ответьте и мне на один вопрос, Стив. Лично вам от этой истории будет хуже? Отразится ли провал на вашем жалованье? На дивидендах? Или хотя бы на пенсии?

Орднер покачал головой из стороны в сторону.

— Ступайте домой, Барт. Вы что-то не в себе.

— Почему? Из-за того, что говорю о вас, а не только о долларах?

— Вы нездоровы, Барт.

— Возможно. А вы?

— Езжайте домой, Барт.

— Домой я не поеду, но вас, так и быть, оставлю — вы ведь этого добиваетесь? Но только ответьте на один вопрос. На секунду забудьте о том, что работаете на корпорацию, и ответьте. Положа руку на сердце скажите: вам есть хоть какое-то дело до всего этого?

Орднер ответил не сразу. За его спиной расстилась панорама города: целое царство небоскребов, укутанных серой дымкой. Наконец он сказал:

— Нет.

— Я так и думал, — кивнул он, а затем добавил, глядя на Орднера без малейших признаков враждебности: — Я поступил так вовсе не для того, чтобы насолить вам. Или вашей корпорации.

— Но тогда почему? Я ведь на ваш вопрос ответил. Теперь ответьте вы. Ведь вы могли подписать уотерфордский контракт, верно? А дальше была бы уже не ваша забота. Что вам стоило это сделать?

— Не могу объяснить, — ответил он. — Я прислушивался к себе, к своему внутреннему голосу; однако порой случается так, что сам себя не понимаешь. Я понимаю, звучит это дико и неправдоподобно. Но это правда.

Орднер смотрел на него не мигая.

— Что же будет с Мэри?

Он молчал.

— Езжайте домой, Барт, — вздохнул Орднер.

— А что вы хотите, Стив?

Орднер нетерпеливо потряс головой.

— Я выяснил все, что хотел, Барт. Если хотите поболтать еще с кем-нибудь, то ступайте в бар.

— Но что вы от меня хотите?

— Только одного: чтобы вы ушли отсюда и отправились домой.

— Тогда скажите, чего вы вообще от жизни доби-
ваетесь? У вас есть хоть какая-то цель?

— Оставьте меня, Барт.

— *Отвечайте!* — прогремел он. — Что вам нуж-
но? — Он смотрел на Орднера в упор.

Орднер ответил спокойным тоном:

— Я хочу того же, что и все остальные. Отправ-
ляйтесь домой, Барт.

Он ушел не оборачиваясь. И больше никогда в
этот дом не приезжал.

Когда он поехал к Мальоре, опять повалил снег и
большинство машин катили с включенными фарами.
Щетки на ветровом стекле размеренно двигались взад-
вперед, а растаявшие снежинки стекали вниз, словно
слезинки.

Уже привычно оставив машину за гаражом, он
обогнул его и прошел прямо к офису Мальоре. Пре-
жде чем войти, посмотрел на свое отражение в стек-
лянной дверной панели и смахнул с губы тонкую ро-
зовую пленку. Разговор с Орднером здорово выбил
его из колеи. Он купил в аптеке склянку пептобисмо-
ла и по дороге опустошил ее почти наполовину. Не-
бось, Фред, на неделю теперь запор обеспечен. Одна-
ко Фредди дома не оказалось. Должно быть, отпра-
вился в Бомбей навестить родню Монахана.

Женщина с арифмометром улыбнулась ему не-
много загадочно и жестом разрешила войти.

Мальоре в одиночестве читал «Уолл-стрит джор-
нэл». Увидев его, он через весь стол метко швырнул
журнал в корзинку для мусора и буркнул себе под нос,
словно продолжая обсуждать что-то с самим собой:

— Черт знает что творится! Верно говорит Пол
Харви: все маклеры — просто старые бабы. И когда
наконец президент подаст в отставку? Да и подаст ли

вообще? Или нет? И разорится ли «Дженерал электрик» из-за энергетического кризиса? Меня уже мутит от всей этой галиматьи.

— Да, — кивнул он, не будучи слишком уверенным, с чем именно соглашается. Он чувствовал себя не в своей тарелке и даже не подумал, а помнит ли еще Мальоре, кто он такой. Что ему сказать? С чего начать? *Помните — я тот самый, который вас вчера мудозвоном обозвал?* Нет, черт возьми, так нельзя.

— Что, опять снег идет?

— Да.

— Терпеть не могу снег. Вот мой братец каждый год в ноябре отваливает в Пуэрто-Рико и остается там до пятнадцатого апреля. Вот что значит сорок процентов акций местного отеля прихватить. Уверяет, что таким образом присматривает за своими вложениями. Чушь собачья. Он и за собственной задницей присмотреть не в состоянии, даже если ему рулон туалетной бумаги дать. Что вам надо?

— А? — Он даже слегка подскочил от неожиданности и тут же почувствовал себя виноватым.

— Вам ведь что-то от меня нужно, верно? Как я могу вам помочь, если не знаю, о чем идет речь?

Теперь, когда вопрос был задан прямо в лоб, ему вдруг стало трудно говорить. Нужное слово никак не хотело слетать с языка. Внезапно он припомнил одну свою детскую выходку и улыбнулся.

— Чего веселитесь-то? — развязно спросил Мальоре. — Бизнес сейчас в такой заднице, что я тоже не прочь посмеяться над хорошей шуткой.

— Однажды, в далеком детстве, я умудрился засунуть себе в рот йо-йо, — сказал он.

— И что тут смешного?

— Я никак не мог его вытащить — в *этом* была самая потеха. Хотя мне было не до шуток. Мама отвела

меня к врачу, который сумел извлечь йо-йо. Он внезапно пребольно ушипнул меня за задницу, а когда я раскрыл рот, чтобы заорать, ловко выдрал игрушку.

— Я вовсе не собираюсь щипать вас за задницу, — сказал Мальоре. — Что вы от меня хотите, Доус?

— Взрывчатку, — брякнул он.

Мальоре вытаращился на него. Закатил глаза. Раскрыл было рот, но затем хлопнул себя по отвисшей щеке.

— Взрывчатку, я не ослышался?

— Нет.

— Я знал, что этот парень чокнутый, — пробурчал себе под нос Мальоре. — Сразу после вашего ухода я так и сказал Питу: «Этот парень ищет неприятностей себе на голову». Так вот прямо и сказал.

Он промолчал. При упоминании о неприятностях ему сразу вспомнился Джонни Уокер.

— Ладно, допустим, что я вам поверил. А зачем вам понадобилась взрывчатка? Египетскую торговую выставку взорвать хотите? Самолет угнать? Или от любимой тещи избавиться?

— На тещу я бы взрывчатку тратить не стал, — проскрипел он.

Оба рассмеялись, но напряжение не спало.

— Итак? На кого у вас зуб?

— Да ни на кого я зла не держу, — ответил он. — Задумай я кого-нибудь убить, то ружье бы купил. — И тут он вспомнил, что уже купил ружье, даже целых два. К горлу снова подступила тошнота.

— Ну так зачем вам тогда взрывчатка?

— Я хочу дорогу взорвать.

Мальоре взглянул на него с нескрываемым недоумением. Почему-то любые его эмоции казались преувеличенными; как будто линзы очков, увеличивающие остроту зрения, заодно усиливали и остальные чувства.

— Вы хотите взорвать дорогу, — с расстановкой произнес он. — А какую?

— Ее еще не построили. — Разговор этот уже начал доставлять ему какое-то извращенное удовольствие. Вдобавок благодаря ему откладывалась неизбежная ссора с Мэри.

— Итак, вы хотите взорвать еще не построенную дорогу. Нет, мистер, я в вас ошибся. Вы вовсе не чокнутый. Вы психопат. Вы не способны изъясняться понятнее?

Тщательно подбирая слова, он ответил:

— Я имею в виду дорогу, которая служит продолжением автострады номер семьсот восемьдесят четыре. По ее окончании наш город будет рассечен автомагистралью почти напополам. В силу определенных причин, вдаваться в которые я не буду — и не могу, — эта дорога отобрала у меня двадцать лет жизни. Она...

— Потому что она пройдет на месте прачечной, где вы работаете, и дома, в котором вы живете?

— Откуда вы знаете?

— Я же говорил, что собираюсь навести о вас справки. Или вы решили, что я пошутил? Я даже выяснил, что вы вот-вот потеряете работу. Возможно, узнал об этом даже быстрее, чем вы.

— Нет, я знал об этом еще месяц назад, — машинально ответил он.

— И как вы собираетесь свершить задуманное, хотел бы я знать? — насмешливо фыркнул Мальоре. — Проезжая мимо на машине, поджигать запалы сигаретой и швырять динамитные шашки из окошка?

— Нет. По праздничным дням они оставляют все машины прямо на дороге. Вот их я и хочу взорвать. А также три новые эстакады.

Брови Мальоре поползли на лоб. Довольно долго он таранился, не в силах оторвать от него глаз. Затем

вдруг запрокинул голову назад и расхохотался. Брюшко его затряслось, а пряжка ремня вздымалась и опала, словно щепка в бурных волнах. Вдоволь насмеявшись, Мальоре извлек из кармана неправдоподобно огромный носовой платок (такими пользуются цирковые клоуны) и утер слезы.

Доус стоял, глядя на Мальоре, и терпеливо выжидал, пока тот вдосталь нахохочется. Внезапно он осознал, что этот толстяк в очках с несуразно толстыми линзами продаст ему взрывчатку. Он смотрел на Мальоре с легкой улыбкой. На смех он не обижался. Сегодня этот смех был ему на руку.

— Да, приятель, вы точно спятили, — выдавил наконец Мальоре, закончив смеяться. Правда, он до сих пор еще похихикивал. — Жаль, Пит вас не слышал. Боюсь, он мне не поверит. Вчера вы обозвали меня м-мудозвоном, а с-сегодня... с-с-сегодня... — Он снова разразился заливистым смехом, а его жирные щеки сложились складочками наподобие гармошки.

В очередной раз утерев слезы, он спросил:

— И как же вы собирались профинансировать свою маленькую проказу, мистер Доус? Особенно теперь, принимая во внимание, что вы больше не состоите на оплачиваемой службе?

Занятое выражение. *Не состоите на оплачиваемой службе.* А ведь верно. Его уволили. И это не сон.

— В прошлом месяце я выкупил свою страховку, — сказал он. — В течение десяти лет я исправно платил взносы. Я получил три тысячи долларов.

— Ах, так вы уже давно вынашиваете свой замысел?

— Нет, — честно признался он. — Получая страховку, я еще не знал, для чего именно это делаю.

— Ага, значит, тогда вы еще думали, да? Выбирали, что лучше — сжечь ли дорогу, расстрелять ее, удушить или...

— Нет. Просто я еще сам не знал, что делать. А вот теперь знаю.

— Ну, в таком случае можете на меня не рассчитывать.

— Что? — Он вытупил глаза, ошеломленно моргая. Подобный поворот событий им не предусматривался. Да, он прекрасно понимал, что Мальоре всласть поизмывается над ним, и это было вполне нормально. Но потом Мальоре должен был продать ему взрывчатку. Присовокупив что-нибудь вроде: *Если попадетесь, я скажу, что никогда даже не слышал о вашем существовании*. — Что вы сказали? — выдавил он.

— Я сказал — нет. Нет. По буквам: *н-е-т*. — Мальоре нагнулся вперед. Глаза его больше не смеялись. Они стали холодными, непроницаемыми и — внезапно — какими-то крохотными, даже несмотря на линзы, которые резко их увеличивали.

— Но послушайте, — заговорил он, умоляюще глядя на Мальоре. — Если я попадусь, то никогда не признаюсь, что купил взрывчатку у вас. Я поклянусь, что вообще не слышал о вашем существовании.

— Черта лысого! Да вы сразу запоете, а потом прикинетесь душевнобольным. Вас оправдают, а вот меня на всю жизнь упекут.

— Нет, послушайте...

— Это *вы* послушайте, — перебил его Мальоре. — Паясничайте, но знайте меру. Мы все обсудили. Я сказал нет, а это означает — нет. Ни оружия, ни взрывчатки, ни динамита, ничего. Почему? Да потому что вы чокнутый, а я бизнесмен. Кто-то наболтал вам, что я могу достать все, что угодно. Да, могу. И достаю. Кое-что при этом и мне самому перепадает. Так, в 1946 году меня осудили по статье «от двух до пяти» за незаконное хранение оружия. Десять месяцев отсидел. В 1952 году меня привлекли за соучастие, но

адвокат выручил. В 1955 году меня пытались осудить за уклонение от уплаты налогов, но я снова вышел сухим из воды. А вот в 1959 году мне навесили срок за укрывательство краденного. Полтора года я отрубил в Кастлтоне, но зато главный свидетель обвинения обрел вечный покой в земле. С тех пор меня еще трижды пытались привлечь к суду, но все три раза мне удавалось вывернуться — за недоказанностью или за отсутствием состава преступления. Копы спят и мечтают меня упечь, потому что в следующий раз мне светит уже двадцатник без права досрочного освобождения за примерное поведение. А я уже в таком возрасте, что через двадцать лет от меня останутся одни почки, которые даром пересадят какому-нибудь задрипанному негритосу в Нортонской клинике. Для вас это игра. Идиотская, но все-таки игра. А вот я уже в игрушки не играю. Обещая держать язык на привязи, вы искренне верите, что говорите правду. Но вы лжете. Не мне — *самому себе*. Поэтому в последний раз заявляю — нет. — Он воздел руки к потолку. — Шла бы речь о бабах, клянусь Богом, я бы вам бесплатно сразу двух поставил за одно лишь представление, что вы вчера тут закатали. Но обо всем остальном не может быть и речи.

— Ну ладно, — сказал он. Накатившая тошнота казалась уже нестерпимой. Он боялся, что его вот-вот вырвет.

— Здесь нас никто не подслушает, — сказал Мальоре, — это я точно знаю. Я знаю также, что вы не подсадная утка, однако, если вы попытаетесь осуществить свой идиотский план, я вам не позавидую. Но кое-что я вам еще скажу. Года два назад пришел ко мне один черномазый и тоже заказал взрывчатку. Причем он хотел подорвать вовсе не какую-то дурацкую дорогу. Он собирался подорвать здание федерального суда.

Больше ничего не рассказывайте, подумал он. *Сейчас я блевану*. Как будто желудок его был набит перьями, каждое из которых отчаянно щекотало изнутри.

— Одним словом, я продал ему то, что он просил, — продолжал Мальоре. — Всего понемногу. Уйму времени на переговоры потратили. И этот малый выложил круглую сумму. Потом, слава Богу, его схватили с двумя подручными, прежде чем они успели хоть что-то натворить. Ну так вот — я ни минуты не беспокоился, выдаст ли он меня легавым или федам. А знаете почему? Да потому, что у них была целая *шайка* чокнутых; чокнутых черномазых, а это — особое дело. Псих-одиночка вроде вас — ему на все начхать. Сгорают, словно лампочка, и нет его. Когда же в шайке тридцать человек, то все они между собой повязаны; если даже троих поймают, они все тут же язык проглатывают.

— Ну ладно, — повторил он. Глаза его предательски увлажнились.

— Послушайте, — увещающе произнес Мальоре. — Трех тысяч на то, чтобы осуществить задуманное, вам все равно не хватит. Вы не обижайтесь, но мы ведь с «черным рынком» связываемся, а там расценки совсем другие. На такое количество взрывчатки потребуется раза в три больше. А то и в четыре.

Он промолчал. Повернуться и уйти без разрешения Мальоре он не мог. Как будто видел наяву кошмарный сон. Он только снова и снова повторял себе, что в присутствии Мальоре никакую глупость не выкинет; скажем, не станет щипать себя за руку, отгоняя сон.

— Доус?

— Что?

— Все равно у вас ничего не выгорит. Разве сами не понимаете? Вы можете устранить неугодную личность, подорвать часовню или уничтожить произведение искусства, как этот вонючий урод, который пы-

тался осквернить Сикстинскую капеллу, — чтоб у него детородный орган иссох и отвалился! Но вот здания и дороги взрывать нельзя. Вот чего не понимают эти паршивые негры. Если сравнить с землей здание федерального суда, вместо него возведут два таких же: одно взамен уничтоженного, а второе — для расправы над всеми черномазыми, которые переступят через его порог. Если убить легавого, то на его место примут сразу шестерых копов, которые будут охотиться за вами до конца жизни. Победить в этой войне невозможно, Доус. Ни черным, ни белым. Если вы встанете у них поперек пути, вас просто утрамбуют в землю вместе с вашим домом.

— Мне нужно идти, — пробасил он внезапно севшим голосом.

— Да, видок у вас неважнецкий. Мой совет, старина, — выбросьте эту затею из головы. Могу подкинуть вам бабенку, если хотите. Она старая и тупая как пробка. Если хотите, можете ее отколошматить всласть. Вам нужна разрядка. Просто вы мне нравитесь...

Он не выдержал и кинулся наутек. Слепо промчался через приемную и вылетел на свежий воздух. Немного подморозило, падал снег. Ловя ртом студеный воздух, он стоял и дрожал как осиновый лист, уверенный, что Мальоре вот-вот выскочит следом, затащит его за шиворот в кабинет и снова начнет говорить не переставая. Даже когда вострубит апокалиптический седьмой Ангел, Циклоп Сэлли будет терпеливо доказывать неуязвимость власти и навязывать ему старых проституток.

Когда он добрался домой, снегу намело уже на шесть дюймов. По дороге прошлись снегоуборочные машины, поэтому поворот к подъездной аллее преграждала невысокая насыпь заиндевевшего снега. Од-

нако его «ЛТД» преодолел это препятствие без особого труда. Хорошая машина, тяжелая.

В доме было темно. Отопнув дверь, он вошел, стряхнул с ног снег и прислушался. Ни звука. Даже Мерв Гриффин не трепался с приглашенными знаменитостями.

— Мэри? — позвал он. Никакого ответа. — Мэри!

Он уже начал было тешиться иллюзией, что ее нет, когда услышал в гостиной плач. Тогда он снял пальто и повесил его в стенной шкаф. На полу под самой вешалкой стояла небольшая коробочка. Пустая. Каждую зиму Мэри ставила ее сюда, чтобы капли с одежды не стекали на пол. Он не раз задавался вопросом, кому, черт возьми, дело до каких-то капель в стенном шкафу? И вот в эту минуту ответ прозвучал в его мозгу с пугающей ясностью. Мэри было до этого дело — вот кому.

Он прошел в гостиную. Мэри сидела на диване напротив огромного телевизора «Зенит» и плакала. Даже не утираясь платочком. Руки ее безвольно висели, плечи поникли. Мэри всегда стеснялась проявлять свое горе на людях, поэтому обычно уходила плакать в спальню или, если несчастье наступало внезапно, прикрывала лицо руками. Сейчас же ее незащищенное лицо было искажено почти до неузнаваемости, словно лицо жертвы авиакатастрофы. Его сердце мучительно сжалось.

— Мэри, — тихонько окликнул он.

Но она продолжала плакать и даже не повернула головы в его сторону. Он присел рядом.

— Мэри, — промолвил он. — Все ведь не так уж плохо. Ничего страшного не произошло. — И тут же сам усомнился в искренности своих слов.

— Всему теперь конец, — пробормотала она, всхлиывая. — Все пропало. — И подняла голову. Порази-

тельно, но именно в это безрадостное мгновение лицо ее, никогда не отличавшееся красотой, вдруг как-то особенно осветилось и сделалось почти прелестным. Он едва ли не впервые разглядел в своей жене прекрасную женщину.

— Кто тебе рассказал?

— *Все!* — выкрикнула она, по-прежнему не глядя на него, а рука ее, взлетев в воздух, тут же беспомощно упала на колено. — Сначала позвонил Том Грейнджер. Потом жена Рона Стоуна. Затем Винсент Мейсон. Все они спрашивали, что с тобой случилось. А ведь я ничего не *знала*. Я даже не подозревала, что с тобой что-то не так!

— Мэри, — промолвил он и попытался взять ее за руку. Она отдернула руку прочь, словно от прокаженного.

— Может быть, ты меня так наказываешь? — спросила она и наконец посмотрела на него. — Да, дело в этом? Ты меня наказываешь?

— Нет, — быстро ответил он. — Нет, Мэри, что ты! — Ему тоже хотелось плакать, но он понимал, что этого делать нельзя. Это было бы совсем неправильно.

— Потому что я родила тебе мертвого ребенка, а потом ребенка, который умер? Или ты думаешь, что я убила твоего сына? Да, это так?

— Мэри, но ведь он был *нашим* сыном...

— *Твоим!* — завизжала она. — *Он был твоим сыном!*

— Не надо, Мэри. Не надо, прошу тебя. — Он снова попытался взять ее за руку, но она отшатнулась.

— Не смей ко мне прикасаться!

Они смотрели друг на друга ошеломленно, словно впервые обнаружили огромные разделяющие их пространства — белые пятна на внутренней карте.

— Мэри, я никак не мог поступить иначе. Прощу тебя, поверь мне. — А ведь тут он, похоже, покривил

душой. И тем не менее продолжил: — Без Чарли, конечно, тоже не обошлось. Это еще в октябре случилось, когда я обратил в деньги свою личную страховку. Это был первый *серьезный* случай, однако в моей голове давно уже творится что-то неладное. Просто мне легче *совершить* поступок, нежели что-то обсуждать. Понимаешь? Ты ведь можешь меня понять?

— Но что же теперь ждет меня, Бартон? Я ведь твоя жена — и все. И ничего больше не умею. Что мне делать?

— Не знаю.

— Как будто ты меня изнасиловал, — всхлипнула она и разразилась рыданиями.

— Мэри, не надо, умоляю тебя. Пожалуйста... не плачь больше. Ну постарайся.

— Неужели ты ни разу даже не подумал обо мне, когда *все это* делал? Неужели ты не понимаешь, что я целиком от тебя *завишу*? Что я вся в твоей власти.

Он промолчал. Каким-то непостижимым образом ему казалось, что он снова разговаривает с Мальоре. Словно Мальоре перегнал его, первым присхав домой, а теперь сидит перед ним, нацепив маску Мэри, ее одежду и белье. А что дальше? Он снова предложит ему какую-то старую потаскуху?

Мэри встала.

— Я пошла наверх. Хочу прилечь.

— Мэри...

Она его не перебила, но он сам осекся, не найдя подходящих слов.

Она ушла из гостиной, и он слышал, как она поднимается по лестнице в спальню. Затем услышал, как скрипнула кровать под ее тяжестью. И снова послышался плач. Он встал, включил телевизор и увеличил громкость, чтобы не слышать ее рыданий. Мерв Гриффин развлекал очередного гостя.

Часть вторая

ДЕКАБРЬ

О, любовь, сделай, чтобы мы были верными
Друг другу! Ради мира, который, похоже,
Лежит перед нами, словно сказочная страна,
Такая разная, такая прекрасная и новая,
Но не знающая ни радости, ни любви, ни света,
Ни уверенности, ни мира, ни облегчения от боли;
А мы здесь, словно на покрытой мраком равнине,
Увлеченные толпой бегущих воинов
К ночному полю битвы несведущих армий.

*Мэттью Арнольд
«Берег Дуэра»*

5 декабря 1973 года

Сидя перед телевизором, он потягивал свой излюбленный коктейль — смесь «Южного комфорта» с севен-апом — и смотрел какой-то полицейский сериал, названия которого толком и не запомнил. Главного героя — то ли полицейского в штатском, то ли частного сыщика — треснули по голове чем-то очень увесистым. От удара в мозг то ли полицейского в штатском, то ли частного сыщика что-то помутилось, и он решил, что вот-вот распутает какое-то сложное дело. Однако не успел он поведать о своем открытии, как сериал прервался рекламой какого-то идиотского соуса. Телепродавец расхваливал его на все лады и спрашивал зрителей, не напоминает ли им вылитый на тарелку соус мясную подливу. Бартону Джорджу Доусу «подлива» напомнила разве что жидкие экскре-

менты. Реклама кончилась, и фильм возобновился. Теперь полицейский в штатском (или частный сыщик) допрашивал темнокожего бармена, уже прежде судимого. Бармен сказал *ну, даете*. Бармен сказал *отмочить*. Бармен сказал *сам фуфло*. Бармен оказался несговорчивым малым, и все же Бартон Джордж Доус решил, что частный сыщик (полицейский в штатском) сумел добиться чего хотел.

Он уже здорово наклюкался и сидел перед телевизором в одних трусах. В доме было жарко. После ухода Мэри он врубил термостат на семьдесят восемь градусов* и ниже не опускал.

Кто сказал, что в стране энергетический кризис? Никсон? Пошел ты в задницу, Дик! Вместе со своей любимой верховой лошастью. Да и Чекерса с собой прихватите! Выезжая на магистраль, он гнал со скоростью семьдесят миль в час, демонстрируя скабрезные жесты водителям, сигналившим, чтобы он снизил скорость. А тут еще и эта наглая баба, главный президентский эксперт по потреблению, этакий политический гермафродитик, два дня подряд заклинает с экрана, как нам с вами сберечь потребление электроэнергии дома. Вирджиния Кнауэр, вот как ее зовут. По окончании фильма он встал, отправился в кухню и включил электрический миксер. Миссис Кнауэр вещала, что миксеры — одни из наиболее расточительных электроприборов. Он оставил миксер включенным на всю ночь, а встав поутру — это было вчера, — обнаружил, что у него перегорел моторчик. А ведь мог и дом подпалить, подумал он. Будь он пьян. Вот и настал бы конец его мукам.

Он смешал себе очередной коктейль и, потягивая его, начал вспоминать старые телевизионные программы, те, что они еще молодоженами смотрели вме-

* По Фаренгейту; примерно 26°C.

сте с Мэри по их первому черно-белому телевизору. Да, а ведь это было нечто. «Программа Джека Бенни», «Эймос и Энди» — разудалые негры. А потом «Драгнет», еще настоящий «Драгнет», где вместе с Джо Фрайдеем играл Бен Александр, а не этот новый парень, Гарри какой-то. Потом «Дорожный патруль» с Бродериком Кроуфордом, который орал в микрофон, а вокруг все гоняли на «бьюиках». «Шоу из шоу». «Ваш хит-парад», в котором Гизела Маккензи распевала «Зеленую дверь» или «Незнакомца в раю». Увы, с наступлением эпохи рок-н-ролла эта музыка канула в Лету. А викторины? Сколько удовольствия доставляли они! «Тик-так», например, или «Двадцать одно» по понедельникам с неподражаемым Джеком Барри. А «Вопрос ценой в 64 тысячи долларов» с Хэлом Марчем? «Дотто» с Джеком Нарцем. Субботние утренние программы вроде «Энни Оукли», которая вечно вытаскивала своего младшего братишку из очередной передраги. Он даже думал, уж не является ли этот братец на самом деле ее незаконнорожденным сыном. А еще «Рин-тин-тин», «Сержант Престон», «Рейндж-райдер», «Дикий Билл Хикок»... Мэри, бывало, укоряла его: «Господи, Барт, да узнай кто-нибудь, что ты смотришь всю эту дребедень, люди подумали бы, что ты умом тронулся. Тебе не стыдно?» А он неизменно отвечал: «Я хочу знать, о чем своим детям рассказывать». Но вот только с детьми у них не получилось. Первенец родился мертвым, а о втором, о Чарли, было бы лучше вообще не вспоминать. Встретимся во сне, сынок. Похоже, ночи не проходило, чтобы Чарли ему не приснился. Бартон Джордж Доус и Чарльз Фредерик Доус постоянно встречались благодаря чудесам подсознания. И вот, ребята, мы с вами вновь в Диснейленде и впервые совершаем путешествие по стране Трагедиландии, где можно по-

кататься в гондоле по каналу Слез, посетить музей Пожелтевших фотографий и проехаться на грустно-мобиле по автостраде Разбитого сердца. Последняя остановка — Западная Крестоллен-стрит. Она вот здесь, внутри этой исполинской бутылки «Южного комфорта», заключена навечно. Вот-вот, мадам, только пригнитесь, входя в горлышко. Скоро его расширят. А вот дом Бартона Джорджа Доуса, последнего жильца с этой улицы. Загляните в окно — видите? Вот он сидит в трусах перед телевизором, попивая коктейль и обливаясь горячими слезами. Он плачет? Ну конечно, плачет. А чем еще можно заниматься в стране Трагедиландии? Он постоянно плачет. Поток слез управляется специальным устройством, которое разработали НАШИ ЗНАМЕНИТЫЕ НА ВЕСЬ МИР ИНЖЕНЕРЫ. По понедельникам он плачет чуть меньше, но зато в остальные дни рыдает навзрыд. По уик-эндам он напивается, а вот к Рождеству, боюсь, нам уже придется его проводить. Разумеется, выглядит он отталкивающе, но все же он из лучших экспонатов Трагедиландии. По популярности он может сравниться разве что с Кинг-Конгом на крыше Эмпайр-Стейт-Билдинга. Он —

Он размахнулся и швырнул стакан в телевизор.

Промахнулся на добрый ярд. Стакан врезался в стену и с громким звоном разбился. И тут он и впрямь расплакался навзрыд.

Плача, подумал: Господи, да посмотри же на меня, полюбуйся мной.

До чего же ты омерзителен! Смотреть на тебя противно. Искалечил жизнь себе и Мэри, а теперь еще сидишь тут и дурака валяешь. Боже, Боже, Боже...

Лишь на полпути к телефону он остановился. Накануне ночью, пьяный и заплаканный, он позвонил Мэри и начал умолять ее вернуться. Молил до тех пор,

пока она сама не разревелась и не повесила трубку. И сейчас ему было больно и стыдно вспоминать этот позор.

Он побрел на кухню, взял совок с веником и вернулся в гостиную. Выключил телевизор и убрал осколки стекла. Слегка пошатываясь, отнес мусор на кухню и выбросил в ведро. Постоял, думая, что делать дальше.

Холодильник жужжал, как какое-то неведомое насекомое. Почему-то это жужжание испугало его, и он отправился спать. И снова видел сны.

6 декабря 1973 года

В половине четвертого он мчался домой по автострате на скорости семьдесят миль в час. День стоял ясный и прохладный, градусов тридцать с хвостиком. После ухода Мэри не проходило и дня, чтобы он не предавался продолжительным гонкам по автострате; занятие это превратилось для него в подобие работы. Езда в автомобиле его успокаивала. Глядя на разворачивающееся впереди асфальтовое полотно, окаймленное по обеим сторонам высокими сугробами, он ощущал покой и умиротворение. Порой, запуская радиоприемник, он громко подпевал ему звучным голосом. Не раз во время таких поездок его охватывало желание просто мчать куда глаза глядят, покупая бензин по кредитной карточке. Гнать и гнать к югу без остановки, пока не закончится дорога, а то даже и земля. Интересно, можно ли проехать на машине до самой оконечности Южной Америки? Ответа на этот вопрос он не знал.

Однако всякий раз он возвращался. Съезжал с автострады, закусывал гамбургером и картофелем фри

в первой попавшейся забегаловке и возвращался в город на закате солнца или вскоре после него.

Он всегда проезжал по Стэнтон-стрит, останавливал машину и вылезал, чтобы посмотреть, насколько продвинулись за день строительные работы по продолжению автомагистрали номер 784. Дорожная компания возвела специальную платформу для зевак — в основном это были старики и посетители окрестных магазинов, — на которой в дневное время яблоку было негде упасть. Люди выстраивались вдоль металлических рельсов ограждения, словно глиняные утки в тирах; выпуская изо рта облачка пара, они глазели на экскаваторы, бульдозеры, грейдеры и скреперы, с детским любопытством следили, как специалисты колдуют над геодезическими инструментами. Господи, с какой радостью он перестрелял бы их всех.

Однако ночью, когда температура падала ниже двадцати, на западе багровела горькая ленточка заката, а на свинцовом небе холодно загорались тысячи звезд, он мог безмятежно следить за дорожными работами в полном одиночестве. Минуты и часы, которые он там проводил, приобрели для него особую важность — каким-то непонятным образом они словно перезаряжали его организм, помогали ему сохранять хотя бы частичную ясность ума. В эти минуты, что предшествовали его длительным ночным возлияниям, постепенному погружению в ступор, неизбежным поползновениям позвонить Мэри и путешествиям по стране Трагедиландии, он был *самим собой*, хладнокровным и трезвым. Вцепившись в холодное ограждение, он пялился на строительную площадку, пока пальцы его не немели, делаясь такими же бесчувственными, как сами рельсы, и становилось невозможным различить, где кончается его внутренний мир — мир живого человека — и где начинается мир машин, кра-

нов и зрительских трибун. В такие минуты уже ни к чему было предаваться горестным, разъедающим душу воспоминаниям, а можно было оставаться самим собой. В такие минуты он ощущал, как его собственное горячее естество пульсирует в холодном безразличии ранней зимней ночи; он ощущал себя настоящей личностью, даже почти целостной.

Но сейчас, бешено мчась по автостраде, еще в сорока милях от трибун Уэстгейта, он вдруг заметил на обочине одинокую фигурку в куртке и черной вязаной кепочке. В руках у фигурки он разглядел (даже удивительно — при таком-то снегопаде!) плакат, на котором крупными буквами было выведено: ЛАС-ВЕГАС, а внизу четко и лаконично: ИНАЧЕ — КРЫШКА!

Он резко затормозил, чувствуя, как врезается в живот и грудь ремень безопасности, и поневоле возбуждаясь от резкого визга тормозов. Он остановился ярдах в двадцати от фигурки, которая, заткнув плакатик под мышку, бегом кинулась к нему. Что-то в движениях и очертаниях силуэта подсказывало ему: перед ним девушка.

Открыв дверцу, она впорхнула в машину.

— Уф, спасибочки!

— Не за что. — Кинув взгляд в зеркальце заднего вида, он тронулся с места, быстро набрав прежнюю скорость. Впереди вновь расстилось бескрайнее асфальтовое полотно. — Далековато до Вегаса.

— Это точно. — Она улыбнулась дежурной улыбкой, предназначавшейся любому, кто бы сказал, что до Вегаса далековато, и стащила перчатки. — Не возражаете, если я закурю?

— Нет, пожалуйста.

Девушка достала пачку «Мальборо».

— Хотите?

— Нет, спасибо.

Она вставила в рот сигарету, вынула из кармана куртки коробок спичек, зажгла сигарету, глубоко затянулась, выдохнула облачко дыма, от которого ветровое стекло на мгновение затуманилось, спрятала «Мальборо» со спичками в карман, развязала синий шарфик и сказала:

— Даже не представляете, как я вам благодарна. Почти в ледышку уже превратилась.

— Долго ждали?

— Почти час. Последний водитель оказался пьян в стельку. Мне чудом сбежать удалось.

Он кивнул.

— Я подброшу вас до конца автострады.

— До конца? — Она посмотрела на него. — Вы что, в Чикаго едете?

— Что? О нет. — Он назвал ей свой город.

— Но ведь автострада и дальше продолжается. — Она вытащила из другого кармана дорожную карту, затрепанную по углам от частого использования. — Во всяком случае, если верить этой карте.

— Разверните ее и посмотрите внимательнее.

Девушка послушалась.

— Какого цвета наша автострада?

— Зеленого.

— А какого цвета та ее часть, что идет через город?

— Тоже зеленого, но обозначена пунктиром. А, так она... Черт побери, так она еще *не достроена*?

— Вот именно. Знаменитое на весь мир продолжение автострады номер семьсот восемьдесят четыре. Так что, девушка, вам никогда не добраться до Вегаса, если не будете читать карту повнимательнее.

Она уткнулась в карту, едва не касаясь ее носом. Кожа у нее была гладкая и нежная, но сейчас, должно быть, от морозца, щеки и лоб разрумянились. Покрылся кончик носа, с которого свешивалась ка-

пелька влаги. Коротко — и не слишком аккуратно — подстриженные волосы. Сама, наверное, стриглась. Цвет красивый — каштановый. Жалко такие стричь, а уж тем более — плохо. Как назывался этот чудный рождественский рассказик О'Генри? «Дары волхвов». Кому ты купила эти замечательные часы на цепочке, маленькая бродяжка?

— Зеленая дорога снова начинается в Лэнди, — сказала она. — Это очень далеко от окончания авто-страды?

— Миль тридцать.

— Черт!

Она снова углубилась в изучение карты. Мимо промелькнул указатель шоссе номер 15.

— А что тут за объездные дороги? — спросила она наконец. — Для меня это все как лабиринт.

— Вам лучше всего воспользоваться шоссе номер семь, — сказал он. — Это самое последнее ответвление от магистрали. В Уэстгейте. — Чуть поколебавшись, он добавил: — Только лучше бы вам переночевать где-нибудь. В «Холидей инн» хотя бы. Когда мы доедем, будет уже за полночь, а в такое время лучше там машины не ловить.

— Почему? — спросила она, глядя на него. Глаза у нее были зеленые и волнующие; о таких глазах иногда читаешь, но почти никогда не встречаешь сам.

— Это городское шоссе, — пояснил он, смещаясь в крайний ряд и обгоняя вереницу автомобилей, идущих со скоростью пятьдесят миль в час. Некоторые гневно сигналили ему вслед. — Четырехрядка с бетонным разделительным ограждением посередине. Две полосы ведут на запад, к Лэнди, а другие две — на восток, в город. По обеим сторонам тянутся бесконечные цепочки магазинов, закусочных, кегельбанов и

прочих заведений. Дальнобойщиков вы там не встретите. Никто даже не притормозит.

— Понятно, — вздохнула она. — А автобус-то хоть до Лэнди ходит?

— Был там раньше один городской маршрут, но вот только компания обанкротилась. Может быть, только «грейхаунд»* какой-нибудь проезжает...

— Тьфу! — Она сложила карту и запихнула в карман. Затем мрачно уставилась перед собой на дорогу.

— А что, на мотель не хватит? — осведомился он.

— Мистер, да у меня всего тринадцать баксов в кармане. На такие деньги мне и собачью конуру не сладут.

— Можете остановиться у меня, если хотите, — несмело предложил он.

— Угу, но только я лучше выйду прямо здесь.

— Ладно, не обижайтесь. Предложение снимается.

— Не говоря уж о том, как отнеслась бы к этому ваша жена, — проворчала девушка, устремив взгляд на его обручальное кольцо. В голосе прозвучала такая укоризна, как будто незнакомка подозревала его по меньшей мере в соращении малолетних.

— Мы с женой разъехались.

— Давно?

— Нет. Первого декабря.

— Понятно. Теперь, значит, на стороне утешения ищете, — промолвила она. Он уловил в ее голосе презрение, но скорее это было презрение ко всему мужскому полу, а не к нему лично. — На молоденьких бросаетесь.

— Лично я никого трахать не собираюсь, — чисто-сердечно ответил он. — Думаю, у меня даже не встанет.

* Название современной, крупнейшей в США компании и соответственно принадлежащих ей автобусов, обслуживающих междугородные маршруты.

Он вдруг осознал, что только что употребил два слова, которые никогда прежде в присутствии женщины не произносил, однако почему-то в ее обществе они показались вполне приемлемыми. Не хорошими и не плохими, а самыми обычными, словно речь шла о погоде.

— Это следует расценить как вызов? — спросила девушка. Затем снова затянулась и выпустила дым из ноздрей.

— Нет, — ответил он.

— А почему вы не спрашиваете, с какой стати такая милая девушка, как я, голосует по ночам на дороге? — чуть помолчав, произнесла она. — Обычно это всех интересует. — На сей раз в ее голосе, помимо презрения, прозвучало скрытое удивление.

— Да ладно вам, — отмахнулся он. — Вы просто невыносимы.

— Наверное, — призналась она и, загасив окуроч в пепельнице, наморщила носик. — Господи, вы никогда ее не встряхиваете, что ли? Посмотрите — она доверху забита всякими фантиками, обертками и прочей мурой. Может, вам проще с собой мусорный мешок таскать?

— Просто я не курю. К тому же вы не предупредили меня заранее, что собираетесь голосовать на дороге. И не попросили очистить пепельницу. Сами виноваты... Ладно, встряхните её, к свиньям, на дорогу.

— А вы шутник, — заулыбалась она.

— Жизнь заставляет.

— А знаете, как долго разлагаются сигаретные фильтры? Двести лет, вот сколько. К тому времени уже и ваших внуков на Земле не останется.

Он пожал плечами:

— Вас не волнует, что я дышу вашими канцерогенами и забиваю легкие копотью, но вот выбросить на дорогу окуроч вы не можете. Что ж, пусть будет так.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего.

— Эй, мистер, может, мне лучше выйти? Вы этого добиваетесь, да?

— Нет, — ответил он. — Послушайте, почему бы нам не поговорить о чем-нибудь нейтральном? О здоровье доллара, например. О политике правительства. О достопримечательностях штата Арканзас.

— Если вам все равно, то я лучше вздремну. Похоже, остаток ночи мне предстоит провести на ногах.

— Пожалуйста.

Она надвинула на глаза козырек кепки, скрестила на груди руки и затихла. Минуту спустя дыхание ее стало более редким и глубоким. Он поглядывал на девушку урывками, словно пытаясь украдкой запечатлеть в памяти ее образ. На ней были тонкие выцветшие синие джинсы, плотно облегавшие ноги. Судя по очертаниям, колготки она вниз не поддела. Глядя на ее длинные ноги, согнутые в коленках, он подумал, что они сейчас, наверное, красные, как свежесваренные лобстеры, и жутко чешутся. Он уже раскрыл было рот, чтобы спросить, не чешутся ли у нее ноги, но затем передумал. Почему-то сама мысль о том, что она снова будет в такой холод голосовать на дороге, одна, в тонких джинсах, была ему неприятна. Впрочем, дело ее. Если замерзнет, то всегда может пойти куда-нибудь и погреться. Как хочет.

Они миновали пару развилок. Он уже перестал поглядывать на нее, сосредоточившись на езде. Стрелка спидометра застыла на семидесяти милях, и он по-прежнему ехал в крайнем левом ряду. Когда он проехал съезд на шоссе номер 12, водитель фургона с наклейкой «НЕ ПРЕВЫШАЙ 50 «трижды просигналил ему и негодуя замигал фарами. В ответ он продемонстрировал поднятый вверх средний палец.

Не раскрывая глаз, девушка сказала:

— Вы слишком быстро едете. Поэтому-то они и гудят.

— Да, я знаю.

— Но вам на них наплевать.

— Да.

— Понятно, — бесстрастно промолвила она. — Еще один настоящий патриот, стремящийся вытащить Америку из энергетической ямы.

— Начхать мне на энергетическую яму.

— Да, все вы так говорите.

— Прежде я старался здесь больше пятидесяти пяти не выжимать. А теперь таким образом выражаю свой протест совместно с другими членами общества дрессированных собак. Вам, наверное, читали про него в лекциях по социологии? Или нет? Вы ведь в колледже учитесь, не так ли?

Она выпрямилась.

— Социологию я и правда изучала. Некоторое время. Но вот об обществе дрессированных собак что-то не слыхала.

— Да, потому что я его выдумал.

— Ясно. Я же говорила — шутник. Остряк-недоучка. — В голосе прозвучало презрение. Она снова нахлобучила кепку на глаза и села поудобнее.

— Общество дрессированных собак основано Бартоном Джорджем Доусом в конце 1973 года. Его учение полностью объясняет такие загадочные явления, как денежный кризис, инфляция, вьетнамская война и нынешний энергетический кризис. Возьмем, к примеру, энергетический кризис. Американский народ подобен дрессированным собакам — он приучен любить механизмы, потребляющие бензин. Автомобили, снегоходы, моторные катера, багги, мотоциклы, мопеды и многое-многое другое. А вот за ближайшие семь лет, до 1980 года, нас научат ненавидеть все эти

механические игрушки. Американцы обожают, когда их дрессируют. Дрессировка помогает правильнее вилять хвостом. Используй энергию. Не используй энергию. Пописай на газету. Лично я не против того, чтобы сберегать энергию; но я против дрессировки.

Он вдруг подумал про собаку мистера Пиаци, которая сначала перестала вилять хвостом, потом начала вращать глазами, а в конце концов вцепилась в горло Луиджи Бронтичелли.

— Как собаки Павлова, — сказал он. — Их научили пускать слюну при звуке колокольчика. А мы истекаем слюной, когда нам показывают цветной телевизор с моторизованной антенной. У меня как раз такой дома установлен. С дистанционным управлением. Сидишь, развалишься, в кресле, нажимаешь кнопки и переключаешь каналы или уровень звука меняешь. Однажды я засунул пульт себе в рот, нажал кнопку включения, и, представьте себе, телевизор заработал. Сигнал сработал, даже пройдя сквозь мои мозги. Вот каких чудес достигла технология.

— Вы ненормальный, — промолвила она.

— Возможно.

Они миновали развилку с шоссе номер 11.

— Я все-таки посплю. Скажите, когда доедем.

— Ладно.

Девушка снова скрестила руки и закрыла глаза.

Они проехали шоссе номер 10.

— Вообще-то я не против дрессировки собак, — провозгласил он. — Я протестую против того, что их хозяева — все, как на подбор, — полные идиоты. Клинические.

— Вы пытаетесь очистить свою совесть всей этой чепухой, — произнесла девушка. — Почему бы вам лучше не сбросить скорость до пятидесяти миль? Сразу полегчает.

— *Не полегчает!* — ответил он с такой неожиданной яростью, что девушка в испуге раскрыла глаза, выпрямилась и уставилась на него.

— Вам нехорошо?

— Мне замечательно, — ответил он. — Я потерял жену и работу, потому что либо я сам, либо окружающий мир сошел с ума. Затем я подсаживаю в машину девушку — ей лет девятнадцать, не больше, — которая уж точно должна знать, что наш мир сумасшедший, так вместо этого она уверяет, что я сам тронулся. Спасибо большое.

— Мне уже двадцать один.

— Очень рад за вас, — с горечью произнес он. — Но если наш мир такой здоровый, на кой черт такой девушке, как вы, случилось посреди зимы добираться в Лас-Вегас на попутных машинах? Стоять на морозе в одних тоненьких джинсах без белья, рискуя застудить свою хорошенькую задницу.

— Белье на мне есть! За кого вы *меня* принимаете?

— За юное и *безмозглое* создание! — рывкнул он.

Они вихрем пронесли мимо седана, который катил по шоссе со скоростью пятьдесят миль в час. Водитель гневно прогудел им вслед.

— *Пошел ты!* — выкрикнул он.

— Остановите, пожалуйста, машину, — попросила девушка. — Я лучше здесь выйду.

— Ерунда, — отмахнулся он. — Я не собираюсь ни в кого врезаться. Спите.

Она устремила на него недоверчивый взгляд, затем покачала головой и закрыла глаза. Справа промелькнула развилка с шоссе номер 9.

В пять минут пятого они миновали шоссе номер 2. Тени, пересекающие дорогу, приняли характерную синеву, отличающую именно зимние тени.

Венера уже взошла на востоке. По мере приближения к городу движение усиливалось.

Повернув голову, он увидел, что девушка уже снова выпрямилась и теперь посматривала в окно на спешащие безликие автомобили. Машина, что ехала прямо перед ними, везла сверху, на крыше багажника, рождественскую елку. У девушки были зеленые с широким разрезом глаза, и на мгновение он погрузился в них и ощутил то удивительное сопереживание, которое посещает людей, по счастью, крайне редко. Он вдруг увидел, что все машины едут туда, где тепло, туда, где можно делать дело, общаться с друзьями или с семьей. Он увидел их полное безразличие к незнакомцам. За какой-то мимолетный леденящий миг он осознал то, что Томас Карлайл называл великим мертвым локомотивом мира, который несется без остановки.

— Мы уже подъезжаем? — спросила она.

— Через пятнадцать минут.

— Послушайте, если я была с вами не слишком любезна, то готова извиниться...

— Нет, это я был с вами не слишком любезен. Кстати, вы знаете, делать мне сейчас особо нечего. Я, пожалуй, сам отвезу вас в Лэнди.

— Нет...

— Или возьму *вам* номер в «Холидей инн» на одну ночь. Не бойтесь, вам это ничего не будет стоить. Это мой рождественский подарок.

— А вы и правда разъехались с женой?

— Да.

— И совсем недавно?

— Да.

— А детей она с собой забрала?

— У нас нет детей. — Они уже приближались к постам для взимания дорожного сбора. В ранних призрачно-серых сумерках мерцали их зеленые огоньки.

— Тогда я переночую у вас.

— Но это вовсе не обязательно. В том смысле, что вам ни к чему...

— Мне бы тоже не хотелось сегодня оставаться одной, — сказала она. — А голосовать на дорогах ночью я не люблю. Я боюсь. Мне страшно.

Подкатив к будке поста, он приостановился и опустил стекло; в салон ворвался холодный воздух. Он протянул сборщику свою карточку и доллар девятно. Медленно отъехал. Справа остался освещенный щит с надписью:

СПАСИБО ЗА БЕЗОПАСНУЮ ЕЗДУ!

— Ну ладно, — осторожно произнес он, понимая, что уговаривать ее ни к чему — возможно, этим он добился бы противоположного, — однако ничего не мог с собой поделать. — Просто мне самому слишком одиноко в пустом доме. Мы поужинаем, а потом, если хотите, посмотрим телевизор и погрызем воздушную кукурузу. Вы будете спать наверху, а я лягу...

Они уже сворачивали в город. Девушка негромко рассмеялась, а он взглянул на нее с легким недоумением. В сгустившихся сумерках он уже едва различал очертания ее фигуры. Кто знает, а вдруг она настоящая красавица? Мысль эта его немного взволновала.

— Послушайте, — сказала она. — Лучше я вам сразу все объясню. Тот пьяница, который меня до вас подвозил... Я с ним переспала. Такова была его цена, чтобы подбросить меня до Стилтона, где вы меня встретили...

Тем временем он остановил машину на красный свет перед перекрестком.

— Моя соседка по комнате предупредила, что именно это меня ждет, — бесстрастно продолжила де-

вушка. — Но я ей не поверила. Я не собиралась расплачиваться за дорогу собственным телом, уж поверьте мне. — Она искоса посмотрела на него, но он по-прежнему не мог разглядеть ее лица. — И дело даже не в том, чтобы меня кто-то принуждал. Просто все дело в полной оторванности от обычной жизни — словно выходишь в открытый космос. Попадая в огромный город и видя там всех этих людей, я просто теряюсь. Это меня так достает, что мне проще провести ночь с каким-нибудь нытиком, лишь бы чувствовать рядом живую душу.

— Меня абсолютно не волнует, с кем вы спите, — сказал он, трогаясь на зеленый сигнал. Чисто машинально он свернул на Гранд-стрит, направляясь к своему дому мимо строящейся автострады.

— Этот коммивояжер, что меня подвез, — снова заговорила она, — женат уже четырнадцать лет. Во всяком случае, трахая меня, он повторял это почти не переставая. Четырнадцать лет узды, Шарон, говорил он. Четырнадцать лет. И кончил как раз секунд через четырнадцать. — И она хохотнула. Коротко и горько.

— Вас так зовут? Шарон?

— Нет. Это, наверное, имя его благоверной.

Он подкатил к тротуару.

— Зачем вы тут остановились? — подозрительно осведомилась она.

— Да так, — ответил он. — Я всегда этой дорогой домой возвращаюсь. Можете вылезти, если хотите. Я вам кое-что покажу.

Они выбрались из машины и прошли на трибуну, где в этот час не было ни души. Он оперся ладонями на обжигающе холодную сталь ограждения и посмотрел вниз. Ага, «подушка» почти готова. В последние три дня рабочие укладывали гравий и щебенку. Бро-

шенные машины — грузовики, бульдозеры и желтые скреперы — безмолвно стояли в сумеречных тенях, словно музейные динозавры. Вот вегетарианец стегозавр, вот плотоядный тираннозавр, а это — свирепый дизельный экскаватор, пожиратель земли. Приятного аппетита!

— Что вы на это скажете? — вырвалось у него.

— А что я должна сказать? — переспросила она, пытаясь понять, куда он клонит.

— Но ведь что-то вы об этом думаете, — промолвил он.

Она пожала плечами:

— Так, обычные дорожные работы. Они прокладывают дорогу через город, в который я скорее всего никогда больше не попаду. Что вы хотите от меня услышать? Конечно, это выглядит безобразно.

— Безобразно, — эхом откликнулся он, довольный.

— Мое детство прошло в городе Портленде, в штате Мэн, — добавила она. — Мы жили в огромном многоквартирном доме, а прямо напротив строили торговый центр...

— Рабочие что-нибудь ломали, чтобы его возвести?

— Что?

— Они ломали...

— А, вот вы о чем. Нет, строительство велось на пустыре. Мне тогда было всего лет шесть или семь. Мне казалось, что стройка будет тянуться целую вечность. Визг, лязг, грохот. А знаете, что я при этом думала? Это очень потешно. Я говорила себе, что они ставят бедной земле клизму, а она упирается. Беднягу даже не спросили, нужна ли ей клизма, да и диагноз толком не поставили. Я тогда как раз страдала от какой-то кишечной инфекции, поэтому здорово разбиралась в клизмах.

— Понятно, — кивнул он.

— Как-то раз в воскресенье мы отправились на строительную площадку; там было удивительно тихо, словно в покойницкой. Фундамент к тому времени был уже почти завершен, а из цемента торчали эти странные желтые прутья...

— Арматура.

— Возможно. Повсюду были навалены трубы и мотки проволоки, покрытые прозрачным пластиком, и кругом была непролазная сырая грязь. Забавно, конечно — ведь о вареной грязи никто не слышал, — но именно так выглядела та грязь. Сырой. Мы играли там в прятки с моей младшей сестренкой, а потом пришла мама и надрала нам уши. Сказала, что маленьким детям на стройку ходить нельзя. Моей сестренке было всего четыре, и она орала на весь квартал. Забавно, что я все это помню, да? Может, вернемся в машину? Я замерзла.

— Хорошо, — кивнул он.

Они уже ехали, когда она сказала:

— Я до самого конца не верила, что им удастся возвести торговый центр на месте этого бардака, однако он вырос буквально на глазах. Как сейчас помню день, когда они асфальтировали автостоянку перед входом. А еще пару дней спустя уже и всю разметку желтой краской сварганили. Потом устроили грандиозную тусовку по случаю открытия. Какой-то крупный босс перерезал ленточку — и началось. Народ валом повалил. Как будто всю жизнь все только там и отоваривались. Торговый центр называли «Мамонт»; моя мать там дневала и ночевала. Когда же она брала туда нас с Энджи, я почему-то сразу вспоминала про эти оранжевые прутья. Мысли о них просто преследовали меня; будто навязчивая идея.

Он кивнул. Уж он-то знал, что такое навязчивая идея.

— А что это для вас означает? — спросила она.

Он пожал плечами:

— Сам еще не знаю.

Он уже собрался размораживать готовый ужин, когда она заглянула в морозильник и, обнаружив там вырезку, сказала, что может приготовить отбивные. Если хозяин не против, конечно.

— Это будет чудесно, — сказал он. — Тем более что я все равно даже понятия не имел, что с ней делать.

— Вам, наверное, здорово недостает вашей жены?

— Не то слово, — вздохнул он.

— Только из-за того, что вы не знаете, как приготовить вырезку? — спросила она.

Однако он не ответил. Она запекла картофель и разогрела замороженную кукурузу.

Они поужинали, причем она уплела три отбивные, две картофелины и полтарелки кукурузы.

— Господи, целый год уже так не пиновала, — сказала она, закуривая и глядя на опустевшую тарелку. — Теперь у меня небось заворот кишок будет.

— Чем же вы прежде питались?

— Звериным печеньем.

— *Чем?* — недоуменно переспросил он.

— Печенье такое, в виде всяких зверюшек.

— А, понятно.

— Оно дешевое, — пояснила она. — И питательное. К тому же напичкано витаминами и прочей полезной ерундой. Если верить надписи на коробке, конечно.

— Чушь собачья! Скорее у вас от этого заворот кишок случится. Да и потом — вы что, ребенок, одно печенье лопать? Ступайте-ка за мной.

Он провел ее в столовую и раскрыл дверцы серванта. Взял серебряную салатницу и вынул из нее пухлую кипу денег. Девушка вытаращила глаза.

— Вы кого-то уколошили, мистер?

— Никого. Я вернул свою страховку. Вот, держите. Здесь двести долларов. Это вам на еду.

Но девушка даже не прикоснулась к деньгам.

— Вы, видно, чокнутый, — промолвила она. — Что, по-вашему, я должна сделать, чтобы отработать такую сумму?

— Ничего вы не должны, — отрезал он. — Мне ничего от вас не нужно.

Она рассмеялась, но ничего не сказала.

— Ну ладно. — Он положил деньги на буфет, а салатницу поставил в сервант. — Если вы не заберете деньги утром, я спущу их в унитаз. — В глубине души он, правда, не слишком в это верил.

Девушка пристально посмотрела на него.

— Что ж, вы, пожалуй, на такое способны.

Он промолчал.

— Посмотрим, — сказала она. — Утром.

— Посмотрим, — эхом откликнулся он.

Он сидел и смотрел по телевизору передачу «По правде говоря». Три участницы наперсбой уверяли, что являются непревзойденными чемпионками по родео, причем две из них отчаянно ввали, а вот третья говорила правду. Какая именно — предстояло определить жюри, в состав которого входили разные телезнаменитости. Гарри Мур, бессменный ведущий этого шоу в течение уже лет трехсот, улыбался, острил и звонил в колокольчик, когда отпущенное каждой из участниц время истекало.

Девушка смотрела в окно.

— Слушайте, а на вашей улице еще хоть кто-нибудь живет? Нигде света нет.

— Остались только я и Данкманы. Они пятого января переезжают.

— Почему?

— Из-за дороги, — ответил он. — Выпить хотите?

— Что значит — из-за дороги?

— Она проходит как раз по нашей улице, — пояснил он. — Мой дом, насколько я могу судить, окажется как раз посреди разделительной полосы.

— Вот, значит, почему вы показали мне, где ведутся эти дорожные работы?

— Наверное. Я ведь еще недавно работал на прачечном комбинате, что в двух милях отсюда. «Блю Риббон» называется. Чертова дорога и его поглотила.

— Поэтому вы и потеряли работу? — уточнила она. — Вашу прачечную закрыли?

— Не совсем так. Я должен был заключить контракт на покупку завода, чтобы открыть новый комбинат в местечке, которое называется Уотерфорд, но не сделал этого.

— Почему?

— Не мог я этого вынести, — просто ответил он. — Выпить хотите?

— Вам вовсе не обязательно меня подпаивать, — сказала она. — Я и так согласна.

— Господи! — Он всплеснул руками и закатил глаза. — У вас все мысли об одном.

Воцарилось неловкое молчание. Наконец она сказала:

— Я пью только коктейли. Водка с апельсиновым соком у вас есть?

— Да.

— А вот «травка» вряд ли найдется. Да?

— Да. Этим я не балуюсь.

Он отправился на кухню и смешал гостье коктейль. Себе, как обычно, приготовил «Комфорт» с севен-апом и отнес напитки в гостиную.

Девушка забавлялась с пультом дистанционного управления, поочередно включая все тридцать семь каналов. «По правде говоря», заставка, «Что у меня на уме», «Мечтаю о Дженни», «Остров Гиллигена», заставка, «Я люблю Люси», заставка, заставка, Джулия Чайлд, колдующая над авокадо, заставка, «Лучшие цены» и снова Гарри Мур, требовавший, чтобы жюри определило, кто из троих участников написал книгу о том, как, заблудившись в дремучих лесах Саскачевана, выжил там целый месяц.

Он подал девушке ее коктейль.

«Скажите, номер два, вы жуков ели?» — поинтересовалась Китти Карлайл.

— Слушайте, а куда «Звездный путь» подевался? — нахмурилась девушка, отпивая из стакана.

— Его в четыре часа крутят, — пояснил он. — По восьмому каналу.

— Вы его смотрите?

— Иногда. Моя жена предпочитает Мерва Гриффина.

«...Никаких жуков я не видел, — ответил тем временем конкурсант под номером два. — В противном случае я с удовольствием полакомился бы ими».

Грохнул смех.

— А почему вы разъехались? — спросила девушка. — Впрочем, можете не отвечать, если не хотите.

— По той же причине, что я лишился работы, — ответил он, усаживаясь.

— Из-за этого контракта? Из-за того, что вы новый завод не купили?

— Нет. Из-за того, что я не купил новый дом.

— Не купили... Во черт! — Она уставилась на него не мигая. Благоговение и восхищение перемешались в ее глазах с непритворным страхом. — Так что же вы собираетесь делать теперь?

- Сам не знаю.
- Вы сейчас не работаете?
- Нет.
- А чем же вы днем занимаетесь?
- Гоняю по автостраде.
- А вечером смотрите телевизор?
- Да. И пью. Иногда воздушную кукурузу готовлю. Сегодня тоже ее сделаю. Попозже.
- Я не люблю воздушную кукурузу.
- Значит, сам съем.

Она нажала красную кнопку на пульте дистанционного управления, и экран «Зенита» скукожился до размера крохотной яркой точки и погас.

— Если я правильно поняла, — произнесла девушка, — то вы собственными руками избавились от жены и работы...

- Только не обязательно в этом порядке.
- Это не важно. Вы принесли их в жертву своей ненависти к дороге. Так?

Он хмуро воззрился на потухший экран телевизора. Он редко смотрел телевизор и тем не менее испытывал какую-то неловкость от того, что тот выключен.

- Сам толком не пойму, — уклончиво ответил он. — Порой сложно понять собственные поступки.
- Может, вы так свой протест выражаете?

— *Не знаю.* Обычно ведь протестуешь в том случае, если знаешь, что есть нечто лучшее. Люди, протестующие против войны, знают, что мир лучше. Люди, которые выступают против законов, запрещающих наркотики, полагают, что законы должны быть либеральнее... Словом, я и сам толком не знаю. А почему бы вам не включить телевизор?

— Сейчас включу. — И он вновь обратил внимание, что глаза у девушки зеленые, а взгляд загадочный и пристальный, как у кошки. — Вы, наверное, здорово нена-

видите эту автостраду, да? И наше технократическое общество. Бесчеловечное отношение к простым...

— Нет, — покачал головой он. Ему было трудно говорить правду; он даже сам не понимал, зачем мучается, когда можно было, соврав, одним махом закончить с этим разговором. Она была такой же, как и остальная молодежь, как Винни, как люди, думающие, что истину можно постигнуть, обучаясь: громкие слова и лозунги были для нее важнее, чем правдивый ответ. — Поверьте, уж я в своей жизни наглядился на всякие стройки. И мне всегда было глубоко наплевать на них, кроме разве что тех случаев, когда приходилось далеко обходить из-за разрытого тротуара.

— Но теперь, когда это задело вас... ваш дом и вашу работу, вы взбунтовались.

— Пожалуй, да. — Он, правда, еще не был в этом уверен. А взбунтовался ли он на самом деле? Возможно, он уступил какому-то разрушительному порыву, подрывному механизму самоуничтожения, который был заложен в нем наподобие той опухоли, которая погубила Чарли. Ему вдруг захотелось, чтобы Фредди был рядом. Уж Фредди сумел бы сказать этой девушке именно то, что ей хотелось услышать. Однако Фредди не спешил к нему на выручку.

— Либо вы ненормальная личность, либо совершенно замечательная, — медленно промолвила девушка.

— Замечательные люди только в романах встречаются, — сказал он. — Включите телевизор.

Она взяла пульт. Он не стал возражать, когда она снова включила шоу.

— Что пьете?

Было без четверти девять. Он был уже под хмельком, но не настолько пьян, как обычно, когда оста-

вался один. Он приготовил в кухне воздушную кукурузу. Ему нравилось наблюдать, как с треском лопаются зернышки под куполом из закаленного стекла; словно снежинки, вздымающиеся в воздух вместо того, чтобы падать с неба.

— «Южный комфорт» и севен-ап.

— *Что?* — переспросила она, не веря своим ушам.

Он смущенно закашлялся.

— Можно попробовать? — Девушка с лукавой улыбкой протянула ему свой пустой стакан. Впервые за все время их знакомства она не выглядела отчужденной. — Кстати, коктейль вы мне хреновый смешали.

— Знаю, — сокрушенно признался он. — «Южный комфорт» и севен-ап я пью, когда совсем один остаюсь. При знакомых наливаю себе виски. Хотя на дух его не выношу.

Закончив с воздушной кукурузой, он пересыпал горячие кругляши попкорна в пластмассовую миску.

— Можно попробовать?

— Конечно.

Он смешал ей «Южный комфорт» и севен-ап, затем залил попкорн растопленным маслом.

— Ох и напичкаете же вы себя холестерином, — заметила она, останавливаясь в дверном проеме между кухней и столовой. Затем пригубила свой напиток. Брови ее поползли вверх. — Ого, недурно. Мне даже *нравится!*

— Еще бы. Только никому не рассказывайте и всегда будете на высоте.

Он посолил воздушную кукурузу.

— Холестерин вам все сердце закупорит, — сказала она. — Просветы кровеносных сосудов будут постепенно становиться все *уже и уже*, пока наконец не настанет день, когда... *а-а-а!* — Она схватилась за

сердце и, покачнувшись, выплеснула часть своего напитка прямо на свитер.

— Ничего, рассосется, — ухмыльнулся он, проходя в столовую. По пути он случайно задел рукой ее грудь, целомудренно затянутую лифчиком. Да, Мэри такая грудь и не снилась. Много лет назад разве что.

Его гостя слопала львиную долю попкорна.

Во время одиннадцатичасового выпуска новостей, почти целиком посвященного энергетическому кризису и Уотергейтскому скандалу, она начала позевывать.

— Идите наверх, — сказал он. — Ложитесь спать. Девушка подозрительно уставилась на него.

Он вздохнул и произнес:

— Если вы не будете принимать испуганный вид всякий раз, как звучат слова «постель» или «спать», мы с вами вполне поладим. Главная цель лежащего в Великую американскую постель — спать, а не трахаться.

Эта шутка вызвала у нее улыбку.

— И вы даже не зайдете подоткнуть мне одеяло?

— Вы уже большая девочка.

Она спокойно посмотрела на него:

— Если хотите, можете лечь со мной. Я еще час назад так решила.

— Нет... Хотя вы даже не представляете, насколько соблазнительно для меня ваше предложение. За всю свою жизнь я переспал всего с тремя женщинами, причем с первыми двумя так давно, что уже почти их не помню. Это было до того, как я женился.

— Вы не шутите?

— Ничуть.

— Послушайте, я ведь вам от чистого сердца предлагаю, а вовсе не в знак благодарности за то, что вы

меня подвезли или ночлег предоставили. И уж тем более не из-за денег.

— Спасибо, — улыбнулся он и встал с дивана. — Поднимайтесь в спальню.

Однако она осталась сидеть.

— Слушайте, ну а вы сами хоть понимаете, почему отказываетесь?

— А это нужно понимать?

— Да. Если вы не в состоянии объяснить собственные поступки, это еще не так страшно — ведь поступки эти вы уже совершили. Но ведь должны быть какие-то веские причины, чтобы не совершать поступок.

— Ну ладно, — сказал он. И кивнул в сторону столовой, где на буфете лежали деньги. — Все дело в деньгах. Вы слишком юны, чтобы заниматься проституцией.

— Я не возьму ваши деньги, — быстро ответила она.

— Знаю. Именно поэтому я и не пойду с вами. Я хочу, чтобы вы их взяли.

— Потому что в мире больше нет людей, достойных вас?

— Вот именно, — вызывающе произнес он.

Она раздраженно покачала головой и встала.

— Ладно, черт с вами. Однако вы славный малый. Вы это знаете?

— Да.

Она шагнула к нему и поцеловала в губы. Поцелуй всколыхнул в нем давно забытые чувства. Пахло от нее удивительно приятно. Он мгновенно возбуждился.

— Ступайте, — упрямо повторил он.

— Если передумаете, то приходите ночью...

— Нет. — Он проводил девушку взглядом, глядя, как ее босые ноги поднимаются по ступенькам. — Эй, постойте!

Она обернулась, выжидательно приподняв брови.

— Как вас зовут?

— Оливия, если вас это интересует. Дурацкое имечко, верно? Как Оливия де Хэвиленд.

— А мне нравится. Очень даже милое имя. Спокойной ночи, Оливия.

— Спокойной ночи.

Она поднялась в спальню. Он услышал, как шелкнул выключатель; прежде он тоже всегда слышал этот щелчок, когда Мэри шла спать первой. Прислушавшись, он, наверное, смог бы различить даже сводящее с ума шуршание стаскиваемого свитера или клацанье застёжки джинсов...

Однако он предпочел взять пульт дистанционного управления и включил телевизор.

Член его находился в состоянии полного возбуждения, что причиняло ему крайнее неудобство. Ширинку брюк так и распирало. Мэри называла его каменным обелиском, а в молодости, когда их супружеская постель служила только ареной для секса, — окаменевшим змеем-искусителем. Он одернул ширинку, но эрекция упорно не желала исчезать. Тогда он встал и прошелся по комнате. Некоторое время спустя возбуждение прошло, и тогда он уселся снова.

По окончании выпуска новостей начался фильм «Мозг с планеты Ароус» с Джоном Эйджером в главной роли. Он так и заснул перед телевизором, сжимая в ладони пульт дистанционного управления. Несколько минут спустя бутор под ширинкой возник снова — эрекция крадучись вернулась, словно убийца на место давнего преступления.

7 декабря 1973 года

И все-таки он не удержался и посетил ее в ту ночь. Ему снова приснился сон про собаку мистера Пиацци, но на этот раз он точно знал, что мальчик, который приблизился к озверевшему псу, — его собственный сын Чарли. Вот почему, когда собака прыгнула на ребенка, он слепо забился во сне, словно заживо похороненный, тщетно пытающийся выбраться из могилы.

Он беспомощно барахтался, рассекая руками воздух — уже не во сне, но еще не проснувшись, — пока не свалился на пол, пребольно ударившись плечом. Придя в себя, он порадовался, что находится в своей гостиной, а ужасный сон ему лишь привиделся. Реальность была скверной, да, но по крайней мере не настолько ужасающей.

Что же он наделал? Трагическое осознание содеянного, всего того, что он натворил со своей жизнью, ужаснуло его. Он сам разорвал жизнь посередине, словно кусок дешевой ткани. Ничто больше не служило ему утешением. Ноющая боль выгрызала нутро. К горлу поднялась изжога; отрыгнув горечь, слабо отдававшую «Южным комфортом», он снова проглотил слизистый комок. Внезапно на него напала мелкая дрожь, и, чтобы унять ее, он сел, обхватив колени руками. Ну и ночка выдалась! И вообще, что он тут делает, сидя в гостиной, стиснув колени и дрожа, как пьяный забулдыга в подворотне? Или, скорее, как какой-нибудь психопат. Может, в этом дело? Неужто он и вправду спятил? Может, он псих? Не то что какой-нибудь чудака или безобидный шизик, а самый настоящий умалишенный. При этой мысли его прошиб холодный пот. Неужто он и в самом деле ездил к этому бандиту за взрывчаткой? Неужто он и правда прячет

в гараже два ружья, причем из одного из них можно запросто уложить слона? Жалобно заскулив, он привстал, скрипя всеми суставами.

Осторожно ступая и выкинув из головы все мысли, он поднялся в спальню.

— Оливия? — шепотом позвал он. Чинно и торжественно, словно в старом фильме с участием Рудольфа Валентино. — Вы не спите?

— Нет, — ответила она. В ее голосе не было и тени сонливости. — Чертовы часы не давали мне спать. Тикали прямо над ухом. Я их отключила.

— Ну и правильно, — сказал он. А что он еще мог сказать? — Мне приснился страшный сон.

Зашуршали откидываемые простыни.

— Залезайте. Прижмитесь ко мне.

— Но...

— Может, хватит болтать, а?

Он послушно улегся рядом. Девушка была абсолютно голая. Они предались любви. Потом уснули.

Утром температура понизилась до десяти градусов. Оливия спросила, получает ли он газеты.

— Когда-то получал, — ответил он. — Кенни Апслингер разносил их по домам. Его семья перебралась в Айову.

Она покачала головой:

— Ну надо же — в Айову. — И включила радио. Передавали прогноз погоды. День ожидался ясный и холодный.

— Яичницу будете?

— Да. Из двух яиц, если можно.

— Можно. Послушайте, я хочу извиниться за вчерашнее поведение...

— Не стоит. Я, между прочим, кончила. Со мной это крайне редко случается. Мне понравилось.

Его невольно охватила мимолетная гордость; возможно, Оливия того и добивалась. Он поджарил яичницу. Из четырех яиц — по два на каждого. Приготовил тосты и кофе. Она выпила три чашки с сахаром и сливками.

— Ну так что же вы собираетесь делать? — спросила она, когда они оба покончили с кофе.

— Отвезти вас на автостраду, — тут же ответил он. Она досадливо отмахнулась:

— Я не об этом. Как вы дальше *жить* собираетесь? Он ухмыльнулся:

— Как-то это у вас серьезно прозвучало.

— Это для вас серьезно, — промолвила она.

— Я еще это не обдумывал, — сказал он. — Видите ли, раньше... — он подчеркнул слово *раньше*, — прежде чем заварилась вся эта каша, я чувствовал себя как приговоренный к смертной казни. Ничто больше не казалось реальным. Словно я жил в каком-то бесконечном кристальном сне. Но вот этой ночью... Словом, то, что случилось, было абсолютно реальным и осязаемым.

— Я очень рада, — сказала Оливия. При этом она и выглядела обрадованной. — Но что вы дальше делать будете?

— Честное слово, не знаю.

— Как все это грустно, — вздохнула она.

— Честно? — спросил он.

Они снова сидели в машине, направляясь по шоссе номер 7 к Лэнди. На городской окраине были сплошные пробки. Люди спешили на службу. На месте продолжения автострады работа уже кипела всюю. Дорожные рабочие в желтых защитных шлемах и зеленых резиновых сапогах трудились не переставая, выдыхая облачка пара на морозном воздухе.

Один из могучих оранжевых грузовиков разогревался; его мотор пытел и фыркал, а иногда покашливал, как миномет, пока наконец не огласил воздух мерным ревом.

— С нашей верхотуры они кажутся детьми, которые копошатся в песочнице, — заметила Оливия.

За городом поток автомобилей стал реже. Деньги — двести долларов — Оливия все-таки взяла; без смущения или неохоты, но и без особого желания. Она осторожно подпоролла подкладку куртки, засунула за нее купюры, затем аккуратно зашила подкладку синими нитками, которые нашла в шкатулке со швейными принадлежностями, оставленной Мэри. Она не захотела, чтобы он отвез ее на автовокзал, сказав, что деньги продержатся у нее дольше, если она по-прежнему будет голосовать на дорогах.

— И куда же вы так стремитесь? — спросил он.

— Что? — встрепелась она, словно выходя из собственных мыслей.

Он улыбнулся:

— Почему именно вы? Почему Лас-Вегас? Вы живете на грани допустимого, как и я. Расскажите о себе хоть немного.

Она пожала плечами:

— Пожалуйста. Мне, правда, рассказывать особенно нечего. Я училась в колледже Нью-Хэмпширского университета, в Дареме. Это под Портсмутом. Год всего проучилась. Жила на одну стипендию. Правда, парень у меня был. С наркотой вот только мы с ним переборщили.

— Вы имеете в виду героин?

Она звонко расхохоталась.

— О нет! Я даже не знаю, употреблял ли героин хоть кто-нибудь из наших знакомых. Нет, мы по-простому ширяли. Галлюциногены главным образом.

ЛСД. Мескалин. И прочую «дурь». За последние три месяца я раз шестнадцать «улетала». А то и восемнадцать.

— На что это похоже? — спросил он.

— Что вы имеете в виду? — недоуменно переспросила она.

— Именно то, что я сказал. На что это похоже — «улетать»? Или ширяться, если я правильно выражаюсь.

— Никаких особых последствий я у себя не заметила. И никаких таких страхов тоже не испытывала. Правда, один раз мне вдруг пригрезилось, что у меня лейкоз. Вот это было жутковато. Хотя в основном мерещилась всякая ерундистика. Бога я никогда не видела. И ни разу не испытывала желания покончить с собой. Или убить кого-нибудь.

Чуть подумав, она продолжила:

— Все в свое время хоть недолго, но сидели на химии. Нормальные ребята — Арт Линклеттер, например, — считают, что химия смертоносна. А вот придурки уверяют, что химия перед тобой все двери открывает. Можно даже внутри себя пещеру раскопать и найти собственную душу, как сокровище из романа Райдера Хаггарда. Вы его читали?

— В детстве читал роман «Она». Это ведь он написал?

— Да. А вам никогда не казалось, что ваша душа подобна изумруду на лбу идола?

— Никогда об этом не задумывался.

— А вот мне так не кажется, — промолвила она. — Я расскажу вам о самых замечательных и самых страшных случаях из собственного опыта общения с наркотой. Самый кайф вышел однажды, когда я сидела дома и пилилась на обои. Они были испещрены крохотными круглыми точками, которые постепенно, прямо у меня на глазах, превратились в снежинки.

Я сидела в гостиной и смотрела, как передо мной разыгрывается настоящая метель. И вдруг я заметила, как прямо из снега появляется маленькая девочка. На голове у нее был повязан платочек из какого-то грубого материала вроде джута, и она держала его вот так. — Оливия сжала кулачок под подбородком. — Я решила, что она идет домой, как вдруг — бах! — и передо мной открылась целая улица, заваленная снегом. Девочка перебралась через сугробы и вошла в ближайший дом. Это было просто потрясно. Сидеть дома и смотреть телевизор. Вернее — «обоевизор». Хотя Джефф называет это глюками.

— Джефф — это ваш парень?

— Да. А самое страшное случилось со мной, когда я попыталась прокатать сток в унитазе. Сама не знаю даже, что на меня нашло тогда. Порой, когда ты под кайфом, тебе в голову лезет всякая чушь, хотя кажется, что все нормально. Так вот, мне вдруг втемяшилось в башку, что я обязана прокатать унитаз. Я взяла вантуз, начала качать, и оттуда поперло всякое дерьмо. До сих пор не пойму, какое дерьмо было настоящее, а какое — нет. Кофейная гуша. Обрывок рубашки. Здоровенные комья какой-то мерзкой черной слизи. Какая-то красная дрянь, похожая на кровь. И наконец — рука. Мужское запястье с пальцами.

— Что?

— *Запястье*. Я позвала Джеффа и сказала: «Слушай, кто-то тут мужика в сортир спустил». Но Джефф уже куда-то слинял, и я была дома одна. Я качала как одержимая и — выкачала предплечье. Запястье лежало в раковине, заляпанное кофейной гушей, а тут еще и предплечье поперло! Представляете? Я сбегала в гостиную, убедилась, что Джеффа по-прежнему нет, а потом, когда вернулась в ванную, руки с предплечь-

ем и след простыл! Меня это тогда здорово ошарашило. До сих пор еще снится.

— Жуть какая, — процедил он сквозь зубы, плавно притормаживая перед мостом, проходящим под новой автострадой.

— Да, от химии у кого угодно крыша поедет, — торжественно кивнула Оливия. — Иногда это даже к лучшему. Но чаще — нет. Как бы то ни было, мы уже здорово увязли. На игле сидели. Вы видели когда-нибудь плакаты с изображением атомной структуры — протоны там всякие, нейтроны, электроны?

— Да.

— Вот, нам как раз казалось, что наша квартира — это ядро, а люди, которые входят и выходят, — это протоны и электроны. Входят, выходят, всплывают, выплывают — как у Дос Пассоса.

— Я не читал его.

— А зря. Джефф просто упивается им. Клевый писатель. У нас часто случалось так, что мы торчали в гостиной, пялясь в телевизор с выключенным звуком, рядом надрывался проигрыватель, вокруг была еще куча народа под кайфом, в спальне кто-то трахался, а мы не имели ни малейшего понятия, кто все эти люди. Понимаете?

Вспомнив, что и сам не раз, упившись вусмерть, бродил по подобным вечеринкам, обалделый, как Алиса в Зазеркалье, он кивнул.

— Однажды мы вот так сидели и смотрели шоу Боба Хоупа. Все были под кайфом и хохотали как ненормальные. Сидя перед ящиком чин чином, как мамы и папы. И вдруг меня осенило: вот, значит, для чего понадобилось воевать во Вьетнаме. Чтобы Боб Хоуп смог ликвидировать пропасть между поколениями. Вопрос лишь в том, чтобы все могли «дурь» достать.

— Но вы были слишком невинны для всего этого.

— Невинны? Нет, не в этом дело. Просто последние пятнадцать лет стали казаться мне какой-то гротескной игрой в «Монополию». Пауэрс на его У-2 сбили. Щелчок по носу. Негров в Сельме разогнали брандспойтами. Кучу народа в тюрьгу посадили. В Миссисипи обстреляли участников марша протеста. А убийство Кеннеди? Вьетнам? Мартин Лютер Кинг? Студенческие забастовки, движение суфражисток и все прочее? А все ради того, чтобы кучка наколовшихся и накурившихся обалдуйев могла сидеть перед ящиком и смотреть Боба Хоупа? Да пошли они все в задницу! Словом, я решила завязать.

— А как же Джефф?

Она пожала плечами:

— Он продолжает учиться. И неплохо. Через год заканчивает. Но только я сначала посмотрю на него, а уж потом решу, продолжать нам или нет.

— Скучаете без него?

— По ночам.

— А почему вы едете именно в Вегас? Вы там кого-нибудь знаете?

— Нет.

— Странное место для такой идеалистки, как вы.

— Вот как — по-вашему, я идеалистка? — Она засмеялась и закурила. — Возможно, так и есть. — Чуть помолчав, добавила: — Нет, дело тут не в идеалах — просто я давно хочу посмотреть этот город. Он настолько не похож на все остальные, что мне там может понравиться. Я ведь не играть еду. Попробую на работу устроиться.

— А что потом?

Оливия выпустила из ноздрей дым и пожала плечами. Тем временем они миновали придорожный щит:

ЛЭНДИ — 5 МИЛЬ

— Попробую начать новую жизнь, — произнесла она вдруг. — С наркотиками я завязала, а скоро и с этим покончу. — Она кивком указала на сигарету. — Перестану притворяться, будто моя жизнь еще не началась. Ведь процентов двадцать я уже прожила. Самые сливки слизнула.

— Вон, смотрите. Поворот на автостраду.

Он подкатил к обочине и остановился.

— Ну а вы? Что с вами будет?

Тщательно выбирая слова, он ответил:

— Посмотрим, как что повернется. Я еще не выбрал.

— Поосторожнее, — сказала она. — Не обижайтесь, но вы не в лучшей форме.

— Я не обижаюсь.

— Вот, возьмите. — Она протянула ему зажатый между пальцами пакетик из алюминиевой фольги.

Он взял пакетик и повертел его в руке, разглядывая. Яркий утренний свет отражался от фольги, ослепляя глаза сверкающими брызгами.

— Что это?

— Синтетический мескалин. Чистейший. Лучшее из всего, что на свете есть. — Чуть поколебавшись, она добавила: — Если хотите, можете его в унитаз спустить. От него вам может и хуже стать. Или наоборот. Бывали и такие случаи.

— Вы сами о них знаете?

Она горько улыбнулась:

— Нет.

— Сделаете мне одно одолжение? Если сможете.

— Если смогу.

— Позвоните мне на Рождество.

— Зачем?

— Вы для меня вроде книги, которую я не дочитал. Я хочу знать, что будет дальше. Позвоните за мой счет. Сейчас я вам запишу номер моего телефона.

Он порылся в кармане, вытащил авторучку, но девушка твердо сказала:

— Нет.

Он озадаченно приподнял голову и спросил с обидой:

— Но почему?

— Телефон, если понадобится, я и в справочнике разыщу. Но возможно, будет лучше, если я этого не сделаю.

— Почему?

— Не знаю. Вы мне нравитесь, но... на вас как будто порчу навели. Я не могу этого объяснить. Мне кажется, что вы вот-вот какой-то безумный фортель отколете.

— Вы думаете, что я чокнутый, — услышал он свой голос словно со стороны. — Ну и катитесь к дьяволу.

Она вылезла из машины. Он перегнулся через сиденье.

— Оливия...

— Может, меня вовсе не так зовут.

— Может. Позвоните, пожалуйста.

— Вы только полегче с этой хренотой, — предупредила она, указывая на блестящий пакетик. — Вы ведь и без того в облаках витаете.

— До свидания. Берегите себя.

— Беречь себя? Это что-то новенькое. — Снова горькая улыбка. — До свидания, мистер Доус. Спасибо. Кстати, в постели с вами здорово было. Это без дураков. До свидания.

Она захлопнула дверцу, пересекла шоссе номер 7 и остановилась на обочине автострады. Подняла большой палец. Ни одна из машин не остановилась. Убе-

дившись, что дорога свободна, он развернулся и, помигав на прощание фарами, дал газу. Увидел в зеркальце заднего вида, как она помахала вслед.

Вот дуреха, подумал он, качая головой. Надо же быть такой самонадеянной.

И все же, включая радиоприемник, он увидел, что рука его дрожит.

Вернувшись в город, он выехал на автомагистраль и понесся по ней со скоростью семьдесят миль в час. Проехал миль двести. Однажды чуть не выкинул пакетик из фольги в окошко. В следующую минуту с трудом удержался, чтобы не проглотить таблетку прямо сейчас. Кончилось тем, что он упрятал пакетик во внутренний карман.

Добравшись до дома, он почувствовал себя абсолютно вымотанным, вконец опустошенным. Проклятая автомагистраль за день заметно продвинулась; еще две недели — и прачечную придется сносить. Тяжелая техника уже подтягивалась. Три дня назад Том Грейнджер поведал ему об этом странным голосом, позвонив почти ночью. Что ж, он проведет там целый день, наблюдая, как будут рушить здание, где он столько проработал. Возможно, даже прихватит с собой пакет с обедом.

Брат Мэри, который жил в Джексонвилле, прислал ей письмо. Ему еще не было известно об их размолвке. Он рассеянно отложил конверт в кипу почты для Мэри, которую уже давно забывал переслать по ее новому адресу.

Он привычно поставил разогревать в духовку замороженный ужин и подумал, не выпить ли. Решил, что не стоит. Он хотел вспомнить сексуальный эпизод с Оливией, посмаковать его, перебрать в памяти

все сладостные-нюансы. Выпьешь — и красочные картинки расплывутся, приобретут аляповатые, размытые очертания кадров из какого-нибудь порнофильма низкого пошиба. Нет, так он вспоминать не хотел.

Однако как ни старался, видения не оживали. Он не помнил ни упругой тяжести ее груди, ни дурманящего аромата сосков. Сам половой акт, возникавшие при этом ощущения были приятнее, чем с Мэри. Внутри Оливия была потуже Мэри; однажды его член выскользнул из ее влагалища с таким хлопком, словно пробка из бутылки шампанского. Однако приятное чувство не возвращалось. Его вдруг остро потянуло поонанировать. Желание было столь сильным, что ему даже стало противно. И стыдно. А потом стало стыдно за то, что было стыдно. Он уселся ужинать. Да, Оливия, конечно, не ангел. Обычная потаскушка. Надо же — в Лас-Вегас ей надо! Вдруг он пожалел, что не смог посмотреть на себя со стороны опытным глазом Мальоре. Эта мысль доставила ему наибольшее отвращение.

Уже позже он все-таки напился, а около десяти его обуяло уже привычное желание позвонить Мэри. Вместо этого он, сидя прямо перед телевизором, занялся онанизмом и испытал бурный оргазм в тот самый миг, когда голос за кадром рекламного ролика уверял, что анацин — лучшее болеутоляющее средство в мире.

8 декабря 1973 года

В субботу он не стал гонять по автострате. Бесцельно слоняясь по дому, он, как мог, откладывал то, что должен был сделать. Наконец все-таки позвонил

Мэри. Лестер и Джин Каллоуэй, ее родители, уже приближались к семидесятилетнему порогу. Обычно, когда он звонил, Джин (Чарли всегда называл ее «мачка Джин») снимала трубку сама, но, как только узнавала, кто звонит, голос ее превращался в ледяную глыбу. Для них с Лестером он, несомненно, был сродни бешеному зверю, который, вконец обезумев, покусал их дочь. И вот теперь зверь, наверняка пьяный в стельку, звонит и слезно молит их дочурку вернуться, чтобы искушать ее вновь.

Однако к своему нескрываемому облегчению, он услышал голос Мэри:

— Алло?

— Мэри, это я.

— О, привет, Барт. Как твои дела? — Голос бесстрастный и ровный.

— Ничего.

— Как там запасы «Южного комфорта»? Не истощились?

— Мэри, я больше не пью.

— Ну надо же! — Тон ее показался ему язвительным, и он вдруг испугался: насколько плохо он все-таки знал Мэри. Как могла женщина, с которой он прожил столько лет (и которую, как ему казалось, знал словно свои пять пальцев), бросить его с такой легкостью?

— Да вот, представь себе, — пробормотал он.

— Насколько мне известно, прачечная уже закрылась, — сказала она.

— Возможно, временно. — Ему вдруг показалось, что он едет в лифте и беседует с каким-то незнакомцем, которому кажется страшной занудой.

— Жена Тома Грейнджера так не считает.

Ага, наконец нападки. Все-таки лучше, чем ничего.

— Тому ничто не грозит. Его ведь уже давно на куски разрывают. Руководство «Брайт-клин» его теперь наверняка переманит.

Ему показалось, что Мэри вздохнула.

— Зачем ты звонишь, Барт?

— Мне бы хотелось, чтобы мы с тобой помирились, — осторожно ответил он. — Мы должны поговорить, Мэри.

— Ты имеешь в виду развод? — Вопрос прозвучал вполне спокойно, но ему вдруг показалось, что он уловил в ее голосе панические нотки.

— А ты хочешь, чтобы мы развелись?

— Я сама не знаю, *чего* хочу. — Голос ее дрогнул и казался теперь разгневанным и испуганным одновременно. — Я ведь почему-то, дурочка, всегда считала, что у нас с тобой все хорошо. Я была счастлива и думала, что ты тоже счастлив. И вдруг — как гром среди ясного неба...

— Ты считала, что у нас все хорошо, — эхом откликнулся он. Внезапно его захлестнула ярость. — Господи, ну как можно быть такой черствой! Неужели, по-твоему, я поставил крест на своей карьере просто так, шутки ради? Словно прыщавый старшеклассник, который бросает дымовую шашку в школьный туалет?

— Ну а тогда в чем дело, Барт? Что случилось?

Гнев его мигом растаял, словно прошлогодний сугроб. Под желтоватым снегом обнаружились слезы. Он утрюмо боролся с ними, преисполненный мрачной решимости и чувствуя себя преданным. И почему это происходит, когда он трезв как стеклышко? Ведь в трезвом виде легче держать себя в руках. Его же так и подмывало расплакаться у нее на плече и выболтать все как на духу; словно мальчишке с расквашенным носом у мамочки в объятиях. В любом слу-

чае он не сумел бы поведать ей, что случилось, поскольку в глубине души и сам этого не знал; а уж беспричинный плач и вовсе говорил о том, что дальше некуда. Только в психушку.

— Не знаю, — ответил он наконец.

— Чарли?

Беспомощно он произнес:

— Если дело в Чарли, то почему ты не замечала всего остального?

— Я ведь тоже тоскую по нему, Барт. До сих пор. Каждый час, каждую минуту.

Опять обида. Странно ты это выказывала.

— Нет, так ничего не выйдет, — сказал он наконец. Слезы катились по щекам, но он не замечал их и не позволял голосу дрожать. — Это не телефонный разговор. Давай пообедаем вместе в понедельник. Скажем, в «Хэнди-Энди».

— Хорошо. Во сколько?

— В любое время. Думаю, с работы меня отпустят. — Шутка прозвучала банально и в пустоту.

— В час устроит?

— Вполне. Я закажу столик.

— Хорошо. Только не вздумай прийти на пару часов раньше и напиться.

— Не напьюсь, — утрюмо буркнул он, зная наперед, что это не так.

Воцарилось молчание. Говорить больше было не о чем. Где-то в отдалении чьи-то голоса еле слышно обсуждали свои проблемы. И вдруг Мэри произнесла нечто, заставшее его врасплох:

— Барт, мне кажется, тебе следует показаться психиатру.

Ему показалось, что он ослышался.

— Кому?

— Психиатру. Я понимаю, как дико это звучит, но хочу, чтобы ты уяснил себе: если не покажешься психиатру, я ни за что к тебе не вернусь.

— До свидания, Мэри, — медленно произнес он. — В понедельник увидимся.

— Барт, я бессильна тебе помочь. Тебе необходим психиатр.

— Я и сам это знаю. До свидания, Мэри, — тщательно подбирая слова, ответил он и, прежде чем она успела что-либо сказать, положил трубку. И вдруг поймал себя на том, что почти рад. Он победил. Выиграл гейм, сет, а с ним и всю игру. Швырнул через всю комнату пластмассовый молочник и тут же порадовался, что не бросил нечто бьющееся. Открыл шкафчик над кухонной раковиной, взял два первых подвернувшихся под руку стакана и, от души размахнувшись, шмякнул их об пол. Послышался звон, во все стороны брызнули осколки.

— *Скотина ты чертова, сукин ты сын!* — заорал он на самого себя. — *Ну почему бы тебе не перестать дышать, пока ты не ПОСИНЕЕШЬ?*

Пытаясь заглушить внутренний голос, он изо всей силы треснул кулаком о стену и завопил от боли. Обхватил покалеченную правую кисть левой рукой и стоял посреди кухни, дрожа и покачиваясь. Наконец, совладав с собой, взял совок со щеткой и подмел осколки. Чувствовал он себя вконец разбитым и несчастным.

9 декабря 1973 года

Выехав на автостраду, он на бешеной скорости преодолел сто пятьдесят миль, а затем вернулся. Дальше ехать не осмелился. Это было первое воскре-

сенье, когда все бензоколонки вдоль трассы оказались закрыты. А добираться домой пешком ему не улыбалось. Вот видишь, сказал он себе. Вот как, Джорджи, они с такими яйцеголовыми упрямыми расправляются.

Эй, Фред, это правда ты? Чему я обязан подобной чести, Фредди?

Иди в задницу, приятель!

На обратном пути по радио передали обращение к американским гражданам:

«Вас, конечно, беспокоит нынешний энергетический кризис, и вы хотите застраховать себя и свою семью, чтобы зимой не остаться без бензина. Вы уже катите на ближайшую бензоколонку, прихватив с собой дюжину пустых канистр. Однако если вас по-настоящему заботит судьба вашей семьи, то советуем развернуться и ехать домой. Хранить бензин дома или в гараже крайне опасно. Не говоря уж о том, что и закон этого не разрешает. Подумайте сами: перемешиваясь с воздухом, пары бензина становятся взрывоопасны. Взрыв канистры бензина по разрушительной мощи соответствует полусотне динамитных шашек. Подумайте об этом, прежде чем заполнять бензином канистры. А потом подумайте о своей семье. Мы хотим, чтобы вы жили долго.

Мы передавали обращение к американским гражданам. Наша радиостанция присоединяется к этому призыву».

Он выключил радиоприемник, снизил скорость до пятидесяти миль в час и перестроился в правый ряд.

— Полсотни динамитных шашек, — пробормотал он. — Любопытно, черт побери.

Взгляни он в этот миг на себя в зеркало, то разглядел бы на своем лице широчайшую ухмылку.

10 декабря 1973 года

В «Хэнди-Энди» он пришел в половине двенадцатого, и метрдотель усадил его за столик возле стилизованных крыльев нетопыря — далеко не лучший столик, но перед ленчем выбор был невелик. Ресторанчик «Хэнди-Энди» специализировался на бифштексах и отбивных, а его фирменное блюдо называлось «эндибургер». Это была здоровенная булочка, усыпанная кунжутными семенами, с котлетой и салатом внутри; удерживалась сложная конструкция с помощью хитроумно воткнутой в нее зубочистки. Подобно всем городским ресторанам, расположенным неподалеку от деловых кварталов, тут трудно было точно угадать время наплыва публики. Еще два месяца назад он мог прийти сюда в полдень и выбрать едва ли не любой столик по вкусу — возможно, и позже, месяца через три, здесь будет то же самое. Чем объяснялись подобные перепады, было для него глубокой тайной вроде удивительных историй в книгах Чарльза Форта или непостижимого инстинкта, благодаря которому ласточки всегда возвращались в Капистрано.

Усаживаясь, он украдкой огляделся по сторонам — мало ли, а вдруг рядышком сидит Винни Мейсон, Стив Орднер или еще кто из бывших коллег по прачечной. Однако кругом сидели одни незнакомцы. Слева от него какой-то молодой человек убеждал свою девушку, что в феврале они вполне могут позволить себе провести три денечка в Солнечной Долине. Остальные переговаривались шепотом или вполголоса; разобрать даже отдельные слова не удавалось.

— Не желаете ли выпить, сэр? — обратился к нему официант.

— Виски со льдом, пожалуйста.

— Хорошо, сэр, — кивнул официант.

Он постарался растянуть первый стакан до полудня, но в течение следующего получаса опустошил еще два, а затем, уже из чистого упрямства, заказал двойную порцию. Он уже допивал и ее, когда увидел Мэри. Она вошла в фойе и остановилась в дверях, высматривая его. Многие головы повернулись к ней, и он подумал: *Мэри, ты должна быть мне благодарна — ты прекрасна.* Подняв правую руку, он помахал ей.

Мэри помахала ему в ответ и приблизилась к его столику. На ней было серое шерстяное платье с изящным узором, немного не достающее до колен. Волосы, перехваченные на затылке (он никогда не видел, чтобы она так причесывалась), ниспадали на плечи. Выглядела Мэри моложе обычного, и он вдруг виновато вспомнил нагую Оливию, сладострастно барахтавшуюся под ним на их с Мэри супружеском ложе.

— Привет, Барт, — сказала она.

— Здравствуй, Мэри. Ты выглядишь просто изумительно.

— Спасибо.

— Выпить хочешь?

— Нет... закажи мне только эндибургер. Ты уже давно пришел сюда?

— Нет, недавно.

Число посетителей поубавилось, и официант подоспел почти сразу.

— Что желаете заказать, сэр?

— Два эндибургера. Даме — молоко. Мне — еще одно двойное виски.

Он кинул быстрый взгляд на Мэри, но ее лицо оставалось безучастным. Жаль. Вымолви она хоть слово, он бы отказался от спиртного. Он надеялся, что ему не захочется выйти в туалет, так как не был уве-

рен, что способен пройти не шатаясь. Он вдруг беспричинно хихикнул.

— Я вижу, ты еще не совсем пьян, но за ворот заложить уже успел, — сухо заметила Мэри, разворачивая на коленях салфетку.

— Здорово сказано, — огрызнулся он, качая головой. — Ты долго репетировала?

— Барт, давай не будем ссориться.

— Давай, — согласился он.

Она пригубила воду из стакана; он бесцельно ковырял подставку для стакана.

— Ну так что? — спросила наконец Мэри.

— Что «что»?

— Ты ведь хотел о чем-то поговорить, не так ли? Или уже передумал?

— Ты уже поправилась, — тупо сказал он и вдруг, сам не зная каким образом, разорвал подставку для стакана. Он не мог, не смел высказать ей то, что думал: что она изменилась, стала какой-то умудренной и даже опасной, словно забредшая в бар секретарша, готовая принять угощение лишь от мужчины, облаченного в костюм за четыреста долларов.

— Барт, что нам делать?

— Если хочешь, я готов сходить к психиатру, — промолвил он, понизив голос.

— Когда?

— Скоро.

— Может, прямо на сегодня запишешься?

— Я не знаю ни одного психиатра.

— Посмотри в телефонной книге.

— Нужно и правда быть чокнутым, чтобы выбрать психиатра по справочнику.

Мэри укоризненно посмотрела на него, и он поспешно отвел глаза в сторону.

— Рассердился? — спросила она.

— Просто, видишь ли, я ведь сейчас не работаю. Представляешь, что такое для безработного — платить пятьдесят долларов в час?

— А на что живу я, по-твоему? — резко спросила она. — Я ведь вообще на иждивении у родителей. А они, если помнишь, пенсионеры.

— Насколько я знаю, — язвительно произнес он, — у твоего папаши достаточно акций, чтобы вы все могли безбедно просуществовать и в следующем столетии.

— Но, Барт, ведь это совсем не так! — Она казалась обиженной и испуганной.

— Чушь собачья! Зимой они на Ямайке отдыхали, а за год до этого — в Майами, причем в самом «Фонтенбло». А еще раньше — на Гавайях. На пенсию так не катаются. Так что, Мэри, не пытайся меня разжалобить...

— Прекрати, Барт. Не перегибай палку.

— Я уж не говорю о его новехоньком «кадиллаке» и фургоне. Недурные машинки, да? На какой из них они ездят получать продуктовые карточки?

— *Замолчи!* — прошипела Мэри, вцепившись в край стола. Глаза ее горели, зубы оскалились.

— Извини, — пробормотал он, сникая.

— Вот ваш заказ!

Официант расставил перед ними эндибургеры, картофель фри, блюдечки с зеленым горошком и крохотными луковками, затем отбыл восвояси. Некоторое время они молча ели, сосредоточившись на том, чтобы не измазать соусом подбородок и колени. Интересно, сколько семей удалось сохранить благодаря эндибургерам, подумал он. А ведь дело-то совсем нехитрое — жуй себе да молчи в тряпочку. Мэри отложила недоеденный эндибургер в сторону, промокнула салфеткой губы и сказала:

— Ничуть не хуже, чем в прежние дни. Послушай, Барт, ты хоть приблизительно представляешь, как быть дальше?

— Ну конечно, — уязвленно ответил он. Хотя, по правде говоря, даже понятия об этом не имел. Вот выпей он еще двойное виски, тогда другое дело.

— Ты хочешь, чтобы мы развелись?

— Нет, — твердо сказал он, понимая, что от него ждут четкого ответа.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась?

— А ты сама хочешь?

— Не знаю, — сказала она. — Говоря начистоту, Барт, я впервые за двадцать лет испугалась за себя. Да-да, я о себе *беспокоюсь*. — Она поднесла было ко рту эндибургер, но тут же снова отложила его. — Разве ты не знаешь, что я лишь по воле случая вышла за тебя замуж? Ты никогда об этом не задумывался?

Похоже, она осталась удовлетворена его неподдельным изумлением.

— Да, так я и думала. Я была беременна, поэтому, конечно же, хотела выйти за тебя. Однако что-то внутри меня усиленно этому противилось. Какой-то внутренний голос настойчиво нашептывал, что это будет самая страшная ошибка в моей жизни. Три дня я поджаривалась на медленном огне, а по утрам, когда меня тошнило, ненавидела тебя лютой ненавистью. Что мне только в голову не приходило! Убежать на край света. Сделать аборт. Родить ребенка и отдать его на усыновление. Родить ребенка и оставить себе. В конце концов я все-таки остановилась на самом разумном варианте. Как мне казалось. — Она горько рассмеялась. — И все равно потеряла ребенка.

— Да, это так. — Он сокрушенно покачал головой, отчаянно надеясь, что разговор перейдет на дру-

гую тему. Ему показалось, что его только что с головой окунули в нечистоты.

— И все же, Барт, я была с тобой счастлива.

— Правда? — машинально переспросил он. Ему вдруг отчаянно захотелось удрать. Зря он все-таки ее пригласил. Ничего у них не выйдет.

— Да. Однако беда в том, что семейная жизнь действует на мужа и жену по-разному. Помнишь, как в детстве ты никогда не беспокоился из-за своих родителей? Ты просто считал, что они всегда будут рядом с тобой; подобно еде, одежде и крыше над головой.

— Да, наверное. Так оно и было.

— А я вот ухитрилась забеременеть. В течение последующих трех дней передо мной открылся новый мир. — Она пригнулась вперед, глаза взволнованно сияли, и он вдруг ошарашенно осознал, что этот всплеск эмоций необыкновенно *важен* для нее. Что он куда важнее общения с подругами, походов по магазинам и восхищения шоу Мерва Гриффина. Неужели все годы замужества она вынашивала эти мысли? Двадцать лет? Господи, а ведь они и правда прожили вместе двадцать лет. Ему вдруг стало не по себе. Куда приятнее было вспомнить, как Мэри находила в кювете пустую бутылку и торжествующе, улыбаясь до ушей, махала ею над головой. — Я вдруг поняла, что я тоже личность, — сказала она. — Независимая личность, которая вовсе не обязана отчитываться или объясняться перед кем бы то ни было. С другой стороны, рядом со мной не было человека, на которого я могла бы целиком положиться, которому могла бы довериться в трудную минуту. Поэтому я поступила разумно. Как моя мать, а до нее — моя бабушка. Как мои подруги. Мне надоело ходить в невестах и искать спутника жизни. Вот почему я согласилась выйти за тебя. Я ни о чем не беспокоилась, даже после смерти

Чарли, потому что рядом оставался ты. А ты всегда был со мной добр. Я тебе очень за все это благодарна. Но вот жила я в замкнутом мирке. Словно в бутылке. Я совершенно перестала думать. Разучилась. Мне только казалось, что я думаю, но это было не так. А теперь мне больно думать. Да, *больно*. — Она подняла глаза и с минуту смотрела на него с легким укором; затем слабо улыбнулась. — Поэтому, Барт, я хочу, чтобы теперь ты сам немного подумал. Что нам делать?

— Я собираюсь устроиться на работу, — соврал он.

— Вот как?

— И я схожу к психиатру. Мэри, все наладится, вот увидишь. Я, конечно, был слегка не в себе, но теперь все встанет на свои места. Я...

— Так ты хочешь, чтобы я вернулась домой?

— Да, недельки через две. Я должен кое-что уладить...

— Домой? Господи, о чем я говорю? Ведь наш дом вот-вот снесут. Сровняют с землей. Боже, какой кошмар! — простонала она. — И зачем ты все это устроил?

Этого он вынести не мог. Мэри, его Мэри, прежде так себя не вела.

— Может, и не снесут, — промолвил он и взял ее за руку. — Может, они передумают. Я схожу, поговорю с ними, объясню ситуацию...

Мэри отдернула руку. В ее глазах застыл страх.

— *Барт*, — прошептала она.

— Что... — Он осекся в недоумении. Что он ей наговорил? Почему она смотрит на него, преисполненная ужасом?

— Ведь ты *знаешь*, что наш дом снесут. Ты давно это знал. А мы сидим здесь и разговариваем...

— Нет. — Он покачал головой. — Ничего подобного. Все совсем не так. Мы... мы... — Но чем же они

на самом деле занимались? Он вдруг почувствовал себя растерянным, сбитым с толку.

— Барт, я, пожалуй, пойду.

— Я устроюсь на работу...

— Мы потом поговорим. — Она быстро встала, стукнувшись бедром о ребро стола, от чего звякнула посуда.

— Психиатр, Мэри. Клянусь тебе, что я...

— Мама просила меня зайти в магазин...

— *Ну так иди!* — заорал он; головы, как по команде, повернулись в их сторону. — Пошла вон, дрянь ты этакая! Высосала из меня все соки, а мне что оставила? Дом, который вот-вот снесут. Убирайся с *глаз моих долой!*

Мэри поспешила прочь. В зале наступила могильная тишина, стоявшая, казалось, целую вечность. Затем мерный гул голосов возобновился. Он посмотрел на свой недожеванный эндибургер, весь дрожа, боясь, что его вот-вот стошнит. Затем, овладев собой, расплатился и вышел не оглядываясь.

12 декабря 1973 года

Накануне вечером (пьяный в стельку) он составил список подарков к Рождеству, а теперь бродил по городу с его урезанной версией. Первоначальный вариант поражал воображение — в нем значились более ста двадцати имен, в том числе самые дальние родственники его и Мэри, друзья и знакомые, а в самом конце — Боже, спаси королеву — Стив Орднер, его жена и — самое невероятное — их *горничная*.

Он уже вычеркнул из списка большинство имен, изумленно похихикивая над некоторыми из них, а теперь неторопливо прохаживался мимо витрин, устав-

ленных рождественскими подарками; поразительно, но их до сих пор вручали от имени стародавнего голландского воришки, который проникал в дома по дымоходам и выкрадывал у людей последние ценности.

Он шел, нащупывая облаченной в перчатку рукой пачку купюр в кармане — пятьдесят десятидолларовых бумажек.

Да, сейчас он проживал свою страховку, первая тысяча долларов из которой растаяла с невероятной быстротой. Он подсчитал, что при таких тратах останется без гроша уже к марту, а то и раньше. Тем не менее мысли эти ничуть его не беспокоили. Где он окажется в марте и чем будет заниматься, было столь же для него непонятно, как дифференциальное исчисление.

Он зашел в ювелирный магазин и купил для Мэри серебряную брошь, сделанную в виде совы. Вместо глаз у совы блестели бриллианты. Брошь обошлась ему в сто пятьдесят долларов, не считая налога. Продащица рассыпалась в комплиментах. Она была уверена, что его жена придет в восторг от такого подарка. Он улыбнулся. Целых три встречи с психиатром куту под хвост, Фредди. Что ты на этот счет думаешь?

Фредди промолчал.

Он зашел в крупный универсальный магазин и поднялся по эскалатору в отдел игрушек, украшением которого служила огромная электрическая железная дорога — в зеленых пластмассовых холмах зияли туннели, над рельсами были укреплены светофоры, а по трехъярусным рельсам мимо станций и вокзальчиков громыхал паровозик «Лайонел», выпуская клубы искусственного дыма и увлекая за собой длинный состав вагончиков с надписями: «Би энд Оу», «Су-лайн», «Грейт норзерн», «Грейт вестерн», «Уорнер бразерс» (почему «Уорнер бразерс?»), «Дайамонд интернэшнл», «Саузерн пасифик». Вокруг деревянного ограждения

столпились мальчуганы с родителями (главным образом — отцами), и он вдруг проникся к ним нежностью, настоящей, не тронутой завистью. В эту минуту он мог подойти к ним, признаться в любви, выразить свою благодарность и вообще — пожелать счастья. И еще он попросил бы их беречь себя.

Пройдя мимо стеллажей с куклами, он выбрал по одной для каждой из трех своих племянниц: Малышку Кэтти для Тины, Мейси-акробатку для Синди и Барби для Сильвии, которой уже исполнилось одиннадцать. В следующей секции он взял электронного морского пехотинца для Билла, а для Энди, по некотором размышлении, остановился на шахматах. Энди было уже двенадцать, он вступал в опасный возраст. Беа из Балтимора как-то призналась Мэри, что уже не раз обнаруживала на его простынях запекшиеся желтоватые пятна. Неужели такое возможно? Так рано? Мэри сказала Беа, что дети сейчас развиваются быстрее, чем раньше. По мнению Беа, все дело было в молоке и витаминах, однако она предпочла бы, чтобы Энди больше занимался спортом. Или ездил в летние лагеря. Верховом бы катался. Или хоть чем-нибудь вообще занимался.

Не обращая на них внимания, Энди, подумав, сжимая под мышкой шахматную доску. Разыгрывая королевский гамбит, а сам тем временем мастурбируя под столом, если хочешь, и плевать тебе на всех.

В центре зала игрушек был установлен гигантский трон Санта-Клауса. На троне никого не было, а надпись на небольшом щите гласила:

**САНТА-КЛАУС ОБЕДАЕТ В НАШЕМ
ЗНАМЕНИТОМ «МИДТАУН-ГРИЛЕ»**

*Почему бы и вам
не составить ему компанию?*

Перед троном стоял увешанный свертками молодой человек в джинсовом костюме. Поглазев на трон, молодой человек обернулся, и он узнал Винни Мейсона.

— Винни!

Винни улыбнулся и слегка покраснел, словно услышал нечто неприличное.

— Привет, Барт! — сказал он.

Неловкости по поводу обмена рукопожатиями им удалось избежать — высвободить правую руку из-под груды подарков было слишком сложно.

— К Рождеству запасаетесь? — спросил он Винни.

— Да. — Винни усмехнулся. — Я привел с собой Шарон и Бобби — мою дочку зовут Роберта. Ей уже три года. Мы хотели сфотографировать ее вместе с Санта-Клаусом. По субботам они здесь обычно делают цветные фото по доллару за штуку. Но Бобби вдруг раскапризничалась и отказалась. Рев на весь зал подняла. Шарон страшно расстроилась.

— Я понимаю Бобби — чужой дядька с окладистой бородой. Я бы и сам на ее месте испугался. Ничего, на следующий год уже, наверное, получится.

— Наверное. — Лицо Винни озарила мимолетная улыбка.

Он улыбнулся в ответ, думая, что теперь ему стало легче общаться с Винни. Он даже хотел попросить Винни не ненавидеть его слишком уж сильно. Хотел извиниться перед Винни за то, что исковеркал его жизнь. Но вместо всего этого неожиданно спросил:

— Чем вы теперь занимаетесь, Винни?

Винни расплылся:

— Вы даже не поверите, Барт, как мне повезло. Я служу управляющим в кинотеатре. А к лету у меня в ведении еще три киношки будут.

— «Медиа ассошиэйтс»? — спросил он. Так называлась одна из фирм, входящих в состав их корпорации.

— Да. Причем фильмы присылают — один лучше другого.

— Что ж, здорово. — Чуть поколебавшись, он прибавил: — Извините, Винни, но в чем заключается ваша роль, если фильмы для показа отбирают они сами?

— Как в чем? — удивился Винни. — Я всеми финансовыми вопросами заправляю. И остальными делами. Между прочим, при правильном обращении *один* кондитерский киоск может отработать стоимость проката фильма. Представляете? Да и вообще дел хватает. — Он горделиво приосанился. — Аренда, порядок, пожарная безопасность и прочее. Шарон на седьмом небе — она ведь у меня страстная киноманка. От Пола Ньюмена и Клинта Иствуда просто тает. А мне это дело по душе, потому что вместо девяти тысяч я теперь одиннадцать с половиной получаю.

Он смерил Винни угрюмым *взглядом, не зная*, стоит ли высказать то, что он думает по этому поводу. Вот, значит, как вознаградил его Орднер. То ли тридцать сребреников вручил, то ли кость кинул. Молодец, песик, вот тебе за службу!

— Уходите оттуда, Винни, — сказал он. — Как можно скорее. Пока не поздно.

— Что вы сказали, Барт? — вытаращился Винни.

— Знаете, Винни, кто такой «верблюд»?

— Ну да, животное такое голенастое, с длинной шеей. Корабль пустыни. Плюется еще.

— Нет, Винни, это не животное.

— Тогда не знаю, Барт. Разве что это еще на идиш что-то означает.

— Нет, Винни, это профессиональный жаргон. Верблюдами называют мальчиков на побегушках, которые горбятятся на хозяина. Эй, верблюд, сгоняй за кофе! Вытряхни пепельницу! Слетай за сэндвичами! Верблюд.

— Что вы имеете в виду, Барт? Я ведь...

— Я имею в виду, что Стив Орднер наверняка поднял ваш вопрос перед советом директоров. Послушайте, ребята, мы должны как-то вознаградить Винни Мейсона. Это ведь он заложил Барта Доуса; заблаговременно предупредил, что тот собирается обвести нас вокруг пальца. Сам-то он, конечно, справиться с Доусом не мог, но ведь с него и взятки гладки. Хотите знать почему, Винни?

Винни смотрел на него с нескрываемой обидой.

— Больше я вам задницу подтирать не собираюсь, Барт. И вы это знаете.

Он посмотрел на Винни с сочувствием.

— А я и не собираюсь на вас гадить, Винни. Мне, откровенно говоря, вообще на вас наплевать. Жаль только, ведь вы еще так молоды. Обидно смотреть, что вы в такое дерьмо вляпались. У простого мусорщика работа и то ответственнее, чем у вас. Да и перспективнее. Что от вас зависит? Следить, чтобы запас бумажных стаканчиков не истощался. Чтобы в сортирах бумаги хватало. И все. Причем Орднер проследит, чтобы все дальнейшие пути были для вас перекрыты. Пока вы работаете на их корпорацию по меньшей мере.

Если Винни и предвкушал встречу Рождества, то после слов Доуса радужного настроения у него как не бывало. Глаза его затуманились, а пальцы судорожно стиснули свертки. Как будто он только что вышел из дома, готовый мчать к девушке на свидание, и вдруг обнаружил, что все четыре колеса на его новеньком спортивном автомобиле проколоты и спущены. *А ведь он меня не слушает. Я бы мог проиграть ему магнитофонные записи, а он и тогда не поверил бы.*

— Как бы то ни было, вы честно выполнили свой служебный долг, — сказал он. — Не знаю, что сейчас обо мне говорят, но...

— О вас одно говорят, Барт, — перебил его Винни. Голос у него был обиженный и даже озлобленный. — Что вы вконец спятили...

— Что ж, возможно. Как бы то ни было, вы оказались правы. Но с другой стороны, вы дали маху. Опростоволосились. Лавры Иуды не давали вам спать. Предателям и холуям важных постов не доверяют даже в том случае, если корпорация пострадала бы из-за вашего молчания. Ведь эти парни с сорокового этажа, Винни, — они вроде врачей. Они не любят стукачей. Представляете, что случится, если санитары начнут на каждом углу трепать, что врач запорол операцию и зарезал пациента из-за того, что хватанул пару лишних коктейлей?

— Вы, я вижу, всерьез вознамерились испоганить всю мою жизнь, Барт, — процедил Винни. — Какое счастье, что я больше с вами не работаю. Ступайте гавкать на помойку!

В эту минуту вернулся Санта-Клаус с огромным мешком, перекинутым через плечо. Он оглушительно смеялся, а детишки, радостно хохоча, стайкой бежали следом, хватая его за широченные рукава.

— Вы просто слепец, Винни. Орднер — из тех людей, что мягко стелют, да вот спать жестковато. Согласен, в этом году вы получите одиннадцать с половиной тысяч, а на следующий год, возможно, и все четырнадцать. Зато двенадцать лет спустя вы не сможете себе позволить и лишнюю бутылку кока-колы купить. Эй, верблюд, поменяй обшивку на креслах, сгоняй за новым фильмом, проверь, почему автомат барахлит... Неужто, Винни, вы согласны и в сорок лет оставаться мальчиком на побегушках? С одной-единственной перспективой — получить на пятидесятилетие золотые часы в подарок от фирмы?

— Все-таки это лучше, чем то, что случилось с вами, — сказал Винни и, резко повернувшись, едва не наскочил на Санта-Клауса, который прошипел что-то подозрительно похожее на *Куда прешь, придурок?*

Он последовал за Винни. Вытянутое лицо Винни убедило его, что парня здорово проняло. Хорошо бы так и было, черт возьми.

— Оставьте меня в покое, Барт. Уйдите.

— Бросайте эту работу, Винни, — настойчиво повторил он. — Следующим летом уже может быть слишком поздно. Найти приличное место будет тогда сложнее, чем отомкнуть пояс невинности. Это ваш последний шанс...

Винни круто развернулся.

— Я вас в последний раз предупреждаю, Барт, — процедил он, сверкая глазами.

— Вы спускаете свое будущее в унитаз, Винни. Жизнь слишком коротка, чтобы так ее транжирить. И что вы скажете своей дочери, когда она...

Бац! Кулак Винни врезался ему прямо в глаз! Боль ослепила его, и он, нелепо взмахнув руками, опрокинулся навзничь. Детишки, сопровождавшие Санта-Клауса, кинулись врассыпную, а свертки с игрушками — куклы, солдат, шахматы — разлетелись во все стороны, словно осколки взорвавшейся гранаты. Он рухнул прямо на игрушечные телефонные аппараты, расставленные на полу. Где-то рядом завизжала перепуганная девочка. А он подумал: *Не кричи, милая, это просто старый дуралей Джордж на пол шмякнулся. Дома я так часто падаю, когда напьюсь.* Кто-то еще — возможно, старина Санта-Клаус — голосил и чертыхался, требуя вызвать полицию. А тем временем записанный на пленку механический голос из игрушечного телефончика повторял и повторял ему в ухо:

— Хочешь пойти в цирк? Хочешь пойти в цирк? Хочешь пойти в цирк? Хочешь...

17 декабря 1973 года

Резкое дребезжание телефона выдернуло его из беспокойного послеобеденного сна, словно морковку из грядки. Ему снилось, что какой-то молодой американский ученый изобрел средство, с помощью которого можно было, изменяя атомную структуру обыкновенного арахиса, извлекать из орехов экологически чистый бензин, причем в неограниченном количестве. Поскольку это сразу решало все проблемы, на душе у него стало легко и спокойно. Он чувствовал себя превосходно. Настойчивые же телефонные трели вторглись в его сон и разрушили эту идиллию.

Он встал с дивана, подошел к телефонному аппарату и поднес трубку к уху. Глаз больше не болел, но в зеркале было видно, что он заплыл и сделался почти лиловым.

— Алло.

— Привет, Барт. Это Том.

— Да, Том. Как ты?

— Нормально. Послушай, Барт, я хотел тебе вот что сказать. Завтра «Блю Риббон» сносят.

Его брови поползли на лоб.

— Завтра? Быть такого не может! Черт побери... Рождество ведь уже на носу!

— Вот именно.

— Но они еще не начали?

— Это последнее крупное здание, оставшееся на их пути, — сказал Том. — Они хотят покончить с ним и спокойно разойтись на Рождество.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Сегодня утром даже по телевизору передали в «Дне города».

— Ты будешь при этом присутствовать?

— Да, — ответил Том. — Львиную часть жизни я проработал там и не смогу усидеть дома.

— Что ж, значит, увидимся.

— Хорошо.

Чуть помолчав, он добавил:

— Послушай, Том. Я бы хотел извиниться перед тобой. Вряд ли они теперь снова откроют «Блю Риббон». В Уотерфорде или где-либо еще. Если я погубил твою жизнь...

— Нет, со мной все в порядке. Я перешел в «Брайт-клин». Работы меньше, а платят лучше. Считаю, что я розу в куче дерьма нашел.

— Как это?

Том вздохнул:

— Вообще-то привыкнуть к новому месту нелегко. Мне ведь уже за пятьдесят. Но с другой стороны, и в Уотерфорде было бы то же самое.

— И все-таки, Том, это все из-за меня...

— Я не хочу об этом говорить, Барт, — перебил его Том. — Это твое личное дело. Вернее, твое и Мэри.

— Ну ладно.

— А ты... э-э-э... С тобой все в порядке? Есть на что жить?

— Да, вполне. И кое-какие задумки имеются.

— Рад слышать. — Том приутих. Молчание так затянулось, что он уже хотел поблагодарить Тома за звонок и распрощаться, когда Том заговорил вновь. — Стив Орднер звонил, — промолвил он. — Тобой интересовался.

— Вот как? И когда же?

— На прошлой неделе. Он до сих пор не может успокоиться. Все спрашивает, не знает ли кто из нас, почему ты саботировал сделку с Уотерфордом. И не только это. Его еще многое другое интересует.

— Например?

— Не таскал ли ты чего с работы. Не брал ли из кассы наличность, не оставляя расписки. Не отдавал

ли в стирку собственное белье за казенный счет. Спросил даже, не было ли у тебя тайной договоренности с владельцами мотелей.

— Ну и гаденыш, — покачал головой он.

— Просто Стив пытается найти на тебя хоть какой-то компромат, Барт. Хочет придумать предлог, чтобы упрятать тебя за решетку.

— Ничего у него не выйдет. Дело чисто семейное. А семья распалась.

— Семья давно распалась, — уточнил Том. — Еще со смертью Рэя Таркингтона. Кстати, Орднер единственный, кто рвет и мечет из-за тебя. Компаньонов интересует только одно: доходы и убытки. Про наши дела они ничего не знают, да и знать не хотят.

Он не нашелся что ответить.

— Что ж, — вздохнул Том. — Тогда это все, что я хотел тебе сказать. Ты ведь, наверное, уже знаешь про брата Джонни Уокера?

— Про Эрни? Нет, а что?

— Он покончил с собой.

— *Что?!*

Том шумно, со свистом, вздохнул.

— Приладил шланг к выхлопной трубе автомобиля, просунул его в окно своего дома и плотно запер окна и двери. Его нашел почтальон.

— О Господи! — прошептал он. Потом вспомнил, как Эрни Уокер сидел рядом с ним в больнице и мелко-мелко дрожал. — Кошмар просто!

— Да. — Снова тяжелый вздох. — Ладно, Барт, до скорого.

— Да, Том. Спасибо, что позвонил.

— Не за что. Счастливо.

Он медленно положил трубку. Из головы не шел образ Эрни Уокера, как тот привстал и выкрикнул, увидев священника:

— *О Господи! Он с требником. Вы видели?*

— Черт знает что, — сказал он себе под нос. Слова растворились в пустоте, а он пошел в кухню, чтобы приготовить себе коктейль.

Самоубийство.

Слово это вырвалось с шипением змеи, пытавшейся протиснуться в слишком узкое отверстие.

Самоубийство.

Наливая дрожащей рукой «Южный комфорт», он неловко стучал горлышком о край стакана. Почему он так поступил, Фредди? Ну жили они вместе — и что из того? Господи, ну почему *люди* так поступают?

Впрочем, ему казалось, что ответ ему известен.

18—19 декабря 1973 года

Он добрался до прачечной в восемь утра — работы по сносу начинались в девять, — но зрителей было уже много; они стояли на морозце, упрятав руки в карманы, а изо ртов вырывались затейливые облачка пара — точь-в-точь как картуши со словами у персонажей рисованных комиксов. Он узнал Тома Грейнджера, Рона Стоуна, Этель Даймент, девушку-гладильщицу, которой не раз случалось перебраться во время перерыва на ленч, после чего клиентам доставались сорочки со спаленными воротничками. Были там также Грейси Флойд со своей кузиной Моринг и еще человек десять — пятнадцать.

Здание было уже обтянуто по периметру желтыми лентами, а перед ним торчали оранжевые щиты, на которых жирным черным шрифтом было написано:

ОБЪЕЗД

Стрелы указывали направление объезда. Огражден был и примыкающий к прачечной тротуар.

Завидев его, Том Грейнджер помахал рукой, но подходить не стал. Остальные лишь мельком посмотрели на него и тут же принялись шушукаться, время от времени поглядывая в его сторону.

Мечта параноика, Фредди. Интересно, кто первый подскочит ко мне и начнет выкрикивать в лицо обвинения?

Но Фред на связь не выходил.

Примерно без четверти девять подлетела новехонькая «тойота-королла», из которой вылез Винни Мейсон, облаченный в теплую куртку и кожаные перчатки. Выглядел он преуспевающим и уверенным в себе. Винни метнул на него уничтожающий взгляд, после чего прошагал к Рону Стоуну, который стоял вместе с Дейвом и Поллаком.

Без десяти девять подкатил кран с огромным металлическим ядром, которое болталось впереди на тросе, как гигантский сосок, срезанный с груди эфиопки. Чудовищная машина медленно подползала к прачечной, оглушая округу ревом могучего двигателя. Из-под брони выбивались коричневые клубы выхлопов.

С тех самых пор как он, припарковав свой фургон в трех кварталах от прачечной, пришел сюда, его преследовало странное призрачное чувство — сравнение, которое никак не укладывалось в голове. И вот теперь, глядя на зловещую машину разрушения, оставившуюся напротив грузового люка, он наконец осознал его смысл. Разворачивавшаяся у него на глазах картина точно сошла с последних страниц детективного романа Эллери Куина, когда все действующие лица собрались, чтобы выслушать объяснение всех подробностей преступления и узнать, кто убийца. Вскоре кто-то — скорее всего Стив Орднер — вы-

ступит из толпы, укажет на него пальцем и завопит: *Вот он! Барт Доус! Это он уничтожил «Блю Риббон»!*

Тогда он вытащит пистолет, чтобы пальнуть в своего обличителя, но тут же падет, изрешеченный пулями полицейских.

Мысли встревожили его. Пытаясь рассеять неприятные ощущения, он кинул взгляд на дорогу, и... сердце его оборвалось. Прямо за желтыми ограждениями остановилась бутылочно-зеленая «Дельта-88» Стива Орднера, стреляя дуплетом из обеих выхлопных труб.

Сам Стив Орднер спокойно разглядывал его сквозь затемненное ветровое стекло.

В эту минуту тяжеленное ядро, описав первую длинную дугу, с грохотом врезалось в кирпичную стену и гулко прошло насквозь, словно бронебойный снаряд. По толпе собравшихся прокатился вздох.

К четырем часам дня от «Блю Риббон» осталась лишь бесформенная груда кирпичей и битого стекла, из которой, точно позвонки доисторического ящера, торчали покореженные обломки несущих конструкций.

Следующий свой поступок он объяснить не мог никак. Он был из той же серии, что и покупка двух ружей, совершенная месяц назад в оружейной лавке Гарви. Только сейчас ему не пришлось пользоваться выключателем — Фредди упорно хранил молчание.

Он подкатил к бензоколонке и заправил «ЛТД» самым чистым бензином. Небо над городом заволокло тучами, а диктор по радио предвещал метель — по прогнозам синоптиков, уровень выпавшего снега составит от шести до десяти дюймов.

Вернувшись домой, он поставил фургончик в гараж и спустился в подвал.

Под лестницей стояли две здоровенные картонные коробки, наполненные пустыми бутылками

из-под пива и минералки; верхние ряды покрывал толстенный слой пыли. Некоторые бутылки хранились здесь уже лет пять. Мэри давно про них забыла и за последний год ни разу не приставала к нему с требованием сдать их. Впрочем, в большинстве магазинов посуду уже не принимали. Теперь пустые бутылки предлагалось выбрасывать. Черт знает что.

Он погрузил обе коробки на тележку и отвез в гараж. Потом вернулся в дом, взял нож, воронку и ведро. Тем временем начался обещанный снегопад.

Он зажег свет в гараже и снял со стены зеленый пластмассовый шланг, который висел там с конца сентября. Отрезал наконечник, который бессмысленно клацнул о цементный пол, затем отрезал примерно трехфутовый кусок шланга. Пинком ноги отпихнув остаток шланга в сторону, он задумчиво уставился на зажатый в руке отрезок зеленой пластмассы. Потом отвинтил крышку бензобака и осторожно, почти любовно, просунул шланг внутрь.

Ему не раз приходилось прежде видеть, как выкачивают бензин, и он знал, как это нужно делать, хотя сам проделывал эту процедуру впервые. Заранее настроившись на мерзкий вкус бензина, он взял в рот свободный конец шланга и втянул в себя воздух. Поначалу он ощутил лишь невидимое вязкое сопротивление, но уже в следующее мгновение рот наполнился жидкостью — такой холодной и непривычной, что он поперхнулся и едва не проглотил ее. Сплюнув с гримасой отвращения, он подставил под конец шланга ведро. Бензин заструился в него с таким звуком, какой обычно можно услышать в общественных писсуарах.

Он снова сплюнул на пол, прополоскал рот слюной и сплюнул еще раз. Совсем другое дело. Почему-то ему вдруг закралась в голову совершенно дурац-

кая мысль, что он никогда еще не был так близок с бензином, хотя пользовался им едва ли не всю сознательную жизнь. Лишь однажды он соприкоснулся с этой жидкостью, когда, заливая бензин в газонокосилку, облился им. Почему-то сейчас это воспоминание порадовало его. Даже неприятный вкус во рту показался не таким уж мерзким.

Он вернулся в дом (снегопад тем временем усилился) и набрал старых тряпок, которые выгреб из-под умывальника. Отнес их в гараж, разорвал на длинные полоски и аккуратно разложил на капоте автомобиля.

Когда уровень бензина в ведре достиг примерно половины, он вынул шланг и опустил его в другое ведро, из которого обычно сыпал золой обледенелую дорожку. Пока ведро наполнялось, он выстроил в четыре ряда двадцать пустых бутылок и с помощью воронки залил в них бензин примерно на три четверти. Покончив с этим занятием, он извлек шланг из бензобака и перелил содержимое одного ведра в другое. Ведро заполнилось почти до краев.

Он вставил тряпичный фитиль в каждую из бутылок, плотно затыкая горлышки. Отнес воронку в дом. Снег покрывал землю неровными, взвихриваемыми ветром полосками. Подъездную аллею занесло почти полностью. Он положил воронку в раковину, вернулся в гараж, накрыл ведро с бензином плотно прилегающей крышкой и осторожно установил его в багажник «ЛТД». Бутылки с «коктейлем Молотова» поставил в коробку, где они по-солдатски выстроились по стойке «смирно», плотно прижавшись друг к другу. Коробку он пристроил на переднем сиденье автомобиля, на расстоянии вытянутой руки от места водителя. Затем снова отправился домой, сел на диван и, щелкнув кнопкой пульта дистанционного управле-

ния, включил телевизор. Передавали вестерн с Дэвидом Дженсенем в главной роли. На его взгляд, ковбой из Дэвида Дженсена был хреновый. Хуже некуда.

По окончании фильма он посмотрел, как Маркус Уэлби лечит девочку, больную эпилепсией. Припадки случались с бедняжкой с пугающей частотой. После сеанса лечения начали передавать рекламу, а затем пошли «Новости». Синоптики предсказывали, что снег будет валить всю ночь, да и завтра днем вряд ли уймется. Людей призывали по возможности не выходить из дома. Дороги сделались опасными, а снегоуборочная техника выйдет лишь после двух часов ночи. Разгул стихии, по мнению того же синоптика, продлится и в последующие несколько дней.

После выпуска новостей он еще с полчаса смотрел телевизор, а потом выключил его. Значит, Орднер пытался его подловить; раскопать хоть какой-то криминал. Что ж, если он, выполнив свою миссию, увязнет в снегу, Орднер своего добьется. Впрочем, «ЛТД» — тяжелый автомобиль, да и резина у него на задних колесах шипованная.

Надев пальто, шляпу и перчатки, он приостановился в дверях. Затем вернулся и как бы заново осмотрел свой дом — кухонный стол, плиту, сервант в столовой, развешанный на стене фарфор, цветущую герань на камине в гостиной; ко всему этому он испытывал чувство, подобное нежности, готовность, если понадобится, грудью встать на защиту. Представив, как машина-разрушитель будет дробить стены, крушить окна и уничтожать все, к чему он привык, он закипел. Нет, не бывать этому! Здесь ползал Чарли, в гостиной он сделал свои первые шаги, а однажды упал с лестницы, насмерть перепугав незадачливых родителей. Сейчас в бывшей комнатке Чарли на-

верху размещался его кабинет, но именно там бедного ребенка впервые посетили головные боли, а потом стало двоиться в глазах. После смерти Чарли их посетили друзья — едва ли не сотня друзей, — и Мэри подавала им в гостиной кофе с пирожными.

Нет, Чарли, подумал он. Я им не позволю!

Подбегая к гаражу, он заметил, что снега, пушистого и легкого, намело уже дюйма на четыре. Забравшись в машину, он завел двигатель. Бак был заполнен на три четверти. Грея машину, он смотрел на призрачный свет, падавший от приборного щитка, и вспоминал Эрни Уокера. Выхлопные газы. Не самая худшая смерть. Просто уснуть — и не проснуться. Где-то он читал, что отравление окисью углерода сродни сну. Даже щеки при этом приобретают здоровый румянец. Это...

Он вдруг ощутил озноб, а по телу поползли мурашки. Он включил печку. Согревшись, он включил реверс и задним ходом выполз на снег. Плеск бензина в ведре напомнил ему, что он кое-что упустил.

Остановив машину, он вернулся в дом и набил карманы спичками. Затем снова вышел.

Дорога и впрямь сделалась предательски скользкой.

Местами под свеженаметенным снегом был лед, и однажды, затормозив на красный свет на перекрестке Крестоллен-стрит и Гарнер-стрит, его автомобиль пошел юзом и развернулся боком. Выровняв машину, он ощутил, что сердце колотится как безумное. Только этого ему сейчас не хватало! Попади он в аварию с ведром бензина в багажнике, и то, что от него останется, можно будет выскрести ложкой и похоронить в спичечном коробке.

И все же это лучше, чем самоубийство. Ведь самоубийство — смертный грех.

Так по крайней мере считает католическая религия. Однако он не думал, что попадет в аварию. Поток машин резко поредел, но и полицейских не было видно. Должно быть, все по подворотням попрятались. Он осторожно свернул на бульвар Кеннеди, который в его памяти навсегда останется Дюмонт-стрит — решение о переименовании было принято на специальной сессии городского совета в январе 1964 года. Бульвар Кеннеди тянулся из Вест-Сайда почти через весь город, причем на протяжении двух миль пролегал параллельно автострате номер 784. Примерно с милю он проедет по бульвару, а потом свернет налево, на Гранд-стрит. Далее, примерно в полумиле, Гранд-стрит прекратит существование; как и бывший кинотеатр «Гранд» — да будет земля ему пухом! К следующему лету Гранд-стрит возродится, но уже в виде эстакады. Однако это окажется уже совсем не та улица. Вместо кинотеатра по правую руку теперь можно будет видеть шесть — или даже восемь — асфальтированных полос, по которым помчатся машины.

Он уже свернул на Гранд-стрит. Тормоза протестующе завизжали, а задние колеса занесло, словно они пытались вырваться на свободу. Он резко крутанул руль в сторону заноса, управляя автомобилем, словно жокей своим скакуном; машина выровнялась и покатила по девственному снегу — следы предыдущего автомобиля уже были занесены снегопадом. При виде такого количества свежего снега на душе у него вдруг полегчало. Хорошо все-таки было ехать, хорошо было хоть что-то делать.

Пока он неторопливо катил по Гранд-стрит со скоростью двадцать пять миль в час, в его мысли снова закралась Мэри, а с ней — понятие о грехах, смертных и простительных. Мэри воспитывалась в католических традициях, посещала приходскую школу, и,

хотя ни у кого язык не повернулся бы назвать ее религиозной ханжой, основ католического мировоззрения она придерживалась достаточно строго. После выкидыша мать прислала к ней священника прямо в больницу, потребовав от дочери исповеди. При виде священника с молитвенником она разрыдалась. Он был как раз с ней, когда пришел священник, и с замиранием сердца прислушивался к ее рыданиям. Лишь одна трагедия с тех пор потрясла его с такой же силой.

Однажды по его просьбе она перечислила все смертные и простительные грехи. Хотя она проходила катехизис лет двадцать пять, а то и тридцать назад, список этот показался (ему по крайней мере) абсолютно полным и точным. Однако порой толкование их казалось неясным и туманным. Порой один и тот же поступок представляли то смертным грехом, то простительным. Похоже, это зависело от наличия у согрешившего умысла. Преступного умысла. Это она так сказала во время их очередного затянувшегося спора? Или Фредди только что нашептал ему на ухо? Преступный умысел. Это словосочетание почему-то одновременно тревожило и озадачивало его.

Он считал, что в конце концов вычленил из всей этой мешанины два самых главных и страшных смертных греха: самоубийство и убийство. Однако затем беседа с Роном Стоуном заставила его усомниться в своей правоте. Порой, по мнению Рона (они сидели тогда в баре и выпивали), убийство бывает простительным грехом. А иногда и вовсе грехом не считается. Хладнокровно продуманное убийство подонка, который изнасиловал твою жену, — это грех простительный. Убийство же врага в честном бою — так выразился Рон — это и вовсе не грех. Если верить Рону, то американские солдаты, десятками отправлявшие на тот свет немцев и японцев, — это настоя-

щие агнцы Божии, и уж им-то на Страшном суде ничто не должно грозить.

Оставалось одно самоубийство, это свистящее слово.

Он приближался к месту проведения дорожных работ, огражденному раскрашенными, как зебры, черно-белыми барьерами с отражающими свет мигалками и яркими оранжевыми щитами, которые ненадолго высветились его фарами. На одном щите было написано:

ВРЕМЕННОЕ ОКОНЧАНИЕ ДОРОГИ

А на другом:

ОБЪЕЗД — СЛЕДИТЕ ЗА ЗНАКАМИ!

И на следующем:

**ВЗРЫВНЫЕ РАБОТЫ!
ОБЪЕЗД**

Он подъехал поближе, установил рычаг коробки передач в положение стоянки, включил аварийную сигнализацию и выбрался из машины. Подошел к полосатым барьерам. В свете оранжевых мигалок снег казался гуще и причудливо окрашенным.

Он вдруг вспомнил, что плохо разобрался в отпущении грехов. Поначалу ему казалось, что это очень просто: совершил смертный грех — и тебе нет прощения, ты проклят навеки. Можно проклинать Мэри, пока у тебя язык не отвалится, и все равно отправиться в ад. Однако по словам Мэри, это было не совсем так. Существовала исповедь, искупление, повторное посвящение и так далее. Все это представлялось край-

не запутанным. Христос говорил, что убийца лишен вечной жизни, но, с другой стороны, учил, что каждый, кто в Него верит, никогда не умрет. *Каждый*. Похоже, в библейской доктрине было не меньше лазеек, чем в купчей, составленной ловким юристом. Однако к самоубийству все это не относилось. Самоубийца не может исповедоваться, покаяться и получить отпущение грехов. К тому же...

А почему он вообще обо всем этом думал? С какой стати? Ведь он не собирался никого убивать и уж тем более не был намерен покончить с собой. Ему никогда даже мысли о самоубийстве не закрадывались. До самого последнего времени, во всяком случае.

Он усталился на полосатые барьеры, и внутри у него похолодело.

Дорожные машины внизу были в полном сборе. Их припорошило снегом, а над всеми возвышался кран-разрушитель. Мрачная неподвижность усиливала гнетущее впечатление. Застывшая стрела придавала ему сходство с чудовищным богомолем, погружившимся в зимнюю спячку.

Он отодвинул с дороги первый попавшийся барьер. Тот оказался на удивление легким. Вернулся в «ЛТД», включил первую скорость и медленно съехал к дороге по крутому склону, укатанному мощными машинами. Затем снова установил рычаг в положение стоянки, выключил мигалку, выбрался из машины, вскарабкался по склону, поставил барьер на место. И спустился на дорогу.

Открыв багажник, он осторожно извлек оттуда ведро с бензином. Затем, обогнув машину, открыл правую переднюю дверцу и поставил ведро на пол возле коробки с бутылками. Снял с ведра крышку и поочередно обмакнул в бензин каждую тряпку-фитиль. Потом, прихватив с собой ведро, залез на кран и осто-

рожно, пытаясь не поскользнуться и не расплескать горючую жидкость, забрался в незапертую кабину. Сердце от возбуждения гулко колотилось, а горло, казалось, сжимал тугой кулак.

Он принялся поливать бензином сиденье, приборный щиток, рычаги управления. Выбрался на ступеньки и выплеснул остаток бензина на капот крана. Воздух заполнился удушливыми испарениями. Перчатки тоже промокли в бензине, и пальцы тут же ооченели.

Спрыгнув на землю, он поспешно стащил перчатки и рассовал их по карманам. Первый коробок спичек вывалился из онемевших пальцев. Он вытащил второй, но первые две спички погасли на ветру, так и не успев разгореться. Он повернулся спиной к ветру и, прикрыв коробок ладонями наподобие шатра, ухитрился разжечь следующую спичку. Поднес ее к остальным, которые тут же с громким шипением вспыхнули. Он швырнул объятый пламенем коробок в кабину крана.

В первое мгновение он решил, что спички погасли, потому что ничего не случилось. Однако в следующую секунду раздался громкий хлопок — *плон!* — и кабину озарила ослепительная вспышка. Пламя было столь сильным и ярким, что он невольно отпрянул и поспешил прикрыть глаза ладонью.

Огненная рука выползла из кабины, скользнула по капоту и, словно немного поколебавшись, юркнула под капот. На этот раз последовавший взрыв был просто оглушающим. БАБАААХ! И вдруг сорванный капот взмыл в воздух, вертась штопором. В тот же миг что-то просвистело мимо его уха.

А ведь горит, подумал он. *Полыхает, скотина чертова!*

От избытка чувств его ноги сами кинулись в пляс. Дикарский танец в ночи у костра. Искаженное от ра-

дости лицо искрилось улыбкой. Сжатые в кулаки руки вскинулись над головой в торжествующем салюте.

— *Урр-аа!* — заорал он ветру. А ветер подхватил и вернул с удвоенной энергией: — *Урр-аа! Урр-ра, черт поberi!*

Он бросился бежать к своей машине, но в последнюю секунду поскользнулся и упал. Возможно, как раз это спасло ему жизнь, потому что именно в этот миг взорвался бензобак крана и фонтан пламени брызнул во все стороны футов на двадцать. Раскаленный осколок прошил насквозь правое стекло его автомобиля; по сторонам от пробойны пьяной паутиной разбежались трещины.

Он встал из снега, оглушенный, и поспешно забрался в машину. С трудом вставил онемевшими пальцами ключ в замок зажигания и нажал на педаль акселератора. Объятый пламенем кран полыхал исполтинским адским костром; ветровое стекло вылетело.

— Во горит! — завизжал он. — Ты видишь, Фредди?

Обогнув на машине кран, он обернулся; лицо его в бликах пламени казалось маской ряженого. Он ткнул указательным пальцем в приборный щиток, но лишь с третьей попытки угодил в кнопку прикуривателя. Дорожные машины выстроились гуськом по левую руку от него, и он опустил стекло со своей стороны. Опустевшее ведро перекачивалось по полу, а бутылки с «коктейлем Молотова» громко звякали и дребезжали.

Кнопка прикуривателя выскочила наружу, и он резко — обеими ногами — затормозил. Фургончик запетлял и остановился. Он вытащил прикуриватель и, достав из коробки первую попавшуюся бутылку, прижал фитилек к мерцающей головке. Пропитанная бензином тряпочка вспыхнула, и он швырнул бутылку в ближайший бульдозер. Бутылка разбилась о заляпан-

ный грязью корпус, и ручейки пламени весело хлынули во все стороны. Он воткнул головку прикуривателя на место, проехал футов двадцать и метнул три бутылки в темную махину грейдера. Первая пролетела мимо и беспомощно зашипела в снегу, вторая разбилась о корпус, а вот третья угодила прямехонько в кабину.

— *И-и-и! Попал!* — завизжал он.

Еще бульдозер. За ним грейдер поменьше. Затем крупный трейлер на подмостках. Надпись над дверью гласила:

ЛЕЙН КОНСТРАКШН КОМПАНИ
Рабочий офис
ЗДЕСЬ НА РАБОТУ НЕ ПРИНИМАЮТ!
Пожалуйста, вытирайте ноги!

Подкатив на своем «ЛТД» почти вплотную к трейлеру, он метнул одну за другой четыре бутылки в большое окно по соседству с дверью. В цель попали все, причем первая же бутылка, пробив стекло, взорвалась и влетела в офис, увлекая за собой горящую штору.

За трейлером стоял грузовичок-пикап. Выйдя из «ЛТД», он подошел к пикапу и попробовал приоткрыть дверцу с правой стороны. Та оказалась не заперта. Он поджег фитиль очередной бутылки и швырнул ее внутрь пикапа. Пламя тут же полыхнуло и принялось жадно пожирать салон.

Вернувшись в машину, он увидел, что в картонке осталось всего пять или шесть бутылок. Он покатил дальше, дрожа от холода и морщась от запаха бензина, но при этом улыбаясь до ушей.

Так, паровой каток. Он израсходовал на него оставшиеся бутылки, но лишь последняя взорвалась удачно, перебив чудовищу гусеницу.

Он пригнулся к коробке, вспомнил, что она уже пуста, и посмотрел в зеркальце заднего вида.

— Вот это да! — вскричал он. — Эх, вашу мамашу, Фредди! Ты только посмотри!

Позади вдоль заснеженной дороги выстроилась цепочка высоченных погребальных костров, полыхающих во мраке, словно огни на взлетно-посадочной полосе. Огромные языки пламени вырывались из окон трейлера. Пикап превратился в огненный шар. Кабина трейлера походила на оранжевый бенгальский огонь. Но главным его достижением оказался, конечно же, кран; это был настоящий огненный маяк, гигантский пылающий факел посреди дороги.

— *Вот вам уни-дермо-чтоожение!* — завопил он.

Рассудок начал потихоньку возвращаться. Он понимал, что не должен выбираться обратно тем же путем. Полиция, возможно, уже выехала. Плюс пожарные. Да и вообще, сумеет ли он унести ноги отсюда или уже оказался в тупике?

Герон-плейс. Он должен во что бы то ни стало попасть на Герон-плейс. Только сначала нужно преодолеть косогор с крутизной градусов в двадцать пять, а то и в тридцать, да еще и прорваться через дорожные заграждения. Впрочем, ограничительных рельсов здесь не было. Он решил, что задача ему по плечу. Да, вполне. Сегодня ему любая задача по силам.

Включив одни лишь габариты, он, скользя на снегу и проваливаясь в колдобины, прополз до конца недостроенной дороги. Завидев впереди вверху огни Герон-плейс, он резко прибавил газа и, когда стрелка спидометра достигла отметки сорок миль, рванул вверх по склону. Примерно на середине косогора задние колеса забуксовали, и он поспешно передвинул рычаг коробки передач на первую скорость. Мотор заревел, и машина рванулась вперед.

Нос его «ЛТД» уже почти преодолел вершину, когда колеса снова забуксовали, выбрасывая назад пулеметные очереди снега, камешков и промерзлой почвы. На мгновение автомобиль буквально завис в воздухе, однако в следующую секунду — движимый то ли инерцией, то ли силой воли — выехал на ровное место.

Опрокинув полосатый заградительный барьер, фургончик выкатил на занесенную снегом площадку. Он с изумлением отметил, что снова едет по улице, словно ничего и не случилось.

Он уже хотел свернуть в сторону своего дома, когда вспомнил, что его могут запросто найти по следам, которые занесет снегом в лучшем случае часа через два, а то и позже. Поэтому вместо того, чтобы свернуть на Крестоллен-стрит, он еще проехал немного по Герон-плейс, откуда вырулил на Ривер-стрит, а уже оттуда выкатил на шоссе номер 7. Движение из-за снегопада было небойкое, но, чтобы замести следы, машин было вполне достаточно.

Он влился в поток автомобилей, которые степенно следовали в восточном направлении со скоростью сорок миль в час.

Проехав по шоссе около десяти миль, он развернулся и покатил назад в город, двигаясь по направлению к Крестоллен-стрит. Навстречу ползли первые снегоуборочные машины, походившие на исполинских оранжевых мастифов с горящими желтыми глазами. Несколько раз он посматривал в сторону автострады номер 784, но снег сыпал с такой силой, что он так ничего и не разглядел.

Примерно на полпути к дому он вдруг сообразил, что, несмотря на поднятые стекла и включенную печку, в машине стоит лютый холод. Обернувшись, он увидел, что в заднем правом стекле зияет здоровенная

дыра с неровными краями. Заднее сиденье было усыпано осколками стекла вперемешку со снегом.

Господи, а это как случилось? — озадаченно спросил он себя. Как ни пытался, вспомнить так ничего и не смог.

На свою улицу он въехал с северной стороны и двинулся прямо к дому. Все здесь было как и прежде — свет, оставленный им на кухне, оказался единственным огоньком на всей этой части Крестоллен-стрит. Полицейских машин поблизости не было, но вот двери своего гаража он оставил распахнутыми настежь — чертовски глупо. Когда идет снег, гараж надо закрывать. Гараж для того и нужен, чтобы защищать свое добро от всяких осадков. Так еще его отец говорил. Его отец тоже умер в гараже, как и брат Джонни Уокера, однако в отличие от Эрни Ральф Доус не накладывал на себя рук. С ним, похоже, инфаркт случился. Сосед нашел его на полу — отец лежал, сжимая в окоченевшей левой руке садовые ножницы, а в правой — небольшой точильный брусок.

Он заехал в гараж, закрыл двери и прошел в дом. Он заметил, что дрожит с головы до ног. Часы показывали четверть четвертого. Он повесил пальто и шляпу в прихожей и уже закрывал дверцу стенного шкафа, когда его пронзила столь страшная мысль, что он застыл на месте, охваченный ужасом. Он поспешно сунул руку в наружный карман пальто и выпустил вздох облегчения, найдя там свернутые в комочек перчатки, насквозь пропитанные бензином.

Он решил было сварить кофе, но затем передумал. Голова мучительно ныла; возможно, из-за паров бензина и непривычного напряжения. Поднявшись в спальню, он разделся, небрежно побросав всю одежду на стул, даже не удосужившись сложить брюки. Он был уверен, что заснет, не успев прислониться к по-

душке, но не тут-то было. Очутившись дома и в безопасности, он вдруг почувствовал себя как никогда бодрым. Но вместе с бодростью нагрянул страх. Его наверняка схватят и бросят в тюрьму. Его фотография попадет в газеты. Друзья и знакомые будут тыкать в нее пальцами, судачить по его поводу, качая головами. Винни Мейсон наверняка заявит жене, что он всегда говорил: этот Доус — полный психопат. Родители Мэри отвезут ее в Рино, где она сможет без особых хлопот получить развод. Может, даже найдет себе халая. Его это уже не удивит.

Он лежал, пытаясь уверить себя, что его не поймают. Все-таки орудовал он в перчатках. Отпечатков пальцев нигде не оставил. Ведро с крышкой привез с собой. Следы свои он замел — так спасающийся от преследования беглец идет по ручью, чтобы сбить с толку ищеек. Однако желаемого облегчения эти мысли ему не принесли. Как и сна. Все-таки его поймают. Кто-нибудь мог заметить его машину на Геронплейс. Возможно, им даже удалось запомнить или записать его номерные знаки, а полиция уже проверяет по компьютеру, кому они принадлежат. Возможно...

Он беспокойно ворочался, ожидая, что вот-вот дом окружают танцующие синие тени, потом послышится требовательный стук в дверь и некий бесплотный голос, словно сошедший со страниц романа Кафки, провозгласит: *Эй вы там, отпирайте!*

Он даже сам не заметил, как уснул, потому что не провалился в сон, а просто плавно перешагнул, даже перетек, из одного состояния в другое. Даже во сне ему казалось, что он бодрствует, причем то и дело совершает самоубийство: поджигает себя, сбрасывает на себя тяжелую наковальню, стоя под ней и выбив клин, вешается, травится газом, стреляется, выбрасывается из окна, глотает снотворное, сигает под поезд, всовы-

вает в рот аэрозольный баллончик с инсектицидом, жмет кнопку и вдыхает, пока голова не разбухает и не улетает в небеса, как воздушный шарик, совершает харакири прямо в исповедальне, признаваясь в желании совершить самоубийство ошарашенному молодому священнику, который оторопело смотрит на его вываливающиеся из распоротого живота кишки, и при этом кается и кается, лежа посреди лужи крови и дымящихся внутренностей. Однако наиболее живо, причем вновь и вновь, он представлял себя в закрытом гараже за рулем «ЛТД» с запущенным мотором. Он сидит, глубоко вдыхает и медленно листает страницы журнала «Нэшнл джиогрэфик», разглядывая живописные фотоснимки с видами Таити, Окленда и Марди-Гра в Новом Орлеане. Странички переворачиваются все реже и реже, мерный гул мотора сменяется отдаленным приятным жужжанием, над головой смыкаются ласковые бирюзовые воды тропических морей, а сам он погружается в манящую серебристую бездну.

19 декабря 1973 года

Проснулся он в половине первого. Голова раскалывалась, словно после безудержного кутежа. Мочевой пузырь был переполнен, а во рту (из которого, он был уверен, несло падалью) стоял премерзкий вкус. Когда он встал с кровати, сердце гулко заколотилось. Он даже на мгновение не позволил себе усомниться, что случившееся ночью ему не пригрезилось — запах бензина, казалось, навечно впитался в его кожу, да и от одежды, небрежно брошенной на стул, нещадно разило бензином. Снегопад прекратился, небо расчистилось, а яркий солнечный свет немилосердно резал глаза.

Он вошел в ванную, уселся на унитаз, и его жестоко пронесло; мутная жижа хлынула из него, словно поток из прорванной плотины. Постанывая от натуги и рези в животе, он одновременно кряхтел и сжимал ладонями гудящую голову. Все так же, не вставая, он опорожнил мочевой пузырь; зловонный запах фекалий шибанул в нос.

Смыв унитаз, он прихватил чистую одежду и на негнувшихся ногах спустился по лестнице. Он решил подождать, пока ванная очистится от смрадного запаха, а уж потом принять душ. Если понадобится, он был готов простоять под душем хоть целый день.

Войдя в кухню, он трясущимися руками вывалил на ладонь три таблетки экседрина из зеленой склянки и запил их кипяченой водой. Поставил на плиту чайник, собираясь приготовить кофе, но на беду смахнул с крючка на стене свою любимую чашку, которая со звоном разбилась. Ругнувшись про себя, он подмел осколки, взял другую чашку, насыпал две ложки растворимого кофе «Максвелл-хаус» и отправился в столовую.

Включив радио, в поисках выпуска новостей поочередно пробежал несколько станций, лишний раз убедившись, что новости сродни полицейским: когда надо, их никогда не бывает. Поп-музыка. Фермеры делятся опытом. Какие-то дурацкие шоу. Политическое обозрение. Коммерческий вестник. Рекламный выпуск. Опять музыка. Ни единого выпуска новостей. Как назло.

Чайник закипел. Оставив станцию, которая передавала поп-музыку, он налил в чашку кипятка и выпил черный кофе без сахара. После первых двух глотков его чуть не вырвало, но зато потом наступило облегчение.

Вот наконец и выпуск новостей. Сначала национальные, потом местные.

Сегодня рано утром возник пожар на месте строительства новой автомагистрали, в районе Гранд-стрит. По сообщению лейтенанта полиции Генри Кинга, неизвестные злоумышленники, использовавшие, судя по всему, бутылки с горючей жидкостью, подожгли кран, два грейдера, два бульдозера, грузовичок и передвижную контору «Лейн констракшн компани», которая выгорела дотла.

Прослушав слова *выгорела дотла*, он испытал подобие радости — черной и горькой, как только что выпитый кофе.

По словам Френсиса Лейна, компания которого получила контракт на строительство автомагистрали, ущерб, причиненный грейдерам и бульдозерам, совсем невелик, а вот разрушительный кран, стоимость которого оценивается в шестьдесят тысяч долларов, выведен из строя примерно на две недели.

На две недели? И это *все*?

Куда более серьезный урон, по словам Лейна, пожар нанес конторе, в которой хранились важные бумаги, рабочие графики, таблицы и бухгалтерские отчеты за последние три месяца. «Это будет чертовски трудно восстановить, — сказал Лейн. — Работы прервутся на целый месяц, а то и больше».

Вот это совсем другое дело, злорадно подумал он. Раз целый месяц, то овчинка выделки стоила.

По словам лейтенанта Кинга, вандалы скрылись с места происшествия в фургончике, воз-

можно — в «шевроле» последней модели. Полиция призывает очевидцев к сотрудничеству. Френсис Лейн оценивает общий причиненный компании ущерб примерно в сто тысяч долларов.

Следующая городская новость. Наш депутат, Мюриэль Рестон, снова призвала...

Он выключил приемник.

Теперь, когда он при свете дня сам прослушал новости, жизнь перестала рисоваться в столь мрачных красках. Итак, можно оценить содеянное на трезвую голову. Разумеется, полиция могла и темнить, но если они и вправду искали не «форд», а «шевроле» и всерьез рассчитывали найти очевидцев, то пока, возможно, ему ничего серьезного не грозило. С другой стороны, если свидетели найдутся, то ему все равно ничто не поможет.

Ведро придется выкинуть, а гараж он как следует проветрит. Нужно только придумать правдоподобную историю, объясняющую разбитое стекло машины. Но самое главное — подготовиться к визиту полиции. Его они неминуемо должны проверить, ведь он — последний жилец на Крестоллен-стрит. Его быстро выведут на чистую воду. Выяснят, что он запорол важную для руководства сделку. Что от него ушла жена. Что бывший коллега отколошматил его в универмаге. Ну и конечно, что у него есть фургончик, хотя и не «шевроле». Все это скверно. Но — не доказательство.

Если же вину его все-таки докажут, то его ждет тюрьма. Правда, и это не самое страшное. Тюрьма еще не конец света. Там ему дадут работу, будут кормить. Не придется ломать голову о том, что станется, когда иссякнут вырученные от страховки деньги. Есть, конечно, на свете кое-что пострашнее тюрьмы. Самоубийство, например. Это уж точно хуже.

Он поднялся по лестнице и принял душ.

Позже, днем, он позвонил Мэри. К телефону подошла ее мамаша, однако ворчливо согласилась позвать дочь. А вот сама Мэри вопреки его опасениям казалась жизнерадостной и даже веселой.

— Привет, Барт! С наступающим Рождеством тебя!

— Спасибо, Мэри. Тебя тоже.

— Что ты хотел, Барт?

— Э-э... я тут кое-какие подарки купил... Пустяки всякие... Тебе и племянкам... Может, встретимся? Я бы тебе их передал. Я не стал просить, чтобы детские завернули...

— Я сама заверну, Барт. Только зря ты потратился — ты ведь еще не работаешь.

— Но я пытаюсь, — сказал он.

— Барт, ты... ты сходил, куда я тебя просила?

— К психиатру?

— Да.

— Я позвонил двоим. Один расписан чуть ли не до июня. Второй улетает на Багамы и вернется только к марту. Пообещал, что примет меня.

— Как их фамилии?

— Фамилии? Господи, неужто ты думаешь, что я запомнил? Один, по-моему, Адамс. Николас Адамс...

— Барт. — Голос ее звучал грустно.

— Ну, может, не Адамс, а Ааронс, — ляпнул он.

— *Барт!*

— Ну ладно, — вздохнул он. — Не веришь — дело твое. Ты все равно бы не поверила.

— Барт, если бы ты только...

— Ну так как насчет подарков? Я из-за них звоню, а не из-за какого-то чертова психиатра.

— Если хочешь, привези их в пятницу сам, — вздохнула Мэри. — Я попробую...

— Еще чего! Чтобы твои драгоценные мамаша с папашей наняли Чарльза Мэнсона*? Чтобы он меня у самых дверей подстерегал. Нет уж, давай где-нибудь на нейтральной полосе встретимся. Хорошо?

— Их не будет, не бойся, — сказала Мэри. — Они уезжают на Рождество к Джоанне.

Джоанна Сент-Клер, кузина Джин Каллоуэй, жила в Миннесоте. В девичестве (он порой злорадствовал, что эта пора пришлась на затишье между войной 1812 года и образованием Конфедерации) они очень дружили. В июле Джоанну постиг инфаркт. По словам Джин, бедняжка могла отправиться на тот свет в любую минуту. Как это, должно быть, занятно, подумал он, — жить со встроенной внутри бомбой, способной взорваться в любой миг. Ах, бомбочка, ты только сегодня не взрывайся, ладно? Я еще последнюю Викторину Холт не дочитала.

— Барт, ты меня слышишь?

— Да. Я чуть-чуть отвлекся.

— Час дня тебя устроит?

— Вполне.

— Ты еще что-нибудь хотел?

— Нет.

— Что ж, тогда...

— Береги себя, Мэри.

— Постараюсь. Пока, Барт.

— Счастливо, Мэри.

Положив трубку, он ползлелся в кухню, мучимый жаждой. Нет, женщина, с которой он сейчас разговаривал, совсем не напоминала ту Мэри, которая месяц назад рыдала в гостиной, требуя, чтобы он объяснил, что именно побудило его разрушить их жизнь, выкинуть двадцать лет коту под хвост. Это было удивитель-

* Психопат, главарь культовой «семьи», убийца американской актрисы Шарон Тейт и ее семьи в Лос-Анджелесе 9 августа 1969 г.

но. Он примерно так же удивился бы, узнав, что Иисус Христос спустился с небес и увез Ричарда Никсона в рай на огненной колеснице. Да, Мэри обрела веру в себя. Более того, она преобразилась до неузнаваемости. Такую Мэри он никогда не знал или с трудом помнил. Подобно археологу она раскопала эту всеми забытую личность, суставы которой слегка окостенели от долгого пребывания в земле, но которая в остальном ничуть не изменилась. Черт с ними, с суставами, они придут в норму, и тогда эта новая-бывшая личность снова станет женщиной, немного исцарапанной, но в целом живой и невредимой. Он знал Мэри лучше, чем она представляла, и по одному лишь ее тону догадывался, что она уже всерьез помышляет о разводе, о полном разрыве с прошлым... О разрыве, который пройдет для нее бесследно, не оставив ни шрама, ни рубца. В конце концов ей ведь всего тридцать восемь лет. Добрых полжизни еще впереди. Детишек, способных пострадать в обломках их разрушенной жизни, у них не было. Сам он разводиться не хотел, но и противиться — предложи ему Мэри развестись — не стал бы. Он завидовал ее вновь обретенной уверенности, ее обновленной красоте. И если она рассматривала последние десять лет их совместной жизни лишь как темный туннель, ведущий к свету, он мог только сожалеть об этом, но не винить ее. Нет, винить ее было не за что.

21 декабря 1973 года

Он вручил Мэри подарки в роскошной гостиной Джин Каллоуэй, обставленной мебелью с украшениями из раззолоченной бронзы. А вот беседа у них не клеилась. Ему еще никогда не доводилось оставаться

с Мэри наедине в этой гостиной, и его не оставляло ощущение, что им следует поласкаться. Реакция эта была чисто рефлекторная, но она заставила его вспомнить о бурных колледжских годах.

— Ты что, покрасилась? — спросил он.

— Слегка, — ответила Мэри, пожав плечами.

— Очень мило. Так ты моложе выглядишь.

— А у тебя, Барт, виски поседели. Седина придает тебе благородный облик.

— А по-моему, наоборот — поношенный и занюханный.

Мэри залиvisto рассмеялась — немного натянуто, как ему показалось, — и посмотрела на подарки, которые он разложил на столе. Серебряную брошь, сделанную в виде совы, ему завернули, а вот игрушки и шахматы этой чести не удостоились. Куклы тарашились в потолок, ожидая, пока какая-нибудь девчушка не пробудит их к жизни.

Он перевел взгляд на Мэри. На мгновение их глаза встретились, и он вдруг испугался, что сейчас с ее уст слетят страшные слова. Однако в этот самый миг выскочившая из настенных часов кукушка заставила их вздрогнуть, а затем возвестила, что время — половина первого. Они засмеялись. Роковое мгновение было упущено. Он поспешно встал, чтобы Мэри не передумала. Спасен кукушкой, мелькнула мысль. Нелепее не придумать.

— Мне пора, — сказал он.

— У тебя деловая встреча?

— Собеседование по поводу устройства на работу.

— Да что ты? — обрадовалась Мэри. — Где? С кем? Сколько?

Он засмеялся и помотал головой:

— Там еще дюжина претендентов на одно место. Скажу, когда устроюсь.

— Ты такой мнительный?

— Да.

— Послушай, Барт, а что ты делаешь на Рождество? — спросила Мэри. Выглядела она такой озабоченной и искренней, что его вдруг осенило: минуту назад Мэри хотела его вовсе не на развод пригласить, а на рождественский ужин. Господи, надо же быть таким идиотом! Он с превеликим трудом сдержал смех облегчения.

— Дома сижу.

— Ты можешь прийти сюда, — предложила она. — Мы будем вдвоем: ты и я.

— Нет, — после некоторого раздумья сказал он. А затем добавил, уже более твердо: — Нет. В праздник чувства могут порой через край перехлестнуть. Давай как-нибудь в другой раз.

Мэри кивнула. Глаза ее затуманились.

— А ты останешься одна? — спросил он.

— Я могу пойти к Бобу и Джанет. Послушай, Барт, ты уверен, что нам...

— Да.

— Ну что ж... — Однако в голосе ее прозвучали нотки облегчения.

У дверей они обменялись сухим поцелуем.

— Я позвоню, — пообещал он.

— Хорошо.

— Передай Бобби привет.

— Непременно.

Он был уже на полпути к своей машине, когда Мэри окликнула его:

— Барт! Подожди, Барт!

Он боязливо обернулся.

— Чуть не забыла, — сказала она. — Уолли Хамнер позвонил. Он нас на встречу Нового года приглашает. Я согласилась, но если ты против...

— Уолли? — нахмурился он. Уолли был единственный их приятель из противоположного городского района. Он работал в местном рекламном агентстве. — А разве он не знает, что мы... разъехались?

— Знает, но ведь и ты знаешь Уолли. Такие пустяки его не смущают.

Это была сущая правда. При одной лишь мысли про Уолли он заулыбался. Уолтер вечно грозил бросить рекламный бизнес и переключиться на пионерский дизайн стропильных ферм. Сочинитель похабных частушек и еще более похабных пародий на популярные песенки. Дважды разводился, причем оба раза бывшие благоверные обчищали его буквально до нитки. Теперь, если верить слухам, Уолли стал полным импотентом — причем, судя по всему, это был как раз тот редкий случай, когда слухи не вриали. Когда же они виделись с Уолли в последний раз? Месяца четыре назад? А то и все полгода? Давно, одним словом.

— Что ж, это может быть забавно, — промолвил он. И вдруг ему в голову закралась неприятная мысль.

— Из прачечной там никого не будет, — сказала Мэри, пристально глядя на него.

— Но он знаком со Стивом Орднером.

— Ну — Стив... — Она пожала плечами, словно давая понять, что уж Стива Орднера там точно быть не может.

— Ладно, иди в дом, — кивнул он. — Замерзнешь ведь, глупышка.

— Так ты хочешь поехать?

— Пока не знаю. Надо обмозговать. — Он снова поцеловал ее, уже чуть дольше, и Мэри поцеловала его в ответ. В этот миг он готов был пожалеть обо всем — однако в следующую минуту встряхнулся, словно отгоняя мимолетную слабость.

— Счастливого Рождества, Барт, — пожелала ему Мэри. Приглядевшись, он заметил, что она плачет.

— Новый год сложится удачнее, — сказал он, не имея в виду ничего конкретного. — Возвращайся, а то воспаление легких схватишь.

Мэри вернулась в дом, а он, сидя в машине, все думал про встречу Нового года у Уолли Хамнера. Он дал себе зарок, что примет приглашение.

24 декабря 1973 года

Он отыскал в Нортоне небольшой гараж, механик которого согласился установить в «ЛТД» новое заднее стекло за девяносто долларов. Когда он спросил механика, выйдет ли тот на работу в канун Рождества, то в ответ услышал:

— Еще бы, черт побери! Если представится случай заработать лишний бакс, я уж своего не упущу.

По пути в Нортон он засхал в прачечную самообслуживания и выстирал свою одежду в двух автоматах, тщательно подобрав нужный режим. Оставшись доволен результатом, обратился к Фреду: Понял, старина Фредди, что такое профессионал? Что не отвечаешь, Фред? Не хочешь — ну и пошел ты в задницу, дубина стоеросовая!

— Ну и дырища! — проворчал механик, когда он приехал в гараж.

— Дети снежками швырялись, — пояснил он. — Только у одного внутри камень оказался.

— Вот так камень, — покачал головой механик. — Как бронебойный снаряд.

Заменив стекло, он покатил в ту же прачечную самообслуживания, где, бросив в прорезь тридцать

центов, поместил всю одежду в автоматическую сушилку. Затем уселся на скамью и подобрал оставленную кем-то газету. Ему бросился в глаза заголовок:

**ТОЛПЫ В ВИФЛЕЕМЕ
ПАЛОМНИКИ ОПАСАЮТСЯ
СВЯЩЕННОГО ТЕРРОРА**

А внизу первой полосы внимание его привлекла небольшая заметка, которую он прочел целиком:

**УИНТЕРБЕРГЕР СКАЗАЛ,
ЧТО НЕ ПОТЕРПИТ АКТОВ
ВАНДАЛИЗМА**

(Городские новости) Виктор Уинтербергер, кандидат демократической партии на место погибшего в автокатастрофе месяц назад Дональда П. Нэша, заявил вчера, что не потерпит актов вандализма, подобных тому, что случился этой ночью на месте строительства автомагистрали номер 784. Напомним, что ущерб, причиненный неизвестными злоумышленниками, составил почти сто тысяч долларов. По словам Уинтербергера, «в цивилизованных американских городах» подобное недопустимо. Виктор Уинтербергер выступал на ужине Американского легиона, и его речь была встречена бурной овацией.

«Такое порой случается и в других городах, — сказал Уинтербергер. — Свидетельством тому служат размалеванные и изуродованные автобусы, вагоны подземки и здания в Нью-Йорке, разбитые витрины магазинов и школьные окна в Детройте и Сан-Франциско, многочисленные случаи вандализма в музеях и картинных га-

лереях. Мы не имеем права позволить, чтобы величайшую в мире страну захватили гунны и прочие варвары».

Жители Гранд-стрит, разбуженные ночью взрывами, увидели, что на автостраде горят машины, и вызвали полицию, которая немедленно...

(Продолжение на странице 5)

Он свернул газету и положил ее на кипу затрепанных журналов. Стиральные машины равномерно гудели. Гунны. Варвары. Сами они гунны. Потрошители, бандиты, разрушители, изгоняющие людей из домов, уничтожающие их жизни с легкостью мальчика, ворошащего муравейник...

Дожидааясь, пока высохнет одежда, он уронил голову на грудь и задремал. Несколько минут спустя очнулся — ему почудилось, будто поблизости задребезжал колокольчик пожарной тревоги. Однако оказалось, что это всего лишь Санта-Клаус из Армии спасения, который расположился на углу перед входом в прачечную. Выходя с корзиной высушенной одежды, он выгреб из кармана всю мелочь и сунул ее в кружку Санта-Клауса.

— Благослови вас Господи, — напутствовал его Санта-Клаус.

25 декабря 1973 года

Около десяти утра его разбудил телефонный звонок. Он нашупал трубку на ночном столике, поднес ее к уху и услышал деловитый голос телефонистки:

— Примете звонок за ваш счет от Оливии Бреннер?

Поначалу он растерялся:

— Что? Кто? Я еще сплю.

Тут прозвучал отдаленный, неуловимо знакомый голос:

— Тыфу, чтоб тебя!..

Он тут же узнал и поспешно прокричал в трубку:

— Да! Соединяйте. — Неужели она повесила трубку? Он облокотился на подушку. — Оливия? Вы меня слышите?

— Говорите, — снизошла телефонистка.

— Оливия, где вы?

— Я здесь. — В трубке что-то трещало, но голос все равно казался безумно далеким.

— Я очень рад, что вы позвонили.

— А я не думала, что вы согласитесь принять мой звонок.

— Я только что проснулся. Так вы там? В Лас-Вегасе?

— Да, — сухо ответила она. Ему показалось, что слово вырвалось у нее с каким-то тупым безразличием, словно шепка, упавшая на цементный пол.

— Ну и как там у вас? Чем занимаетесь?

Оливия испустила душераздирающий вздох:

— Не здорово.

— Что случилось?

— На вторую... нет — третью ночь я познакомилась с одним парнем. Он пригласил меня на вечеринку, где я наширялась до одури... В полном отрубе была.

— Химия? — осторожно осведомился он, сознавая, что их могут подслушать.

— Химия? — эхом откликнулась она. — А что же еще? «Дурь». Да еще смешали ее с каким-то дерьмом... Вдобавок меня, кажется, еще и изнасиловали.

— Что? — переспросил он, надеясь, что ослышался.

— *Изнасиловали!* — завопила она. — Это то, что случается, когда ты назююкаешься вдребодан и ни хрена не понимаешь, кто в тебя что засовывает. По-

няли теперь? Или вы не знаете, что значит изнасилование?

— Знаю, — тупо ответил он.

— Ни хрена вы не знаете.

— Вам деньги нужны?

— А почему вы спрашиваете? Я же не могу с вами переспать по телефону. Даже подрочить не могу.

— У меня еще остались кое-какие деньги, — сказал он. — Я мог бы их вам выслать. Вот и все. Вот почему. У вас какой-нибудь адрес есть?

— Да, до востребования.

— Вы не снимаете жилье?

— Снимаю на пару с этим парнем. Только у нас все почтовые ящики взломаны. Но это фигня. Приберегите денежки для себя. У меня тут работенка имеется. А вообще-то плюну я на все и вернусь. Поздравьте меня с Рождеством.

— А что за работа?

— Гамбургерами в забегаловке торгую. В холле поставили автоматов, так посетители всю ночь напролет дергают за ручки и жрут гамбургеры. *Представляете?* По окончании смены приходится отмывать и оттирать эти ручки. Они все заляпаны маслом, майонезом и кетчупом. И видели бы вы, что за народ здесь! Жирные все как свиньи. Дочерна загорелые или обгоревшие на солнце. А трахают все подряд, кроме разве что мебели. Ко мне и мужики, и бабы пристают. Слава Богу, мой парень по сексуальной озабоченности соответствует кусту можжевельника, не то мне пришлось бы... Впрочем, какого хрена я вам все это рассказываю? Я вообще даже понять не могу, зачем вам позвонила. В конце недели получу жалованье и уеду на фиг отсюда.

— Побудьте там месяц, — услышал он свой голос как бы со стороны.

— *Что?* — изумленно спросила она.

— Не пасуйте так быстро. Если уедете сейчас, то потом всю жизнь будете сожалеть, что так и не выяснили, из-за чего так мечтали туда попасть.

— Слушайте, вы в регби играли? Держу пари, что да.

— Меня даже мячи подавать не подпускали.

— Значит, вы ни хрена не понимаете.

— Я размышляю, не наложить ли на себя руки.

— Вы даже не... Что вы сказали?

— Что размышляю, не наложить ли на себя руки. — Он произнес это с ледяным спокойствием. Его больше не волновало ни разделявшее их расстояние, ни то, что их могут подслушать люди из телефонной компании, Белого дома, ЦРУ или ФБР. — Я пытаюсь кое-что сделать, но ничего не выходит. Должно быть, потому, что я уже слишком стар. Несколько лет назад случилась одна неприятность, но тогда я даже не подзревал, как она на мне отразится. Думал, переживу как-нибудь. Однако с тех пор становилось только хуже и хуже. Я уже заболел по-настоящему.

— У вас рак? — спросила она шепотом.

— Похоже, что да.

— Вы должны обратиться к врачам, выяснить...

— Это душевный рак.

— У вас просто мания величия.

— Возможно, — сказал он. — Впрочем, это не важно. Маховик уже раскручен, и механизм запущен. Одно только меня сейчас по-настоящему беспокоит. Порой мне вдруг начинает казаться, что я просто персонаж некоего скверного романа, автор которого уже заранее предрешил, кто какую роль играет и чем дело кончится. Мне проще думать так, чем валить все на Бога — за что он меня так наказывает? Нет, дело в этом скверном писателе; это он во всем виноват. Это

он придумал, что мой сынишка погиб от опухоли мозга. Еще в первой главе. Самоубийство же, состоится оно или нет — ему место уже лишь перед самым эпилогом осталось. Совершенно идиотский роман. Дурнее некуда.

— Послушайте, — озабоченно произнесла она, — может, вам обратиться в какую-нибудь службу доверия...

— Там мне ничем не помогут, — ответил он. — Да дело и не в этом. Это я *вам* хочу помочь. Осмотритесь по сторонам, прежде чем решите все бросить и уехать. И с химией своей кончайте — вы ведь мне обещали...

— Нет, — перебила она. — Это только здесь так. В другом месте все будет иначе.

— Все места будут для вас одинаковы, пока вы сами не изменитесь. Когда вы сами относитесь к себе как к дерьму, вам и вокруг все дерьмом кажется. Поверьте — уж я-то это знаю. Газетные заголовки, даже рекламные щиты и плакаты — все мне кричат: «Смелей, Джорджи, вышиби себе мозги!» От всего этого сдохнуть можно.

— Послушайте...

— Нет, это *вы* послушайте! Спасайтесь, пока не поздно. Стареть — это все равно что ехать на машине по снегу, который с каждым ярдом все глубже и глубже становится. В конце концов вы увязаете по самую крышу, а колеса лишь беспомощно прокручиваются, буксуя на месте. И надеяться вам не на кого — никто вас не откапает. И это *жизнь*. Готовых рецептов вам не подарят. И ни один конкурс вы просто так не выиграете. И никто не будет сопровождать вас повсюду с камерой, чтобы запечатлеть каждый ваш шаг. Все только наблюдают, как вы барахтаетесь. *Вот* в чем закавыка. Понимаете?

— Но ведь вы даже не представляете, что *здесь* творится! — вскричала она.

— Верно. Но зато я слишком хорошо представляю, что творится здесь!

— Вы за мою жизнь не отвечаете.

— Я вам вышлю пятьсот долларов — на имя Оливии Бреннер, Лас-Вегас, почтамт, до востребования.

— Меня уже здесь не будет. Вам перешлют деньги назад.

— Нет, я не оставлю обратного адреса.

— Тогда лучше выбросьте их.

— Они вам пригодятся, чтобы найти работу по-лучше.

— Нет.

— Тогда используйте их вместо туалетной бумаги, — отрезал он и положил трубку. Руки его дрожали.

Пять минут спустя телефон зазвонил снова. Телефонистка спросила:

— Вы примете звонок...

— Нет, — перебил он и положил трубку.

В тот день телефон звонил еще дважды, но звонили уже другие люди.

Около двух часов дня Мэри позвонила ему от Боба и Джанет Престон, которые почему-то всегда напоминали ему Барни и Вильму Флинстон*. Как он себя чувствовал? Прекрасно. Соврал, конечно. Что соби-рался делать вечером? Сходить в ресторан — отведать индейку. Опять соврал. А не хочет ли он лучше при-ехать к Престонам? У Джанет осталась куча всяких вкусностей. Нет, он не голоден. Правда, как ни стран-но. Поскольку он был уже навеселе, то вдруг ляпнул, что приедет к Уолтеру. Мэри обрадовалась. Спросила только, знает ли он, что к Уолтеру каждый приходит с собственной выпивкой? Он ответил, что это и ежу

* Персонажи известного комедийного сериала «Семейка Флинстонов».

ясно, поскольку у Уолли иначе и не бывает, а она рас-
смеялась. Они распрощались, и он вернулся к неиз-
менному коктейлю перед телевизором.

Телефон зазвонил снова уже в половине восьмо-
го. К тому времени он был уже не просто навеселе, но
почти в стельку пьян.

— Д-да?

— Доус?

— Доусс, — еле выдавил он. — А эт-та х-хтоа?

— Это Мальоре, Доус. Сэл Мальоре.

Он заморгал, тупо уставившись на свой стакан.
Потом перевел взгляд на экран телевизора, где пока-
зывали какой-то дурацкий детектив про семейку, со-
бравшуюся в канун Рождества у постели умирающего
патриарха, в то время как кто-то поочередно убивал
их всех. В самый раз к Рождеству.

— Мистер Мальоре, — старательно выговорил
он. — С Рождеством вас, сэр! И наилучшие пожела-
ния в Новом году!

— Если бы вы только знали, как я страшусь его
наступления, Доус, — мрачно промолвил Мальоре. —
В 1974 году страну захватят нефтяные бароны. Иначе
и быть не может. Если не верите, посмотрите журнал
моих продаж за декабрь. Только вчера я продал рос-
кошный автомобиль «шевроле-импала» выпуска 1971
года всего за тысячу баксов. Представляете? За тыся-
чу! За один год цены рухнули на сорок пять процен-
тов. А вот «вегасы» того же года уходят за полторы ты-
сячи, а то и за тысячу шестьсот. А что такое «вегасы»,
по-вашему?

— Маленькие автомобильчики? — осторожно
спросил он.

— Жестянки из-под собачьих консервов! — заорал
Мальоре. — Консервные банки на колесах. Так вот, эта

дрянь у меня в минуты разлетается, а роскошный «шевроле-импала» причиняет убыток! А вы еще говорите — наилучшие пожелания в Новом году! О Господи Иисусе! Пресвятая Дева Мария! Старый Иосиф-плотник!

— Сейчас просто по времени принято поздравлять, — смущенно пояснил он. — Новый год на носу.

— Ладно, Доус, я вообще-то не за этим звоню, — усмехнулся Мальоре. — Я сам хочу вас поздравить.

— М-меня? — недоуменно переспросил он.

— Да. С вашим маленьким фейер-бах-бах-верком.

— А, вы имеете в виду...

— Не по телефону, Доус, спокойно.

— Ну да. Фейер-бах-бах-верк. Ха-ха! Ладно.

— Это ведь ваших рук дело, Доус?

— Вам бы и в дате собственного рождения не признался.

Мальоре громко расхохотался:

— Да, как это здорово. Вы *молодец*, Доус. Чокнутый, конечно, но хитрец. Это мне нравится. Люблю хитроумных людей.

— Спасибо, — сказал он и хитроумно опрокинул стакан с коктейлем себе на брюки.

— Заодно, Доус, я хотел вам сказать, что работы продолжают с опережением графика.

— *Что?*

Стакан, который он успел подобрать, вывалился из онемевших пальцев.

— У них все продублировано, Доус. Причем кое-что даже многократно. Конечно, им придется потратиться на приведение в порядок бухгалтерии, но в остальном все тип-топ.

— Быть не может.

— Чистая правда. Я хотел, чтобы вы это знали. Я же говорил вам, Доус, — *победить* в этой войне невозможно.

— Вы скотина! — взорвался он. — Вранье! Я вам не верю. Только на кой черт вам сдалось звонить мне в Рождество и пичкать своим враньем?

— Я говорю правду, Доус. Вам придется начать все сначала. И сейчас, и потом, и всегда.

— Я вам не верю.

— Эх, бедняга! — вздохнул Мальоре. Голос его звучал искренне, и это было хуже всего. — Боюсь, вам Новый год тоже радости не принесет.

И повесил трубку.

Так начались рождественские праздники.

26 декабря 1973 года

Словно в подтверждение слов Мальоре в тот же день он получил письмо от *них* (именно так он теперь рассматривал людей из городского управления — в виде личного местоимения, напечатанного курсивом, наподобие шрифта на афише фильма ужасов).

Он повертел белый конверт в руках, рассматривая его со смешанным чувством отчаяния, ненависти, страха, гнева и опустошенности от сознания своего поражения. Его так и подмывало разорвать конверт с письмом в клочья и выкинуть в снег не читая, но он сдержался. Вскрыл конверт, едва не разодрав его надвое, и вдруг осознал, что его обвели вокруг пальца. Оставили с носом. Поимели, грубо говоря. Он уничтожил их машины и бухгалтерскую отчетность, а они нашли всему замену. Это было все равно что сражаться в одиночку против всей китайской армии.

Я говорю правду, Доус. Вам придется начать все сначала. И сейчас, и потом, и всегда.

В другом конверте прибыло стандартное напоминание из Управления дорожных работ:

Дорогой друг!

Скоро наш большой кран доберется и до Вашего дома. Не пропустите это торжественное событие, и Вы увидите собственными глазами, КАК МЫ УЛУЧШАЕМ ВАШ ГОРОД!

Но это письмо пришло из городского управления и было адресовано лично ему. В нем говорилось вот что:

20 декабря 1973

Мистеру Бартону Д.Доусу,
Западная Крестоллен-стрит, 1241

Уважаемый мистер Доус!

Нам стало известно, что Вы последний из жильцов Крестоллен-стрит, кто еще не сменил места жительства. Надеемся, что никаких проблем с переездом у Вас не возникнет. Мы располагаем подписанной Вами формой номер 19642-А (ознакомлением с информацией о проведении дорожных работ в соответствии с проектом 6983-426-73-74-НС), однако до сих пор не получили от Вас подписанную форму о согласии на переезд (6983-426-73-74-НС-9004, синяя папка). Насколько Вам известно, мы не сумеем компенсировать Вам расходы, связанные с переездом и приобретением нового жилья, пока не получим от Вас эту форму. В соответствии с выпиской из налоговой ведомости за

1973 год стоимость Вашего дома, располагающегося по адресу: Западная Крестоллен-стрит, 1241, оценена в 63 500 долларов. Согласно действующему законодательству, Вы должны переехать на новое место жительства до 20 января 1974 года; в этот день на Западной Крестоллен-стрит начнутся работы по сносу старых домов.

Напоминаем также, что в соответствии с законодательством нашего штата (указ 19452-36), не выехав из своего дома до полуночи 19 января 1974 года, Вы преступите закон. Мы убеждены, что это Вам известно, однако считаем своим долгом напомнить, во избежание недоразумений.

Если у Вас возникли проблемы с переездом, звоните мне в течение рабочего дня или приезжайте лично. Я уверен, что мы с Вами обо всем договоримся, поскольку мы всегда готовы оказать Вам любое содействие. Позвольте в заключение поздравить Вас с Рождеством и пожелать счастливого Нового года.

Искренне Ваш,
От имени городского управления

ДТГ/тк

— Нет, — пробормотал он. — Не позволю.

Разорвав письмо на мелкие клочки, он выкинул обрывки в мусорную корзину.

В тот вечер, сидя перед телевизором, он вспоминал страшные события сорокадвухмесячной давности;

именно тогда они с Мэри впервые узнали, какую жестокую участь уготовил Бог их сынишке Чарли.

Фамилия доктора была Янгер. На дипломах в его кабинете вслед за фамилией шло долгое перечисление ученых степеней и регалий, но они твердо усвоили одно: доктор Янгер был крупным специалистом по заболеваниям мозга.

По приглашению Янгера они с Мэри в жаркий июньский день приехали к нему в больницу, где уже девятнадцать дней лежал Чарли. Их принял доктор Янгер, на вид лет сорока пяти, привлекательной наружности, крепкий и загорелый. А вот руки доктора Янгера просто заморозили его. Огромные и неуклюжие, они сновали по столу с неподражаемой легкостью и какой-то змеиной, даже чем-то отталкивающей грацией.

— У вашего сына опухоль мозга, — с места в карьер заявил доктор Янгер. Говорил он спокойно, почти без выражения, но глаза его следили за ними с такой настороженностью, будто он только что заложил под их стулья по фугасу.

— Опухоль, — тихо, почти безжизненно повторила Мэри.

— Насколько это серьезно? — спросил он Янгера.

Первые симптомы появились месяцев восемь назад. Головные боли — сначала изредка, затем все чаще и чаще. Потом у мальчика стало двоиться в глазах, особенно после физической нагрузки. Потом — Чарли стыдился этого особенно мучительно — он время от времени стал мочиться в постель по ночам. Однако они впервые показали его своему семейному врачу лишь после того, как Чарли временно ослеп на левый глаз; при этом всегда голубой глаз сделался совершенно багровым, как солнечный закат. Врач осмотрел ребенка и нашел еще кое-какие отклонения.

Вскоре после этого Чарли стал мерещиться запах апельсинов, иногда у него немела левая рука, а порой он неосознанно начинал нести полную околесицу или даже откровенную похабшину.

— Это серьезно, — сказал Янгер. — Вам следует подготовиться к худшему. Его опухоль неоперабельна.

Неоперабельна.

Это слово несколько лет эхом отдавалось в его ушах. Он никогда прежде не подозревал, что слова можно различать на вкус, однако у этого страшного слова имелся собственный вкус. Отталкивающий, но вместе с тем сочный, словно у недожаренного гамбургера, приготовленного из падали.

Неоперабельна.

По словам Янгера, где-то в глубине мозга Чарли угнездились плохие клетки; опухоль была размером с грецкий орех. Будь эта опухоль на столе, ее можно было бы раздавить одним щелчком. Однако беда заключалась в том, что эта пакость затаилась в самых недрах мозга мальчика, где медленно росла, вызывая новые и новые отклонения.

Как-то раз, еще до встречи с доктором Янгером, он пришел навестить Чарли в обеденный перерыв. Они беседовали о бейсболе, обсуждали шансы местной команды пробиться в плей-офф Американской лиги.

— Мне кажется, — сказал Чарли, — если их подающие ммммммм ммм ммм подающие ммммммм ммм ммм продержатся ммммм ммм ммм...

Он склонился вперед.

— Что, Фред? Я не понимаю, что ты говоришь.

Глаза Чарли закатились.

— Фред? — прошептал он, теряясь. — Фредди...

— *Проклятые гребаные обосранные нинни говновпен-дюришки!* — дико завопил его сын с больничной кой-

ки. На протяжении нескольких секунд с губ ребенка слетали самые грязные ругательства, пока он не потерял сознание.

— *СЕСТРА!* — завопил он. — *СКОРЕЕ, СЕСТРА! О ГОСПОДИ!*

Именно эти проклятые клетки принуждали Чарли говорить так. Жалкое скопление мерзких клеток величиной с грецкий орех. Однажды, по словам ночной сиделки, Чарли в течение пяти минут подряд выкрикивал слово *собакость*. Да, все дело в клетках...

— Вот посмотрите, — сказал им доктор Янгер в тот жаркий июньский день. Он развернул толстый рулон специальной бумаги и показал им запись волн, снятых с головного мозга их сына. Для сравнения доктор предъявил им также энцефалограмму здорового мозга, но она не понадобилась. Рассматривая то, что творилось в мозгу Чарли, он вновь ощутил во рту этот мерзкий и сочный вкус. На бумажной ленте беспорядочно чередовались острые горные пики (словно понатыканные кинжалы) и глубокие долины.

Неоперабельна.

Если бы эти клетки выросли в наружной части мозга, хватило бы и мелкой операции. Но эта опухоль размером с грецкий орех выросла очень глубоко и продолжает увеличиваться с каждым днем. Вмешательство с помощью скальпеля, лазера или криохирургия могут временно продлить жизнь. Точнее — бессознательное существование. Без хирургического вмешательства гроб для Чарли придется заказывать уже совсем скоро.

Все это доктор Янгер изложил в общих чертах, порой сбиваясь на медицинские термины, значения которых они не понимали, да и не пытались понять. В первое мгновение в голове его вихрем пронеслась непростительная, предательская мысль: *Слава Богу* —

это не со мной. Тут же вернулся странный вкус, а с ним пришло безутешное горе.

Сегодня грецкий орех, а завтра — весь мир. Ползучая неизвестность. Умиравший малыш. Беда, в которую сердце отказывается верить.

Чарли умер в октябре. Слов прощания он не говорил. Последние три недели мальчик не выходил из комы.

Он тяжело вздохнул и отправился в кухню готовить себе коктейль. Темная ночь по-кошачьи беззвучно прокралась в окна. Без Мэри дом казался вконец опустевшим. Он повсюду то и дело натывался на собственное старье — выцветшие фотографии, рваный спортивный костюм, стоптанные тапочки под комодом. Черт знает что.

После смерти Чарли он уже никогда больше его не оплакивал; даже на похоронах ни слезинки не пролил. А вот Мэри рыдала, почти не переставая. Порой ему казалось, что она целыми неделями напролет ходит с заплаканными глазами. Но в конце концов оказалось, что именно она нуждается в исцелении.

Смерть Чарли потрясла ее, это было очевидно. Мэри прежняя и настоящая различались разительно. Раньше она притрагивалась к спиртному лишь в том случае, если это было необходимо для его карьеры. Со слабеньким коктейлем в руке могла просидеть целый вечер. Лишь простудившись, позволяла себе пропустить стаканчик горячего грога на ночь. И все. Но вот после смерти их сына Мэри не только составляла ему компанию по возвращении с работы, но потом выпивала еще и на сон грядущий. Быть может, в иных семьях пьют и побольше, но перемены были налицо. Прежде Мэри редко плакала по пустякам. Потеряв Чарли, она стала плакать часто, хотя и старалась, чтобы этого

не замечали. Из-за любой ерунды. По случаю сгоревшего ужина. Из-за прокола шины. Бытовой аварии. И так далее. Раньше она увлекалась музыкой — фольклорной и блюзами, — любила Ван Ронка, Гэри Дэвиса, Тома Раша, Тома Пакстона, Спайдера Джона Кернера. После — интерес к музыке угас. Она перестала говорить о путешествии в Англию, о котором столько мечтала. Стала реже посещать парикмахерскую, предпочитая укладывать волосы сама; он часто теперь видел, как она сидит перед телевизором с волосами, накрученными на бигуди. И их друзья сочувствовали главным образом ей — вполне оправданно, по его мнению. Ему тоже было жалко себя, но он хранил это в тайне. Вполне возможно, что всеобщее сочувствие в конце концов и спасло ее. Позволило избежать мучительных, сводящих с ума раздумий, из-за которых он порой долго не мог заснуть после того, как она уже давно спала, убаюканная вечерним коктейлем. Мэри спала, а он все размышлял, как могло случиться, что горсточка клеток размером с грецкий орех могла отнять у них единственного ребенка.

Он никогда не осуждал Мэри за то, что она сумела исцелиться. Она тоже познала все муки ада, сидя у постели Чарли. И все же ей удалось спастись. У нее было До, она прошла через Ад, у нее было После, а потом даже и После-После; именно тогда она возобновила членство в двух из четырех клубов, занялась макраме (у него был пояс, который она смастерила ему год назад, — чудесная штукавина с тяжелой серебряной пряжкой и монограммой ДДБ), заболела мыльными операми и не пропускала ни одного шоу с участием Мерва Гриффина.

А что теперь? — думал он, возвращаясь в гостиную. После-После-После? Да, похоже. Из пепла, который он столь грубо разворошил, восстала совершен-

но новая женщина, цельная личность. А вот у него вся душа была иссечена шрамами и плохо зарубцевавшимися, то и дело снова начинавшими кровоточить ранами. Долгими бессонными ночами он исследовал свои раны, раскладывая их по полочкам и систематизируя с увлеченностью человека, постоянно разглядывающего собственные испражнения в поисках следов крови. Как он мечтал, чтобы Чарли участвовал в турнире юных бейсболистов! Как хотел вести таблицу, учитывать выигранные очки. Его так и подмывало напомнить Чарли, чтобы тот навел порядок в комнате. Он снова и снова хотел беспокоиться по поводу мальчиков и девочек, с которыми Чарли водил дружбу, хотел знать обо всех тайных заботах сына. Он хотел знать, каким станет его сын, когда вырастет; хотел знать, останутся ли у них те же близкие отношения, которые загубила опухоль размером с грецкий орех; опухоль, вторгшаяся между ними и разлучившая их подобно роковой женщине.

— *Он был твоим сыном!* — сказала Мэри.

Да, она была права. Отец с сыном были настолько близки, что даже называть друг друга собственными — разными — именами казалось диким. Вот так они и стали Джорджем и Фредом, братьями-неразлучниками.

Если горстка клеток размером с грецкий орех могла уничтожить все это, самое святое и настолько сокровенное, что в его существовании нельзя было признать даже самому себе, то что вообще после этого осталось? Как можно кому-то доверять в этой жизни? И как после этого можно относиться к команде уничтожения, разрушившей их жизнь и уже подбиравшейся вплотную к их дому?

Все это скопилось и наболело у него внутри, но он совершенно искренне не понимал, что именно эти

мысли в конце концов и произвели в нем необратимую перемену. А теперь они рвались наружу подобно зловонной рвотной массе, извергаемой из чрева на кофейный столик. Что же тогда жизнь? Если все это только игра, настольные гонки, то разве не правильно будет броситься под колеса? Но что потом? Ведь жизнь всего лишь прелюдия. Прелюдия к аду.

Вдруг он заметил, что вернулся в гостиную с пустым стаканом; он осушил его еще в кухне.

31 декабря 1973 года

Он был уже в двух кварталах от дома Уолли Хамнера, когда, сунув руку в карман в поисках мятных пастилок, не обнаружил их там. Зато пальцы нащупали пакетик из алюминиевой фольги, матово поблескивавший при свете приборного щитка его «ЛТД». Он озадаченно воззрился на пакетик и уже хотел было отправить его в пепельницу, когда вдруг вспомнил, что это такое.

Словно наяву он услышал голос Оливии: *Синтетический мескалин. Чистейший. Лучшее из всего, что на свете есть.*

А ведь он начисто забыл о его существовании.

Сунув пакетик в карман, он вырулил на улицу, где жил Уолли. По обеим сторонам улицы выстроились вереницы автомобилей. Что ж, это было вполне в духе Уолли — приглашать чертову уйму гостей. «Принцип неизбежного удовольствия» — так он его окрестил. Уолли божился, что когда-нибудь непременно запатентует свою идею и приложит к ней подробную инструкцию для пользователей. Принцип Уолли Хамнера заключался в том, что, собрав вместе достаточное число людей, вы неизбежно получите удовольствие —

иначе просто быть не может. Как-то раз, когда Уолли распинался об этом в каком-то баре, он упомянул толпу линчевателей. «Вот-вот, — тут же нашелся Уолтер. — Барт лишний раз подтвердил мою правоту».

Он неожиданно попытался представить, чем сейчас занимается Оливия. Перезванивать она больше не пыталась — в противном случае он бы оттаял и принял звонок. Может, она все-таки задержалась в Вегасе, получила его деньги и махнула... Куда? В штат Мэн? Может ли человек в здравом уме променять Лас-Вегас на Мэн посреди зимы? Нет, конечно.

Синтетический мескалин. Чистейший. Лучшее из всего, что на свете есть.

Он остановил машину у бордюра позади красного «ягуара» с черными полосками и выбрался на тротуар. Небо было ясное, но вот стужа стояла одуряющая. Холодная луна висела над головой, словно бумажный кружок, вырезанный ребенком из книжки. Звезды усыпали ночное небо, как веснушки — детскую мордашку. Слизь в ноздрах затвердела, и он высморкался со странным хрустящим звуком. Воздух белыми клубами вырывался изо рта и носа.

Музыка шибанула ему в уши уже за три дома от дома Уолтера. Да, народ веселился напропалую. В вечеринках Уолли и впрямь было нечто особенное. Люди, заскакивавшие из вежливости на минутку сказать «здравствуйте», оставались с развеселой толпой, гуляли до утра и зачастую, теряя голову, упивались в стельку. Женщины самозабвенно кокетничали, в кухне и прочих укромных уголках жались парочки, а во всех остальных комнатах гремела музыка, отплясывали люди и спиртное лилось рекой. Уолли каким-то непостижимым образом ухитрялся будить в своих гостях тягу к беззаветному веселью. Не специально, нет, а в силу одного лишь того, что был Уолли. Ну и разу-

меется, никакая вечеринка не могла сравниться с празднованием Нового года.

Он машинально окинул взглядом вереницы автомобилей, высматривая бутылочно-зеленую «Дельту-88» Стивена Орднера, но так ее и не обнаружил.

Он уже подходил к дому, когда хриловатый голос Мика Джаггера затянул:

О-о-о-о, дети...
Это просто поцелуй,
Самый нежный поцелуй...

Все окна в доме ослепительно сияли — начхать на энергетический кризис, — за исключением, конечно, окон гостиной, где парочки сейчас наверняка кружились в медленном танце, целуясь и тайком лаская друг друга.

Перекрывая мощные динамики, из дома доносились сотни голосов; как будто Вавилонское столпотворение произошло всего мгновение назад.

Он подумал, что, будь сейчас лето (или даже осень), было бы даже занятно постоять снаружи, прислушиваясь к этому пандемониуму. И вдруг он с ужасающей ясностью увидел, как стоит на аккуратно подстриженной лужайке перед домом Уолли Хамнера и держит в руках рулон бумаги с записью электроэнцефалограммы; вся бумага испещрена неправильными пиками и ямами поврежденной мозговой функции: картина снята с огромного, пораженного опухолью Мозга Вечеринки...

Содрогнувшись, он засунул озябшие руки в карманы пальто. Правая рука снова нащупала пакетик из алюминиевой фольги, и он, внезапно охваченный любопытством, вынул его. Развернул прямо здесь, на морозце, покусывавшем тупыми зубами кончики пальцев. В пакетике оказалась маленькая фиолетовая таб-

летка, которая вполне могла бы уместиться на любом его ногте. Иными словами, она была несравненно мельче грецкого ореха. Неужто такая крохотулька могла сделать человека временно безумным, заставить грезить наяву, галлюцинировать? То есть имитировать состояние мозга его смертельно больного сына?

Спокойно, почти рассеянно, он сунул таблетку в рот. Она была безвкусная. Он ее проглотил.

— *БАРТ!* — закричала женщина. — *БАРТ ДОУС!* — На женщине было черное вечернее платье с оголенными плечами, в руке она держала коктейль. Темные волосы были уложены в красивую прическу и скреплены заколкой, усыпанной искусственными бриллиантами.

Он вошел в дом через кухонную дверь. В кухне было душно и многолюдно. А ведь было еще только полдевятого; Эффект Прибоя еще не начался. Эффект Прибоя тоже был частью теории Уолтера; он считал, что по ходу вечеринки люди постепенно расходятся по четырем углам дома. Если верить Уолли, то как-то раз он обнаружил одного из гостей в мансарде почти через сутки после завершения вечеринки.

Между тем женщина в черном платье поцеловала его в губы, прижавшись пышным бюстом к его груди. Несколько капель martinи выплеснулись при этом на пол между ними.

— Привет, — поздоровался он. — Вы кто?

— Я Тина *Ховард*, Барт. Ты что, забыл, как мы в поход ходили? — Она погрозила ему пальцем, увенчанным длинным ногтем в форме наконечника пики. — *ГАДКИЙ МАЛЬЧИШКА!*

— Ах, Тина! — обрадовался он. — И верно — теперь я тебя узнал! — Он расплылся до ушей. Этим тоже славилась вечеринка Уолтера: люди из твоего

прошлого то и дело объявлялись здесь, словно старые фотографии. Мальчишка с соседского двора; девушка, с которой ты едва не переспал в колледже; парень, с которым тебе довелось поработать как-то летним месяцем лет восемнадцать назад.

— Но только теперь меня зовут Тина Ховард Уоллес, — кокетливо прошептала она. — И я здесь с мужем... Где-то он тут был неподалеку. — Она посмотрела по сторонам, пролила еще немного коктейля и поспешно осушила стакан, пока в нем хоть что-то оставалось. — Какой КОШМАР — я его, кажется, потеряла!

Она устремила на него призывный взгляд, и Барт недоверчиво вспомнил, что именно Тина впервые познакомила его с женской плотью. Это было сто девять лет назад, когда, по окончании школы, их класс отправился в поход. Тогда он гладил ее грудь через тонкую блузку возле...

— Бобровый ручей, — громко произнес он.

Она захихикала и зарделась.

— Да, вижу, ты не забыл.

Его взгляд машинально скользнул по ее груди, и Тина звонко рассмеялась. Он смущенно улыбнулся.

— Похоже, время уходит быстрее...

— Барт! — выкрикнул Уолли Хамнер, перекрывая гул голосов. — Привет, дружище! Я страшно рад, что ты сумел к нам выбраться!

Он протиснулся через толпу к Уолли и пожал его вытянутую руку. Уолли ответил крепким рукопожатием.

— Вижу, вы уже встретились с Тиной Уоллес.

— Да, вспомнили былое, — ответил он и снова смущенно улыбнулся, глядя на Тину.

— Только не вздумай рассказать моему мужу, проказник, — хихикнула Тина. — Извините, ребята, я вас оставлю. Еще увидимся, Барт?

— Конечно.

Она обогнула кучку людей, сгрудившихся вокруг стола с закусками, и вошла в гостиную. Проводив ее взглядом, он спросил:

— Откуда ты их выкапываешь, Уолтер? Это первая девчонка, с которой мы обжимались. Я просто глазам своим не поверил, когда узнал ее.

Уолтер скромно пожал плечами.

— Это одна из составных частей «Принципа неизбежного удовольствия», дружище Бартон. — Он кивком указал на бумажный пакет, зажатый у Барта под мышкой: — А это у тебя что?

— «Южный комфорт». Надеюсь, севен-ап у тебя найдется?

— Найдется, — кивнул Уолли, поморщившись. — Неужто ты собираешься пить эту тюленью мочу? Мне всегда казалось, что ты предпочитаешь виски.

— Наедине с самим собой я пью только «Южный комфорт» с севен-апом. Жизнь научила.

Уолли усмехнулся.

— Тут где-то была Мэри. Она уже давно тебя ждет. Налей себе выпить и пойдем на поиски.

— Хорошо.

Он снова двинулся через кухню, здороваясь с людьми, которых едва знал и которые отвечали ему недоуменными взглядами, а также отвечая «привет» и «здравствуйте» людям, которых точно не знал, но которые здоровались с ним первыми. В воздухе висел сизый туман сигаретного дыма. Со всех сторон доносились бессмысленные обрывки разговоров, словно голоса ведущих ночных радиостанций.

...но у Фредди с Джимом не оказалось при себе расписания, и мне пришлось...

...сказала, что у него недавно умерла мать, а сам он скоро сойдет, если не остановится...

...а когда соскреб краску, то увидел, что вещица и в самом деле старинная...

...я от этих коммивояжеров уже на стенку лезу...

...совсем рассорились. Но не разводятся из-за детишек, хотя он и пьет как лошадь...

...платье просто обалденное!

...так нализался, что блеванул прямо на бедную официантку...

Перед плитой и раковиной возвышался длинный стол, сплошь уставленный початыми и полными бутылками, стаканами и рюмками всевозможных размеров. Пепельницы уже были доверху заполнены окурками. В раковине теснились три серебряных ведерка со льдом. Над плитой красовался плакат с изображением Ричарда Никсона в здоровенных наушниках. Конец провода от наушников исчезал в ослиной заднице. Подпись гласила:

А ВОТ МЫ СЛУШАЕМ ЛУЧШЕ!

Слева от него какой-то мужчина в мешковатых брюках и с напитком в каждой руке (в левой он держал стакан с виски, а в правой кружку, до краев наполненную пивом) громогласно рассказывал анекдот:

— И вот приходит этот парень в бар, а рядом с ним на стойке сидит мартышка. Ну, он заказал себе пива, а потом спрашивает: «Это чья обезьяна?» «Пианиста», — отвечает бармен. «Славная скотинка», — говорит он...

Он привычно смешал себе «Южный комфорт» с севен-апом и обернулся, высматривая Уолли, но тот уже поспешил к дверям встречать новоприбывших гостей — совсем молодую пару. Мужчина был в шоферской кепке со вздернутыми на темя круглыми очками и шоферском же плаще. На спине у него было написано:

ГОНИ ВО ВЕСЬ ОПОР!

Раздался взрыв хохота. Он наострил уши.

— ...и тут он подходит к пианисту и спрашивает: «Вы знаете, что ваша чертова обезьяна только что напрудила в мое пиво?» «Нет, не знаю, — отвечает пианист. — Но если вы напоете мне какую-нибудь мелодию, я ее мигом подхвачу».

Вокруг так и покатались со смеху. Довольный рассказчик залпом опрокинул в себя виски и тут же принялся запивать его пивом.

Кто-то поставил пластинку с записями рок-н-ролла 50-х годов, и пар пятнадцать уже лихо и неумело скакали под гремющую музыку, потешно выбрасывая ноги. Он разглядел Мэри, которая отплясывала с высоким и стройным мужчиной; он знал его, но вспомнить имя никак не мог. Джек? Джон? Джейсон? Он потряс головой. Бесполезно — совсем из головы вылетело. На Мэри было вечернее платье, которого он прежде не видел. С пуговицами на боку и узким разрезом, приоткрывавшим затянутую в нейлон ногу чуть выше колена. Он ожидал, что испытает укол ревности или хотя бы щемящее чувство потери, но так и не дождался. Он пригубил свой напиток.

Мэри повернула голову и заметила его. Он небрежно отсалютовал ей пальцем, как бы давая понять: *Закончи танец*, но Мэри тут же остановилась и направилась к нему, увлекая за собой своего партнера.

— Я рада, что ты пришел, Барт, — сказала она, повышая голос, чтобы перекричать гул голосов, смех и музыку. — Помнишь Дика Джексона?

Барт кивнул, протянул руку и обменялся с Диком крепким рукопожатием.

— Помнится, вы с женой одно время жили на нашей улице. Лет пять... нет, даже семь лет назад. Да?

Джексон кивнул:

— Да, а сейчас мы в Уиллоуде обитаем.

— Что ж, прекрасно. А работаете на прежнем месте?

— Нет, теперь у меня свой бизнес. Служба доставки. Два грузовика. Кстати, если вашей прачечной нужно что-нибудь перевозить в дневное время... Порошки там стиральные или еще что...

— Я там больше не работаю, — прервал он Джексона, а краешком глаза заметил, что Мэри вздрогнула и поморщилась, словно кто-то случайно задел ее болезненное место.

— Вот как? А чем вы теперь занимаетесь?

— Я сейчас сам у себя на службе, — ухмыльнулся он. — А вы ненароком не участвовали в забастовке независимых транспортников?

Лицо Джексона, уже побагровевшее от поглощенного спиртного, потемнело еще больше.

— Вы в самую точку попали. Я лично одного штрейкбрехера проучил. Знаете, сколько эти козлы из Огайо сейчас за дизельное топливо дерут? Тридцать один и девять десятых! У меня прибыль мигом с двенадцати процентов до девяти упала. А из этих денег еще за обслуживание грузовиков платить надо. Не говоря уж об этом идиотском ограничении скорости...

Он продолжал распинаться о трудностях, которые преследуют независимых транспортников в стране, пораженной энергетическим кризисом, а Барт слушал, кивал и потягивал свой коктейль. Мэри извинилась перед мужчинами и отправилась в кухню за стаканом пунша. Молодой парень в шоферском костюме отплясывал чарльстон под старую песенку «Эверли Бразерс», а сгрудившиеся вокруг него зрители громко аплодировали и смеялись.

Подошла жена Джексона, пышногрудая рыжеволосая женщина крепкого телосложения; Джексон по-

знакомил их. Она уже явнохватила лишку и теперь стояла, ословело глядя перед собой и пьяно покачиваясь. Поздоровавшись с ним за руку, она икнула и, бессмысленно улыбаясь, пробормотала:

— К-кажется, я сейчас б-блевану. Где тут у них туалет?

Джексон проводил ее. Мэри что-то не возвращалась. Должно быть, кто-то пристал к ней с болтовней.

Он запустил руку во внутренний карман, достал сигареты и закурил. В последние годы он курил только на вечеринках. Он гордился, что сумел одержать над собой эту победу, ведь прежде, выкуривая три пачки в день, он был первым кандидатом в пациенты онкологов.

Он выкурил уже полсигареты, не сводя глаз с кухонной двери, когда, случайно потупив взор, заметил, до чего у него занятные пальцы. Каким-то образом указательный и средний пальцы правой руки знали, как держать сигарету, словно всю жизнь только это и делали.

Мысль эта показалась ему настолько потешной, что он улыбнулся. Некоторое время спустя он обратил внимание, что вкус во рту изменился. Не в худшую сторону, нет, но явно изменился. Да и слюна, казалось, загустела. А вот ноги... ноги слегка подергивались, словно только и дожидались приглашения пуститься в пляс. Более того, ему почему-то казалось, что лишь после танца ноги прекратят дрыгаться и снова станут обычными ногами, к которым он привык...

А вот следующая мысль его слегка напугала. Ему вдруг почудилось, что он потерялся в каком-то огромном и незнакомом дворце, а теперь поднимался по высокой *хр-рр-рустальной* лестнице...

Ага, наверное, это таблетка Оливии начала действовать, догадался он. А забавно прозвучало это сло-

во — хрустальной, верно? *Хр-рр-рустальной* — трескучий такой звук, раскатистый, хрустящий, словно при движении застежки-молнии на костюме стриптизерши.

Он довольно улыбнулся и посмотрел на сигарету, которая вдруг стала удивительно белой, удивительно круглой, самым удивительным образом символизируя американский табак и американское процветание. Ведь только в Америке делают такие вкусные сигареты. Он затаился. Восхитительно! Да, мескалин начал действовать. Оливия была права. Похоже, он уже улетал. Знали бы люди, что он думал по поводу слова *хрустальный* (вернее — *хр-рр-рустальный*), они бы наверняка сказали, качая головами: *Ну дает парень! У него точно крыша поехала*. Крыша поехала. Тоже забавное выражение. Он вдруг пожалел, что рядом нет Сэла Мальоре. Они бы с Циклопом Сэлом классно провели время. Про делишки мафии потолковали бы. Про старых потаскух. Он словно воочию увидел, как они сидят с Мальоре в небольшом итальянском ristorante, едят спагетти и слушают музыку из «Крестного отца». И все в красках — роскошных и сочных. В них можно было окунуться и плескаться, словно в ванне с пеной.

— *Хр-рр-рустальный*, — смачно произнес он и ухмыльнулся. Странно, он сидел и грезил тут едва ли не целую вечность, а вот пепла на кончике сигареты не прибавилось. Он поразился. Затаился еще разок.

— Барт?

Он поднял глаза и увидел Мэри. Она принесла тарелочку с канapé. Он улыбнулся.

— Присаживайся, Мэри. Это мне?

— Да. — Она протянула ему тарелочку. Бутербродик, намазанный чем-то розовым, был треугольной формы и совсем крохотный. С чем же он? Вдруг ему пришло в голову, что Мэри страшно испугалась бы, узнав, что он «наширялся», как выразилась бы Оли-

вия. Могла бы «скорую помощь» вызвать, а то и полицию. Или еще черт знает кого. Нужно вести себя нормально, чтобы она не догадалась. Однако от одной этой мысли он вдруг почувствовал себя совсем странно.

— Я его позже съем, — возвестил он и опустил канapé в карман рубашки.

Глаза Мэри поползли на лоб.

— Барт, ты пьян?

— Немножко, — признал он. Он видел поры на ее лице. Прежде почему-то никогда их не замечал. Господи, сколько дырочек! Как будто Господь был пекарем, а лицо Мэри — пасхальной мацей. Он невольно хихикнул, а увидев, что Мэри нахмурилась, поспешил добавить: — Ты только никому не говори!

— Про что? — озадаченно спросила она.

— Про «дурь».

— Барт, что за околесицу ты несешь?

— Мне нужно в туалет, — объяснил он. — Я скоро вернусь.

Он ушел не оглядываясь, но спиной чувствовал ее взгляд.

Оборачиваться нельзя — возможно, тогда она не догадается. Ведь в этом лучшем из миров все возможно — даже хр-рр-рустальные лестницы. Он улыбнулся с нежностью. Слово это стало ему близким другом.

Путешествие в ванную каким-то образом превратилось для него в настоящую одиссею. Звуки вечеринки слились в невероятную какофонию, причем звук то усиливался, то исчезал, а потом, вновь возникая, приобретал стереофоническое звучание. Встреча знакомых, как ему казалось, людей, он лишь что-то бормотал себе под нос и, не желая вступать в разговор, указывал на свой лобок, улыбался и продолжал путь. Его провожали озадаченными взглядами.

И почему не бывает вечеринок, где присутствуют одни незнакомцы? — огорченно спрашивал он себя.

Туалет оказался занят. Прождав несколько часов (как ему показалось) снаружи, он наконец попал туда, но помочиться никак не мог. Стена за унитазом пульсировала на три такта. На случай, если кто-нибудь за дверью подслушивал, он спустил воду, хотя опорожнить мочевой пузырь так и не сумел. Вода была почему-то зловеще розовой, словно последний посетитель писал кровью. Черт знает что!

Покинув туалет, он мигом погрузился в приятную обстановку вечеринки. Лица плавали вокруг, словно воздушные шары. Музыка была изумительная. Элвис Пресли. Славный старина Элвис! Давай, Элвис, жарь! Вмажь им, бродяга!

Откуда-то выплыло и повисло прямо перед ним участливое лицо Мэри.

— Барт, что с тобой?

— Что со мной? Да ничего. — Он был растерян, в полном недоумении. Произносимые им слова зримо повисали в воздухе, словно нарисованные нотные значки. — У меня галлюцинации, — громко сказал он, обращаясь при этом сам к себе.

— Господи, Барт, что ты принял? — Мэри была уже всерьез напугана.

— Мескалин, — ответил он.

— О Боже! *Наркотик! Но почему, Барт?*

— А почему бы и нет? — переспросил он, не в состоянии придумать ничего более подходящего. Слова опять вылетали в виде нотных знаков, но только теперь они уже были с флажками.

— Хочешь, я отвезу тебя к врачу?

Он удивленно поднял голову и посмотрел на Мэри, взвешивая ее слова и пытаясь определить, нет ли в них скрытого смысла; припомнил фрейдистские

толкования. Неожиданно он хихикнул и тут же воочию увидел, как изо рта опять вылетают музыкальные ноты, хр-рр-рустальные кружочки на параллельных линиях и между ними.

— А зачем мне врач? — спросил он, тщательно подбирая слова. Вопросительный знак повис в воздухе в виде ноты-четверти. — Все именно так, как она и сказала. Особой жути нет. Но любопытно.

— Кто? — требовательно спросила Мэри. — Кто тебе сказал? И где ты достал наркотик?

Лицо ее стало на глазах меняться, в нем появилось что-то ящероподобное. Даже кожа сделалась чешуйчатой, как у рептилий.

— Это не важно, — испуганно отмахнулся он. — И вообще — оставь меня в покое! Что привязалась-то? Я ведь к тебе не пристаю.

Ее лицо вновь изменилось, и он узнал прежнюю Мэри, но только обиженную и огорченную. Ему стало стыдно. А веселье вокруг кипело по-прежнему.

— Ну хорошо, Барт, — сказала она. — Над собой ты можешь издеваться как хочешь — дело твое. Но только об одном тебя прошу: меня не позорь, ладно? Ты можешь мне хоть это обещать?

— Ну к-конечно...

Однако Мэри не дождалась его ответа. Она повернулась к нему спиной и, больше не оборачиваясь, ушла в кухню. Ему было жаль ее, но вместе с тем он почувствовал облегчение. А вдруг кому-то еще вздумается поговорить с ним? Они ведь тоже поймут. В таком состоянии нормально общаться с людьми он не мог. Наверное, не сумеет даже толком пьяным прикинуться.

— Чер-рр-рт знает что, — произнес он, слегка грустия. На этот раз все нотные знаки выстроились в одну линию, причем каждая нота была с флажком.

Что ж, лично он не против, чтобы эти ноты хоть всю ночь напролет порхали. Но только не здесь, где любой мог подойти к нему и потребовать объяснений. Нет, он должен уединиться, причем в таком месте, где можно спокойно прислушиваться к своим мыслям. Здесь, на вечеринке, все равно что возле водопада. Как тут думать под такой грохот? Нет, нужно найти тихую заводь. Где разве что радио играет. Он вдруг подумал, что под музыку ему думалось бы легче. А думать было о чем. Много накопилось.

Он заметил, что люди уже начали поглядывать в его сторону. Должно быть, Мэри проболталась. *Ах, я так обеспокоена. Барт наглотался мескалина.* Наверняка они теперь все об этом шушукаются. Притворяются, что танцуют, пьют и беззаботно болтают, а на самом деле следят за ним и шепчутся. Он это сразу понял. Вернее, так — ср-р-разу.

Мимо него, пошатываясь, брел незнакомый мужчина со здоровенным стаканом в руке. Он схватил его за пиджак и хрипло зашептал:

— Что они говорят про меня?

Незнакомец ядовито улыбнулся ему в лицо, обдав его волной перегара.

— Я это запишу, — пробормотал он и пошел дальше.

Наконец (он и сам не мог судить, сколько времени спустя) он добрался до кабинета Уолтера Хамнера. Прикрыл за собой дверь и вздохнул с облегчением — шум вечеринки сюда почти не доносился. Он был уже порядком напуган. Таблетка не только действовала по-прежнему, но эффект от ее воздействия с каждой минутой усиливался. Ему показалось, что гостиную он пересек, не успев и глазом моргнуть, в мгновение ока миновал спальню, а уж приходящая и во-

все промелькнула незамеченная. Цепь нормального бытия распалась на отдельные звенья, каждое из которых существовало словно само по себе. Время тоже распалось. От его ощущения времени не осталось и следа. А вдруг оно так и не восстановится? Вдруг он навсегда останется таким? Ему пришло в голову, что не мешало бы заснуть и проспаться, но он не был уверен, что сумеет. Да и потом, кто знает, какие кошмары могут привидеться ему во сне? И черт его дернул принять эту таблетку! Разве можно сравнить это состояние с обычным опьянением или похмельем? Тогда всегда остается хоть какой-то дежурный уголок, недоступный действию алкоголя. А теперь? Теперь он весь во власти этого чудовищного дурмана.

Здесь, в кабинете, ему было лучше. Может, он сумеет взять себя в руки и прийти в чувство? Но даже в крайнем случае, если совсем вырубится...

— Приветик!

Он испуганно подпрыгнул и посмотрел в угол. Там на стуле с высокой спинкой сидел у книжного шкафа какой-то незнакомый мужчина. На коленях он держал раскрытую книгу. А мужчина ли это? В кабинете горела только настольная лампа, стоявшая на журнальном столике слева от незнакомца. Его лицо почти целиком находилось в тени, глаза напоминали черные впадины, а щеки были изборозжены глубокими язвительными морщинами. На мгновение ему почудилось, что перед ним сидит сам Сатана. Однако в следующий миг незнакомец встал, и он с облегчением убедился, что это обычный человек. Довольно высокий, лет шестидесяти, с голубыми глазами и перебитым носом. Странно, но ни в руке мужчины, ни поблизости не было стакана или рюмки с выпивкой.

— Еще одна блуждающая звезда, — улыбнулся незнакомец, протягивая руку. — Фил Дрейк.

— Бартон Доус, — представился он, еще не придя в себя от испуга. Они пожали друг другу руки. Ладонь Дрейка была высохшая, и кожа на ней сморщилась — возможно, от ожога. Но он пожал ее без отворачивания. *Дрейк*. Фамилия показалась ему неуловимо знакомой, но он не мог вспомнить, где слышал ее раньше.

— У вас все в порядке? — участливо спросил Дрейк. — Вы выглядите...

— Я навеселе, — признался он. — Принял мескалин и теперь летаю. — Он окинул взглядом книжные полки, которые вдруг стали причудливо выпячиваться и пульсировать. Это ему не понравилось. Пульсация книжных полок напоминала работу какого-то уродливого сердца. Ему совершенно не хотелось на такое смотреть.

— Понимаю, — кивнул Дрейк. — Присядьте, пожалуйста. Расскажите мне про ваши ощущения.

Он посмотрел на Дрейка, немного удивленный, но затем вдруг испытал колоссальное облегчение. Присел напротив.

— А вы смыслите в мескалине? — спросил он.

— Немного. Совсем немного. Я, видите ли, держу кофейню в самом центре города. Детишки частенько с улицы забредают. Под кайфом... У вас интересные ощущения? — вежливо осведомился он.

— И да и нет, — покачал головой он. — Это довольно... тяжело.

— Понимаю, — кивнул Дрейк.

— Я здорово струхнул. — Кинув взгляд в окно, он вдруг увидел снаружи длиннющую воздушную автостраду, простирающуюся в бесконечные небеса. Он потупился и невольно провел языком по пересохшим губам. — Скажите... долго это обычно продолжается?

— А когда вы «упали»?

— Упал? — недоуменно переспросил он. Слово это вырвалось у него изо рта отдельными буквами, которые одна за другой свалились на ковер и с шипением растворились.

— Когда вы приняли таблетку?

— А... примерно в половине девятого.

— Так, а сейчас... — Дрейк кинул взгляд на часы. — Без четверти десять.

— Без четверти *десять*? *Только-то*?

— Вы утратили ощущение времени, да? — улыбнулся Дрейк. — Думаю, что к половине второго вы уже станете самым собой.

— Правда?

— Да. Сейчас у вас самый пик. Вас преследуют видения? Галлюцинации?

— О да. Даже *очень*.

— Да, вы способны увидеть такое, что не предназначено для человеческих очей, — загадочно промолвил Дрейк и почему-то криво улыбнулся.

— Это верно. Вы очень точно подметили. — До чего здорово, что он познакомился с этим человеком! Это его спаситель. — А чем вы еще занимаетесь, помимо того, что наставляете на путь истинный своих согрешивших сограждан?

Дрейк улыбнулся.

— Вы красиво выразились. Обычно люди под воздействием мескалина или ЛСД вообще теряют дар речи или выражаются так, что понять их невозможно. Большинство вечеров я провожу в телефонной службе доверия. А днем работаю в кофейне, про которую вам рассказывал. Она называется «Заскочи, мамочка!». Клиенты мои большей частью бродяги и наркоманы. По утрам я просто брожу по улицам и беседую с моими заблудшими прихожанами. А в свободное время немного в тамошней тюрьме помогаю.

— Так вы священнослужитель?

— Меня называют уличным священником. Очень романтично. Хотя в свое время я был и настоящим священником.

— А теперь — нет?

— Я покинул лоно церкви, — сказал Дрейк. Он произнес это тихо, но за его спокойствием скрывалась горечь. Он словно наяву услышал, как лязгнули церковные ворота, хлопнувшись навсегда.

— А почему? — не удержался он.

Дрейк пожал плечами.

— Сейчас это уже не важно. А вы? Как вам удалось достать мескалин?

— Девушка одна дала. По дороге в Лас-Вегас. Очень славная девушка. Она звонила мне в Рождество.

— Просила помочь?

— Пожалуй, да.

— И вы помогли ей?

— Не знаю. — Он лукаво улыбнулся. — Святой отец, расскажите мне про мою бессмертную душу.

Дрейк дернулся:

— Я вам не святой отец.

— Ну ладно, тогда не надо.

— А что вы хотите знать про свою *душу*?

Он посмотрел на свои пальцы. При желании он мог в любой миг исторгнуть из их кончиков луч света. Это придавало ему пьяное ощущение всемогущества.

— Я хочу знать, что с ней случится, если я совершу самоубийство?

Дрейк поежился.

— Не стоит думать на эту тему, пока вы находитесь под воздействием наркотика. Ваш мозг сейчас затуманен.

— Я соображаю совершенно нормально, — упрямо заявил он. — Ответьте мне.

— Не могу. Я не знаю, какая участь постигнет вашу *душу*, если вы наложите на себя руки. Но я точно знаю, что случится с вашим телом. Оно сгниет.

Напуганный подобной перспективой, он снова уставился на свои руки. Словно желая ему угодить, они у него на глазах покрылись трещинами и превратились в прах, заставив вспомнить самые мрачные новеллы Эдгара По. Н-да, ну и ночка выдалась. Эдгара По ему только не хватало. Или какого-нибудь Хичкока. Он поднял голову и озадаченно посмотрел на уличного священника.

— Что сейчас происходит с вашим телом? — поинтересовался Дрейк.

— А? — тупо переспросил он, не понимая сути вопроса.

— Есть два типа «улета», — терпеливо пояснил Дрейк. — Головной и телесный. Вас не тошнит? Суставы не ломит? Недомогание испытываете?

Он пораскинул мозгами, прежде чем ответить, и наконец произнес:

— Нет, я просто чувствую себя... занятым. — Он сам даже фыркнул от смеха, а Дрейк улыбнулся. Хорошее он подобрал словцо, чтобы описать свои чувства. Тело и впрямь так и распирало от активности. Оно казалось совсем легким, но отнюдь не бесплотным. Более того, он никогда не ощущал себя таким мясистым, никогда не сознавал, насколько тесно срослись его разум и плоть. Разделить их было просто невозможно. Или отлепить друг от друга. Да, приятель, ты с ними навеки сросся. Интеграция. Энтропия. Мысль эта обогрела его, как проворное тропическое солнце. Тщетно пытаясь разобраться в лабиринте своего разума, он вдруг громко сказал:

— Но ведь остается еще душа.

— И что из этого? — терпеливо спросил Дрейк.

— Уничтожив мозг, убиваешь и тело, — медленно пояснил он. — И наоборот. Но вот что при этом с *душой* происходит? Это ведь самое интересное, святой отец... мистер Дрейк.

— «Какие сны приснятся в смертном сне?» Это «Гамлет», мистер Доус, — ответил Дрейк.

— А по-вашему, душа продолжает жить и после смерти? Значит, бессмертие все-таки существует?

Глаза Дрейка заволочло пеленой.

— Да, — кивнул он. — Я думаю, бессмертие существует... в определенном виде.

— И вы, наверное, считаете, что самоубийство есть смертный грех, обрекающий душу на вечные муки в геенне огненной?

Дрейк долго не отвечал. Потом сказал:

— Самоубийство скверно. Я в этом искренне убежден.

— Это не ответ.

Дрейк встал.

— А я и не собираюсь вам отвечать. Я уже давно перестал упражняться в метафизике. Теперь я обычный гражданин. Вы не намерены вернуться на вечеринку?

Вспомнив о шуме и сутолоке, он отрицательно помотал головой.

— Тогда — домой?

— Нет, я не смогу вести машину. Боюсь садиться за руль.

— Я вас отвезу.

— Вы? А как вы вернетесь?

— Вызову такси из вашего дома. В новогоднюю ночь такси не проблема.

— Это будет здорово, — благодарно произнес он. — Я бы с удовольствием побыл один. Телевизор посмотрел.

— В одиночестве вы ощущаете себя в безопасности? — полюбопытствовал Дрейк.

— А разве такое возможно? — с мрачным видом переспросил он. И оба дружно рассмеялись.

— Ну тогда ладно. Попрощаться ни с кем не желаете?

— Нет. А черный ход здесь есть?

— Думаю, что найдем.

По пути домой он почти не раскрывал рта. Даже мелькание уличных фонарей его раздражало. Когда они проезжали место, где велись дорожные работы, он не удержался и, кивнув в сторону магистрали, спросил:

— Что вы думаете по этому поводу?

— А что я могу думать? — пожал плечами Дрейк. — Детишки в нашем городе голодают, а они прокладывают новую дорогу для наших и без того зажавшихся бегемотов. Я считаю, что это просто позор.

Он уже раскрыл было рот, чтобы рассказать Дрейку про зажигательные бомбы и учиненные им поджоги, но в последнюю минуту передумал. Ведь Дрейк может подумать, что это просто очередные галлюцинации. Или — еще хуже — что это не галлюцинации.

Остальное он помнил не столь отчетливо. Он показал Дрейку, как проехать к его дому. Дрейк заметил, что, должно быть, все обитатели улицы разъехались по гостям или рано легли спать. Он не стал объяснять. Дрейк вызвал такси. Они немного посмотрели телевизор — Гай Ломбардо в «Уолдорф-Астории» ублажал публику, играя совершенно райскую музыку. Он решил, что Гай Ломбардо похож на лягушку.

Такси подкатило к дому без четверти двенадцать. Дрейк снова осведомился, все ли с ним в порядке.

— Да, — ответил он. — По-моему, я уже прихожу в себя.

Так оно и было на самом деле. Галлюцинации постепенно вытеснялись в самые отдаленные закоулки его мозга.

Открыв дверь, Дрейк высоко поднял воротник, закрывая уши.

— Вы только выкиньте из головы мысли о самоубийстве. Не будьте трусом.

Он улыбнулся и кивнул, хотя не стал ни соглашаться с советом Дрейка, ни отвергать его. Подобно всему остальному в эти дни, он просто взял его себе на заметку.

— С Новым годом! — сказал он.

— И вас тоже, мистер Доус.

Таксист нетерпеливо загудел.

Дрейк зашагал по дорожке, и такси тут же отъехало.

Он вернулся в гостиную и снова уселся перед телевизором. Камеры переключились на Таймс-сквер, где пылающий шар, установленный на крыше небоскреба, собирался совершить головокружительный спуск в 1974 год. Он чувствовал себя разбитым и измученным; его стала одолевать сонливость. Шар вот-вот спустится, и он вступит в Новый год, напичканный мескалином. А где-то в это самое время новорожденный Новый год уже выкарабкивается из материнской утробы в этот лучший из миров. А на вечеринке Уолтера Хамнера гости поднимают бокалы и начинают отсчитывать оставшиеся секунды. Дают себе клятвы. Большинство этих клятв, конечно, и яйца выеденного не стоят. Не устояв перед искушением, он и сам дал себе клятву. Поднялся, преодолевая усталость; все тело болело и ныло, суставы раскалывались. Он побрел на кухню и снял с полки молоток. Когда он вер-

нулся в гостиную, пылающий шар уже спускался по высоченному шесту. Хор людских голосов отсчитывал: «Восемь... семь... шесть... пять...» В камеру заглянула какая-то толстушка. В первое мгновение она изумилась, а затем радостно осклабилась и помахала всей Америке.

Вот и Новый год настал, подумал он. Почему-то от этой мысли по рукам побежали мурашки.

Шар наконец спустился, и на крыше небоскреба вспыхнули гигантские цифры:

1974

В тот же миг молоток в его руках описал крутую дугу, и — экран телевизора взорвался. Осколки стекла брызнули на ковер. В воздухе запахло паленым, но возгорания не произошло. Во избежание пожара он ногой вышиб штепсель из розетки.

— С Новым годом! — негромко произнес он и отбросил молоток на ковер.

Он прилег на диван и почти мгновенно уснул. Спал он при включенном свете и снов не видел.

Часть третья

ЯНВАРЬ

Если я не обрету себе пристанище,
Мне придется сгнить навечно...

«Роллинг Стоунз»

5 января 1974 года

То, что случилось с ним в этот день в «Лавке для экономных», было едва ли не единственным за всю его жизнь осознанным и просчитанным поступком, а не очередной взбалмошной выходкой. Словно невидимый палец выводил на людях письма, доступные лишь его взору.

Он любил ходить по магазинам. Это успокаивало, помогало ощущать себя в здравом уме. А после знакомства с мескалином он просто обожал совершать здравые поступки. В первый день нового года он проснулся часа в два, а остаток дня провел, бесцельно шатаясь по дому и чувствуя себя инопланетянином.

Он брал отдельные предметы и разглядывал их, как Гамлет — череп Йорика. В меньшей степени это чувство преследовало его и на другой день, да и в последующий тоже. Но в то же время было во всем этом и нечто хорошее. Мозги его казались теперь вычищенными и вымытыми, словно какая-то маниакально аккуратная внутричерепная уборщица выпотрошила их и, тщательно отдраив и отполировав, водрузила на место. Он даже не напивался. Когда Мэри очень осторожно позвонила ему первого января в семь вечера, он разговаривал с ней спокойно и уверенно, и

ему показалось, что ничто в их отношениях не изменилось. Каждый словно выжидал, кто сделает первый ход. Однажды Мэри, правда, заикнулась про развод. Но скорее просто так, для проформы. По большому счету в тот первый послемескалиновый день его беспокоило одно: вдребезги разбитый цветной телевизор «Зенит». Он не мог понять, почему так поступил. Годами он мечтал о таком шикарном телевизоре, несмотря даже на то что почти все его любимые фильмы были сняты давно, еще в черно-белом изображении. Огорчал даже не столько самый акт уничтожения, сколько его последствия: осколки разбитого экрана, торчащие лампы и провода. Они словно укоряли его: *Зачем ты это сделал? Разве я не служил тебе верой и правдой? Я никогда не причинял тебе вреда, а ты расколотил меня. Беззащитного и доверчивого.* Одновременно это служило жестоким напоминанием о том, как они обойдутся с его домом. В конце концов он не выдержал и, разыскав старый плед, накрыл им остов телевизора. От этого ему стало и лучше, и хуже. Лучше — потому что он избавил себя от грустного зрелища, а хуже — потому что накрытый пледом телевизор стал напоминать ему покойника под саваном. Молоток — орудие убийства — он вообще выбросил прочь.

Поход в магазин был ему приятен. Это было все равно что зайти выпить кофейку в «Гриль Бенджи», помыть «ЛТД» в автоматической мойке или приобрести номер «Тайм» в киоске у Хенни. В «Лавке для экономных» было просторно и светло, женщины толкали перед собой тележки, шикали на непослушных детей и недовольно хмурились на помидоры в прозрачной пластиковой упаковке, не позволявшей как следует пощупать зрелые красные плоды. Из подвешенных под потолком, почти незаметных динамиков тихо лилась мелодичная, обволакивающая музыка.

В ту субботу покупателей в «Лавке для экономных» было много; больше обычного было мужчин, которые сопровождали своих жен, досаждая им своими дилетантскими советами. Он доброжелательно посматривал на всех. День стоял ясный, а солнечные лучи, пробиваясь через огромные застекленные витрины, весело освещали торговый зал, зайчиками отражались от блестящих предметов, а иногда просвечивали женские прически, создавая подобие нимба. В такие дни настроение у него улучшалось, но вот по вечерам неизменно ухудшалось.

Его тележка была заполнена обычным ассортиментом мужчины, ведущего холостяцкий образ жизни; там лежали спагетти, соус к мясу в стеклянной банке, четырнадцать замороженных блюд, готовых к употреблению, дюжина яиц, масло и пакет апельсинов — защита от цинги.

Он уже приближался по центральному проходу к кассам, когда, наверное, сам Господь заговорил с ним. Впереди шла миловидная женщина лет тридцати пяти в голубых брючках и темно-синем свитере. Волосы у нее были золотистые, с медным отливом. Вдруг она издала странный гортанный звук и пошатнулась. Пластиковая бутылочка горчицы выпала из ее руки и покатилась по полу.

— Что с вами? — вырвалось у него.

Но женщина опрокинулась навзничь, смахнув при этом рукой несколько жестянок с кофе. На каждой жестянке была кичливая надпись:

МАКСВЕЛЛ-ХАУС
Хорош до последней капли

Все случилось настолько быстро, что он даже испугаться не успел. Однако успел заметить нечто та-

кое, что потом преследовало его во снах. Глаза женщины выпучились точь-в-точь как у Чарли во время его приступов.

Женщина забилась на полу. Ноги, затянутые в высокие кожаные сапоги, забарабанили по кафельному полу. Какая-то покупательница за его спиной истошно завизжала. Один из служащих, приклеивавший на продукты ярлычки с ценниками, бросил свою машинку и поспешил на помощь. Две девушки-кассирши вскочили и взирали на происходящее расширенными от ужаса глазами.

Он услышал собственный голос:

— Наверное, у нее эпилептический припадок.

Однако это был вовсе не эпилептический припадок. Похоже, бедную женщину постигло внезапное кровоизлияние в мозг, и оказавшийся среди прочих покупателей молодой врач констатировал смерть. Врач и сам казался напуганным, точно опасался, что его профессия утянет его в могилу, как какое-то мстительное чудовище из фильма ужасов. Когда он закончил осмотр, вокруг собралась уже приличная толпа. Мертвая женщина распростерлась посреди разбросанных кофейных банок — безмолвных свидетельниц и участниц ее последнего прижизненного поступка. Тележка бедняги была доверху наполнена продуктами, которых хватило бы на неделю, и зрелище бесчисленных банок, коробочек и мясных полуфабрикатов повергло его в мучительный, животный ужас.

Уставившись на тележку, он почему-то подумал: а что они теперь сделают с ее покупками? Снова разложат по полкам? Оставят возле кабинета управляющего?

Кто-то вызвал полицию, и через толпу уже проталкивался полицейский, громко приговаривая:

— Пропустите! Осторожнее! Расступитесь, пожалуйста! Ей нужен воздух!

Как будто воздух мог ей помочь.

Он повернулся и начал пробиваться к выходу, расталкивая сгрудившихся людей плечом. Душевный покой, обретенный им в последние пять дней, рассыпался в прах. Что ж, возможно, оно и к лучшему. Несомненно, это было знамение свыше. Но только что оно значило? Что?

Вернувшись домой, он поместил готовые блюда в морозильник, после чего налил себе виски. Сердце судорожно колотилось. Покинув магазин, он всю дорогу до дома пытался вспомнить, как они сами поступили с одеждой Чарли.

Игрушки они отвезли в Нортон и отдали в благотворительный магазинчик, а банковский счет на тысячу долларов (деньги на колледж — половина всех средств, подаренных Чарли родственниками на дни рождения и Рождество, шла на этот счет, невзирая на его слезы и вопли протеста) перевели на свой собственный. Постельное белье они по настоянию мамы Джин сожгли; сам он понять смысла этого так и не смог, но возражать и упираться не стал — после того как весь окружающий его мир обрушился, стоило ли препираться из-за матраса и нескольких тряпок? Но вот одежда — совсем другое дело. Как же они с ней поступили?

Вопрос этот донимал его целый день, а под конец настолько вывел из равновесия, что он едва удержался, чтобы не позвонить Мэри. Однако это стало бы для нее последней каплей. Если у нее и оставались хоть какие-то сомнения по поводу его здравомыслия, то звонок этот развеял бы их уже окончательно.

Перед самым заходом солнца он поднялся в крохотную полумансарду, попасть в которую можно было только через люк в потолке над стенным шкафом

главной спальни. Ему пришлось встать на стул, чтобы пролезть через люк. Он не забирался сюда уже лет сто, но одинокая электрическая лампочка еще действовала. Была покрыта толстым слоем пыли и паутины, но горела.

Раскрыв первую попавшуюся коробку, он обнаружил в ней аккуратно сложенные собственные учебники — школьные и колледжские. На обложке каждого школьного учебника красовалась надпись:

ЦЕНТУРИОН
средняя школа города Бэй

А на обложке каждой колледжской книжки:

ПРИЗМ
Не забудем...

Заметив, что из одной книжки торчит какой-то листок, он вытащил его и сразу узнал совсем еще юного Джорджа Бартон Доуса, который мечтательно взирал в будущее со старенькой отретушированной фотографии. Поразительно, насколько плохо этот парнишка знал свое будущее и насколько он напоминал того ушедшего мальчугана, следы которого он пришел искать сюда...

Сложив учебники в коробку, он продолжил поиски. Наткнулся на шторы, которые Мэри сняла пять лет назад. А вот и сломанный радиоприемник с часами. Пухлый семейный альбом, заглянуть в который побоялся. Кипа журналов — *нужно их выкинуть*, сказал он себе. *Летом из-за них пожар может начаться.* Моторчик от стиральной машины, который он однажды приволок домой из прачечной, но, как ни бился, так и не сумел починить. И наконец — одежда Чарли.

Она помешалась в трех картонных коробках, насквозь пропахших нафталином. Рубашки, брюки, свитера и даже нижнее белье. Он разложил все одежды перед собой, внимательно разглядывая их и пытаясь представить в них Чарли; веселого и счастливого Чарли, пытавшегося познать столь скудные стороны открывавшегося ему мира.

В конце концов удушливый запах нафталина все-таки изгнал его из каморки под крышей; морщась, он крутил головой, отчаянно нуждаясь в выпивке. Запах нафталина, запах старых ненужных вещей, в одиночестве пылившихся целую вечность; вещей, способных только огорчить и причинить боль. Остаток вечера он размышлял обо всем этом, пока выпитое спиртное не затуманило разум.

7 января 1974 года

В четверть одиннадцатого в дверь позвонили. Открыв, он увидел на пороге улыбающегося, гладко выбритого и красиво подстриженного мужчину в костюме и в пальто, немного сутулого. Незнакомец держал в руке портфель, и поначалу он подумал, что перед ним обычный коммивояжер. Он даже мысленно приготовился впустить его, внимательно выслушать, задать кое-какие вопросы и, возможно, даже что-нибудь приобрести. За пять недель после ухода Мэри это был первый, если не считать Оливию, посетитель в его доме.

Однако это оказался вовсе не коммивояжер, а адвокат. Звали его Филип Т. Феннер, и представлял он городской совет. Обо всем этом мистер Феннер успел возвестить, пока обменивался с ним рукопожатием.

— Заходите, — со вздохом пригласил он. И тут же подумал, что в каком-то смысле пришельца можно

было назвать коммивояжером. Что-то ему всучить этот адвокат непременно попытается.

— Прекрасный у вас дом, — тем временем разглагольствовал Феннер. — Просто замечательный. Сразу видно, когда хозяин заботливый, я всегда это говорю. — И тут же, не меняя тона, перешел к делу: — Я понимаю, мистер Доус, вы человек занятой, поэтому много времени у вас не займу. Просто Джек Гордон попросил меня заскочить к вам по дороге и передать бланк формы о переезде. Вы, несомненно, уже отправили его по почте, но с этой рождественской лихорадкой, сами знаете, письма пропадают. Заодно я готов ответить на любые интересующие вас вопросы.

— У меня один вопрос, — с серьезным видом произнес он.

Маска весельчака на мгновение слетела с лица адвоката, показав Феннера в истинном свете: холодно-го и методичного, как швейцарские часы.

— Что вас интересует, мистер Доус?

Он улыбнулся:

— Кофе хотите?

И вот перед ним вновь улыбающийся Феннер, веселый исполнитель поручений городского совета.

— О, с удовольствием. Если это вас не слишком затруднит, конечно. На улице ведь довольно прохладно, всего семнадцать градусов. Мне вообще кажется, что зимы с каждым годом все холоднее. Как считаете?

— Точно. — Вода в кофейнике еще не остыла со времени его завтрака. — Надеюсь, вы пьете растворимый? Жена уехала погостить к родителям, а без нее я как без рук.

Феннер доброжелательно рассмеялся, и он тут же понял: Феннер прекрасно знает, каковы у него на самом деле отношения с Мэри. Равно как с другими личностями или организациями, включая Стива Орд-

нера, Винни Мейсона, корпорацию и даже самого Господа Бога.

— Обожаю растворимый, — расплылся Феннер. — Я и сам всегда его пью. Тем более что никакой разницы не ощущаю. Ничего, если я выложу на стол кое-какие бумаги?

— Пожалуйста. Вы со сливками пьете?

— Нет, черный. Обожаю черный. — Феннер растегнул пальто, но снимать не стал. Просто подогнул полы под себя подобно тому, как женщины подбирают юбку, чтобы не помять ее. Раскрыв портфель, он извлек наружу скрепленные между собой формуляры, чем-то напоминающие налоговую декларацию. Тем временем он наполнил чашку черным кофе и подал Феннеру.

— Спасибо, мистер Доус. Огромное спасибо. А вы мне компанию не составите?

— Я лучше выпью что-нибудь покрепче.

— А-а-а, — протянул Феннер, пригубил кофе и тут же радостно осклабился. — Замечательно. Превосходный кофе. Лучше не бывает.

Он приготовил себе излюбленный коктейль, потом сказал:

— Извините, мистер Феннер, мне нужно позвонить.

— Да-да, разумеется. — Феннер, похоже, чуть-чуть не прибавил: «Чувствуйте себя как дома», отпил еще кофе и облизнулся.

Оставив дверь кухни открытой, он прошел в холл. Набрал номер четы Каллоуэй. Сняла трубку Джин.

— Это Барт, — назвался он. — Мэри дома?

— Она спит, — сварливо ответила Джин.

— Разбудите ее, пожалуйста. Это очень важно.

— Щаз! Разбежалась! Как раз вчера я сказала Лестеру, что нам уже пора подумать об установке телефона с незарегистрированным номером. И он со мной

согласился. Мы считаем, Бартон Доус, что у вас не все дома, и это святая правда!

— Мне очень жаль, что вы так считаете. Но мне позарез нужна Мэри...

Послышался щелчок параллельной трубки, и голос Мэри произнес:

— Барт?

— Да. Мэри, скажи, пожалуйста, приходил к тебе адвокат по фамилии Феннер? Очень ловкий малый, который явно пытается подражать Джимми Стюарту.

— Нет, — ответила она. *Так, промашка вышла!* — Но он звонил мне по телефону! — *Ага, все-таки попал!*

Краешком глаза он подметил какое-то движение и обернулся. Феннер, потягивая кофе, стоял в дверном проеме. Вид у него был обиженный.

— Мама, положи трубку, — попросила Мэри, и Джин Каллоуэй, презрительно фыркнув, послушалась.

— Он навел про меня справки?

— Да.

— Ваш разговор состоялся после той вечеринки?

— Да, но... Я ничего ему не рассказала.

— Возможно, ты все-таки рассказала больше, чем даже сама догадываешься. Он вошел, поджимая хвост, как дворняга, хотя на самом деле это самый настоящий волкодав. — И он улыбнулся Феннеру, который натянуто улыбнулся в ответ. — Он тебе не назначил встречу?

— Э-э... назначил. — Голос ее звучал изумленно. — Но его интересует только наш дом, Барт...

— Нет, это он тебе так сказал. На самом деле его мишень — я. Думаю, его хозяева мечтают освидетельствовать меня на предмет помутнения рассудка.

— Что? — ошарашенно спросила она.

— Раз я не взял их деньги, значит, я сумасшедший. Такова их логика. Помнишь, Мэри, о чем мы разговаривали в «Хэнди-Энди»?

— Послушай, Барт, мистер Феннер сейчас у тебя?

— Да.

— Психиатр, — уныло произнесла она. — Я сказала, что ты собирался повидаться с психиатром... О, Барт, прости меня, пожалуйста!

— Ничего страшного, — спокойно сказал он. — Все будет в порядке, Мэри. Это я тебе обещаю.

Он положил трубку и посмотрел на Феннера.

— Хотите, я позвоню Стивену Орднеру? — спросил он. — Или Винни Мейсону? Рона Стоуна или Тома Грейнджера я беспокоить не стану — они бы такого засранца, как вы, и на порог не пустили. А вот Винни и Стив встретили бы вас с распростертыми объятиями. У них на меня зуб.

— Не стоит, — сказал Феннер. — Вы меня неправильно поняли, мистер Доус. Как, впрочем, и моих клиентов. Никто против вас лично ничего не имеет. Однако нам уже некоторое время *известно* о вашей неприязни к строительству продолжения автомагистрали номер 784. В прошлом августе вы написали в газету письмо...

— В прошлом августе. — Он покачал головой. — А вы, наверное, вырезки у себя храните, да?

— Разумеется, — с достоинством ответил Феннер. — Этим у нас занимаются специальные сотрудники. Между прочим, мистер Доус, речь ведь идет не о какой-нибудь ерунде, а о проекте стоимостью в десять миллионов долларов.

Он с отвращением покачал головой:

— Мне кажется, это вас и ваших дорожных воротил надо освидетельствовать.

— Позвольте мне выложить карты на стол, мистер Доус, — ответил Феннер.

— Мой личный опыт позволяет судить, что, произнося эту фразу, люди собираются перестать врать по мелочам ради того, чтобы соврать по-крупному.

Похоже, это Феннера проняло. Лицо его побагровело.

— Вы послали письмо в газету. Вы намеренно затянули с приобретением нового здания для своей прачечной и упустили выгодную сделку, после чего вас уволили...

— Ничего подобного, — ухмыльнулся он. — Я сам написал и подал прошение об отставке по меньшей мере за полчаса до того, как они спохватились.

— ...и вы не считали нужным отвечать нам на все официальные запросы, направленные по вашему адресу. Общее мнение: двадцатого января вы собираетесь устроить некую демонстрацию. Привлечь телевидение и газеты. Чтобы вся Америка увидела, как героически сопротивляющегося владельца дома силой вытаскивают агенты гестапо.

— И вас это беспокоит, верно?

— Ну разумеется! А как же иначе? Общественное мнение неустойчиво. Оно колеблется, как маятник...

— А ваши клиенты — народные избранники.

Феннер скользнул по его лицу ничего не выражающим взглядом.

— Ну так что? — спросил он. — Вы собираетесь сделать мне предложение, от которого я не смогу отказаться?

Феннер вздохнул:

— Я вообще не понимаю, о чем мы с вами спорим, мистер Доус. Город предлагает вам шестьдесят тысяч долларов за...

— Шестьдесят три пятьсот.

— Да, тем более. Вам предлагают шестьдесят три тысячи пятьсот долларов за ваш дом. Многим куда меньше дали. А какие усилия нужно приложить вам, чтобы заполучить эти деньги? Да ровным счетом никаких! Эта сумма практически не облагается налогом,

поскольку вы уже заплатили Дяде Сэму налоги на те деньги, что ушли у вас на покупку этого дома. Вам нужно уплатить только налог с разницы. Неужели вам кажется, что здесь что-то несправедливо?

— Нет, вполне справедливо, — признал он, думая о Чарли. — В той части, которая касается долларов и центов. Сумма, пожалуй, даже несколько больше, чем мог бы выручить я сам, если бы задумал продать этот дом.

— Тогда о чем мы спорим?

— А мы вовсе не спорим, — пожал плечами он, отпивая из стакана. А ведь перед ним все-таки оказался коммивояжер. — Вы можете предложить мне конкретный дом, мистер Феннер?

— Да, — поспешно кивнул тот. — Великолепный дом в Гринвуде. А если вы спросите, как бы я сам поступил на вашем месте, то скажу совершенно откровенно: я бы попытался высосать из груди городской казны все, что можно, а потом хохотал бы по дороге в банк.

— Да, это было бы вполне в вашем духе, — согласился он и подумал про Дона и Рэя Таркингтонов, которые опорожнили бы обе груди, да еще вчинили бы городским властям такой иск, что всем чертям стало бы тошно. — Значит, вы все и впрямь считаете, что у меня крыша поехала?

— Трудно сказать, — осторожно ответил Феннер. — Ваше поведение при заключении уотерфордской сделки едва ли можно считать вполне адекватным.

— Ну так вот что я вам скажу. Я сохранил достаточно здравого смысла, чтобы найти адвоката, которому дороги наши идеалы, который до сих пор верит, что дом каждого человека — его крепость. Он бы добился вынесения постановления о временной заморозке работ на месяц или два. Если повезет, то судебное разбирательство может продлиться до сентября.

Феннер почему-то казался скорее довольным, нежели огорченным. Впрочем, ничего другого он от этого приткого адвоката и не ожидал. Как тебе удочка, что я забросил, Фредди? Как думаешь, клюнет этот умник? Да, Джордж, здорово ты его уел!

— Что вы хотите? — в лоб спросил Феннер.

— А сколько вы готовы предложить?

— Мы готовы поднять оценочную стоимость вашего дома на пять тысяч. И ни на цент больше. Но зато никто не узнает про девушку.

Время замерло. Сердце остановилось.

— Что? — пролепетал он.

— Про *девушку*, мистер Доус. Которую вы тут помели. Шестого и седьмого декабря.

За доли секунды через его мозг пронесся целый вихрь мыслей; некоторые из них оказались вполне разумны, но большинство и гроша ломаного не стоили, поскольку были порождены страхом. Однако доминировала над всеми мыслями злость, затмевающий рассудок гнев; его так и подмывало перемахнуть через стол, схватить этого человечка-часы за горло и душить, пока у него из ушей пружинки и шестеренки не посыплются. Нет, этого допускать нельзя. Надо держать себя в руках.

— Дайте мне номер, — сказал он.

— Какой номер?

— Номер вашего телефона. Я позвоню вам сегодня днем и сообщу о своем решении.

— Я предпочел бы покончить с этим делом прямо сейчас, не сходя с места.

Еще бы! Эй, рефери, нельзя ли продлить этот раунд на тридцать секунд? Я уже прижал своего противника к канатам и вот-вот добью.

— Нет, я сейчас не в настроении, — сказал он. — Прошу вас покинуть мой дом.

Феннер с безразличной физиономией пожал плечами:

— Вот моя визитная карточка. Телефон тут указан. Я должен быть на месте между половиной третьего и четырьмя.

— Я позвоню.

Феннер убрался. Стоя у окна, он смотрел, как адвокат идет по дорожке, залезает в темно-синий «бьюик» и отъезжает. И тогда он с яростью врезал кулаком по стене.

Он смешал себе очередной коктейль и уселся за кухонный стол обмозговать положение. Итак, им известно про Оливию. И они готовы воспользоваться этими сведениями, чтобы надавить на него. Чтобы заставить его переехать, этого недостаточно. А вот для того, чтобы положить конец его браку, — вполне. Впрочем, Мэри и так подумывает о разводе. Однако они *шпионили* за ним!

Но как?

Если к нему приставили сыщиков, те наверняка знали бы про его знаменитый фейер-бах-бах-верк. В таком случае они воспользовались бы этим, чтобы надавить на него. Зачем мелочиться с какой-то пустяковой супружеской изменой, когда можно запросто упечь строптивного домовладельца в каталажку за поджог? Раз так, значит, они просто поставили у него микрофоны. Вспомнив, что едва не проболтался по телефону Мальоре, он почувствовал, что его прошиб холодный пот. Слава Богу, что Мальоре заставил его замолчать. Маленький фейер-бах-бах-верк и без того мог выдать его с головой.

Итак, его прослушивали, но оставался вопрос: как быть с предложением Феннера?

Он поставил в печь замороженный ужин и, дожидаясь, пока он разогреется, потягивал коктейль и размышлял. За ним шпионили, пытались подкупить. Чем больше он об этом думал, тем сильнее злился.

Вынув из печи разогретый ужин, он съел его. Послonyaлся по дому, глядя на вещи. В голове зародились зачатки замысла.

В три часа дня он позвонил Феннеру и сказал, чтобы тот прислал ему бумаги. Пообещал, что подпишет, если Феннер соблюдет оба условия, о которых они договорились. Феннер был очень доволен и не скрывал своего облегчения. Он сказал, что с удовольствием все выполнит и проследит, чтобы все документы он получил уже завтра.

— Очень рад, мистер Доус, что вы поступили так благоразумно, — закончил Феннер.

— Только у меня еще два условия, — добавил он.

— Условия? — Феннер мигом насторожился.

— Не волнуйтесь. Они вполне приемлемы.

— Что ж, я слушаю, — холодно произнес Феннер. — Только предупреждаю, Доус, не заходите слишком далеко.

— Завтра днем вы доставите мне домой бланки, — сказал он. — В среду я привезу их вам в контору. Я хочу, чтобы меня уже ждал чек на шестьдесят восемь тысяч пятьсот долларов. Банковский чек. Я обменяю заполненные и подписанные формы на этот чек.

— Мистер Доус, мы такие сделки не заключаем...

— Может быть, это и не положено, однако вовсе не возбраняется. Как не положено, например, прослушивать мой телефон и бог знает что еще. Не будет чека — не получите моего согласия. Тогда вам придется разговаривать с моим адвокатом.

Феннер молчал. Было почти слышно, как он думает.

— Хорошо. Что еще?

— После среды я не хочу, чтобы меня кто-нибудь еще беспокоил, — твердо сказал он. — С двадцатого числа дом ваш. До двадцатого — мой.

— По рукам, — мгновенно согласился Феннер. Еще бы — второе условие вовсе таковым не являлось. В соответствии с законодательством дом оставался в его безраздельной собственности до полуночи, а с одной минуты первого двадцатого января переходил к городским властям. Если Доус подпишет форму об отказе от своей собственности и возьмет у города деньги, он может потом вопить и брызгать слюной хоть до посинения, но уже ни один репортер, ни одна телекомпания ему не посочувствуют.

— Все, — сказал он.

— Прекрасно, — довольно выпалил Феннер. — Я очень рад, мистер Доус, что мы с вами сумели договориться по-хорошему...

— Идите в задницу! — процедил он и бросил трубку.

8 января 1974 года

Когда курьер бросил в предназначенную для почтовых отправок щель пухлый пакет с формой номер 6983-426-73-74 (синяя папка), его дома не было. Он уехал в Нортон, чтобы еще раз встретиться с Сэлом Мальоре. Радости, увидев его, Мальоре не выказал, но по мере общения становился все более и более задумчивым.

Им подали обед — спагетти с телятиной и бутылку красного вина. Еда была восхитительная. Когда он

рассказывал про визит Феннера, а также про попытку подкупа и шантажа, Мальоре жестом остановил его, позвонил кому-то и коротко переговорил. Назвал невидимому собеседнику его адрес на Западной Кре-столен-стрит.

— Возьмите фургон, — закончил он и положил трубку. Затем накрутил на вилку спагетти и кивнул, чтобы он продолжал свой рассказ.

Выслушав историю до конца, Мальоре сказал:

— Вам повезло, что они не приставили к вам хвоста. Вы бы уже сидели.

Между тем он наелся до отвала. Так, что кусок уже в горло не лез. Пожалуй, лет пять он так не пировал. Он выразил свое восхищение Мальоре, и тот улыбнулся в ответ:

— Некоторые мои друзья больше не едят спагетти. Фигуру, видите ли, блюдут. Они теперь питаются в ресторанах, в том числе — с шведской или французской кухней. У каждого из них язва желудка. Почему? Да потому что самого себя ведь не изменишь. Свою натуру. — Сэл подлил себе соуса, обмакнул в него кусочек хрустящего чесночного хлебца и смачно проглотил. Затем произнес: — Итак, вы просите, чтобы я ради вас совершил смертный грех?

Он тупо уставился на Мальоре, не в состоянии скрыть изумления.

Мальоре лукаво рассмеялся:

— Я понимаю, о чем вы думаете. Не пристало такому человеку, как я, рассуждать о грехах. Я уже признался вам, что однажды приказал разделаться с одним типом. А говоря по правде — даже не с одним. Но я никогда не убивал людей, которые того не заслуживали. Я вообще смотрю на это так: парень, который умирает прежде срока, отпущенного Господом, — он как дождь во время бейсбола. Все его про-

чие грехи не в счет. И Богу ничего не остается, как впустить его к себе, поскольку у бедняги грешника не остается отпущенного им времени на искупление грехов. Вот почему убить такого парня — значит спасти его от вечных мук в чистилище. Так что в каком-то смысле я делаю для таких парней даже больше, чем мог бы сделать для них сам папа римский. Мне кажется, Богу это известно. Впрочем, все это не должно меня заботить. Вы мне по душе. В мужестве вам не откажешь. Не всякий рискнул бы устроить такой фейерверк. Но это... это уже дело совсем другое.

— Но ведь я ни о чем вас не прошу, — развел руками он. — Я сам все сделаю.

Мальоре закатил глаза:

— О Господи Иисусе! Пресвятая Дева Мария! Старый Иосиф-плотник! И почему этот человек не может оставить меня в покое?

— Потому что у вас есть то, что мне нужно.

— Знали бы вы, как я уже об этом жалею!

— Так вы мне поможете?

— Не знаю.

— Деньги у меня уже есть. Вернее — вот-вот будут.

— Да дело вовсе не в деньгах. Это вопрос принципа. Мне никогда прежде не приходилось иметь дело с таким чокнутым. Я должен пораскинуть мозгами. Я вам позвоню.

Ему стало ясно, что настаивать не стоит, пора уезжать.

Он сидел и заполнял бумаги, когда прибыли люди Мальоре. Они прикатили на белом фургоне с надписью РЭЙ — ПРОДАЖА И РЕМОНТ ТЕЛЕВИЗОРОВ на боку, под которой был изображен танцующий и ухмыляющийся телевизор. Двое людей в зеленых комбинезонах вынесли из фургона довольно громозд-

кую аппаратуру. В ящиках были инструменты, и в самом деле необходимые для ремонта телевизоров. Но было в них еще и нечто другое. Команда Мальоре «вычистила» его дом. Вся процедура заняла полтора часа. Они нашли «жучки» в обоих телефонных аппаратах, а также в спальне и в гостиной. Гараж, по счастью, был чист.

— Вот гады, — сказал он, разглядывая крохотные микрофончики на ладони. Бросив «жучки» на пол, он со злорадством растоптал их.

Уже на выходе один из людей Мальоре заметил не без восхищения:

— Здорово, мистер, вы со своим теликом разобрались! Сколько раз вы по нему вмазали?

— Всего один, — сокрушенно признался он.

Когда фургончик растворился в ярких лучах холодного полуденного солнца, он подмел остатки «жучков», собрал в совок и выкинул в мусорное ведро на кухне. Затем приготовил себе очередной коктейль.

9 января 1974 года

Посетителей в банке в середине дня было раз-два и обчелся, и он с банковским чеком направился прямо к столу посередине зала. Вырвав из конца своей чековой книжки приходный ордер, он проставил в нем сумму: 34 250 долларов. Затем подошел к окошку кассира и протянул обе бумажки: банковский чек и приходник.

Кассирша, молодая черноволосая девушка в коротком фиолетовом платье и в прозрачных нейлоновых чулочках, с недоумением перевела взгляд с одного листочка на другой.

— С чеком что-нибудь не так? — любезно поинтересовался он. При этом признался сам себе, что получает от этой сцены колоссальное удовольствие.

— Не-е-ет, но... то есть вы хотите положить тридцать четыре тысячи двести пятьдесят долларов на свой счет, а другие тридцать четыре тысячи двести пятьдесят долларов получить *наличными*? Так?

Он кивнул.

— Прошу вас, сэр, подождите минутку.

Он улыбнулся и снова кивнул, провожая взглядом ее стройные ножки. Девушка подошла к столу менеджера, который в отличие от ее стола был отделен от зала не стеклянной перегородкой, а одним лишь барьером, как бы говоря: вот этот сотрудник в отличие от всех остальных — человек; или почти человек по меньшей мере. Менеджером был мужчина средних лет, облаченный в молодежный костюм. Лицо его было узкое, как врата рая, а при виде кассира (кассирши?) брови его взметнулись на лоб.

Они обсудили банковский чек, приходный ордер, их значимость для банка и, возможно, для всей федеральной банковской системы. Девушка склонилась над его столом, ее и без того короткая юбчонка взметнулась вверх, обнажив полоску тела над чулками и краешек кружевных трусиков. *О беззаботная любовь!* — подумал он. Поехали ко мне домой и предадимся разврату до самого конца столетия или хотя бы до той минуты, когда мой дом сровняют с землей; не знаю, что случится раньше. Мысль эта вызвала у него улыбку. Он вдруг почувствовал, что возбудился; причем так, как с ним давно уже не случалось. Отвернувшись, он окинул взглядом банковский зал. Неподалеку от выхода стоял бесстрастный охранник — наверное, бывший полицейский. Одинокая старушка, высунув от усердия язык, корпела над голубым пенсионным блан-

ком. А на стене слева висел огромный плакат, на котором была изображена Земля при взгляде из космоса. Над планетой крупными буквами было написано:

УЕЗЖАЙТЕ

А под планетой, чуть помельче:

С КРЕДИТОМ НА ОТПУСК ОТ ПЕРВОГО БАНКА

Хорошенькая кассирша вернулась.

— Мне придется выдать вам эту сумму купюрами по сто и по пятьсот долларов, — сказала она.

— Меня это вполне устраивает.

Она оприходовала ордер и отправилась в хранилище. Вскоре вернулась, держа в руке небольшую сумку. Подозвала охранника, который приблизился к ним и окинул его подозрительным взглядом.

Сначала кассирша выложила на стойку тридцать тысяч долларов — шестьдесят пятистодолларовых купюр. Затем отсчитала сорок две стодолларовые банкноты, поверх которых положила еще пять десятков. Перевязала всю стопку и всунула под резинку банковскую квитанцию, на которой значилось: 34 250 долларов.

Пачка получилась настолько внушительная, что поначалу все трое уставились на нее с подозрением. Здесь было достаточно денег, чтобы приобрести дом, или пять «кадиллаков», или небольшой личный самолет, или почти сто тысяч пачек сигарет.

Потом она промолвила с ноткой сомнения в голосе:

— Могу дать вам сумку на молнии...

— Нет, спасибо, — покачал головой он, рассовывая деньги по наружным карманам пальто. Охранник

взирал на его манипуляции с презрительным равнодушием; хорошенькая кассирша казалась замороженной (ее пятигодичное жалование прямо на глазах исчезало в карманах потрепанного пальто этого мужчины, которые даже не оттопырились сколько-нибудь заметно); менеджер же следил за ним с нескрываемой неприязнью — банк считался местом, в котором деньги были, подобно Господу Богу, невидимы и окружены всеобщим поклонением.

— Все в порядке, — сказал он, пряча в карман чековую книжку. — Не беспокойтесь.

Он направился к выходу, а они все уставились ему вслед. Затем старушка встала, громко шаркая, подошла к окошечку и предъявила кассирше заполненную голубую карточку. Кассирша выдала ей двести тридцать пять долларов и шестьдесят три цента.

Вернувшись домой, он сложил все деньги в запыленную пивную кружку, стоявшую на верхней полке кухонного шкафа. Пять лет назад Мэри в шутку подарила ему эту кружку на день рождения. Ему кружка никогда особенно не нравилась — пиво он предпочитал пить прямо из бутылки. На кружке были изображены олимпийские кольца и огонь, а под эмблемой написано:

ОЛИМПИЙСКАЯ СБОРНАЯ США ПО ВЫПИВКЕ

Он поставил отяжелевшую кружку на место и поднялся по лестнице в бывшую комнату Чарли, где стоял его письменный стол. Порывшись в нижнем ящике, вынул из него небольшой коричневый конверт. Уселся за стол и заглянул в банковскую книжку — его личный счет вырос до 35 053 долларов и 49 центов.

Он написал на конверте адрес родителей Мэри, указав ее имя. Вложил в конверт чековую книжку, запечатал и снова полез в стол. Нашел книжечку марок и наклеил на конверт пять штук. Немного подумав, подписал чуть ниже адреса:

ОТПРАВЛЕНИЕ ПЕРВЫМ КЛАССОМ

Оставив конверт на столе, он отправился в кухню готовить очередной коктейль.

10 января 1974 года

Был уже поздний вечер, снег валил вовсю, а Мальоре так и не позвонил. Он сидел в гостиной со стаканом в руке и слушал стереофонические пластинки — телевизор по-прежнему напоминал поле боя. Днем он вытащил из пивной кружки две десятидолларовые бумажки и купил четыре рок-диска. Первый, в исполнении «Роллинг Стоунз», назывался «Пусть себе кровоточит». Эта пластинка звучала во время новогодней вечеринки и понравилась ему больше, чем остальные приобретения. А пластинка группы «Кросби, Стиллз, Нэш и Янг» вообще показалась ему настолько слащавой, что он разбил ее о собственную коленку. А вот «Пусть себе кровоточит» звучала громко, бравурно и немного издевательски. Она гремела и бряцала. Сейчас Мик Джаггер пел вот что:

Каждый мечтает повелевать и править,
А кто хочет — может взять в рабы меня.

Ему почему-то вспомнился плакат из банка с изображением Земли и надписью, призывающей клиен-

та: **УЕЗЖАЙТЕ**. Он тут же вспомнил, как «улетел» в Новый год. Далеко «улетел».

Но разве ему это не понравилось? При этой мысли он чуть не подпрыгнул.

В течение последних двух месяцев он ползал, как кобель, которому защемило яйца вращающейся дверью. Но разве он не был вознагражден, хотя бы частично?

В противном случае он ни за что не совершил бы столько несуразных, да и просто несвойственных ему поступков. Бессмысленные гонки по магистрали, например. Девушка и секс, ощущение ее груди, такой не похожей на бюст Мэри. Поездки к мафиози. Последний разговор с ним — фактически на равных. Дикое возбуждение, охватившее его во время бомбардировки дорожной техники бутылками с «коктейлем Молотова». Животный страх, который он ощутил, когда его машина никак не хотела преодолеть коварный косогор. Бурные проявления чувств, извлеченные из недр его высушенной чиновничьей души подобно предметам неведомого религиозного культа, найденным при археологических раскопках. Нет, он познал вкус настоящей жизни.

Были, конечно, и провалы. Как он сорвался в «Хэнди-Энди», например. Наорал на Мэри. Грызущее одиночество первых двух недель без нее; ведь впервые за двадцать лет он остался совсем один, в полном одиночестве, если не считать общества собственного сердца, колотящегося с убийственной монотонностью. А как Винни нокаутировал его в универмаге — Винни Мейсон, ну кто бы мог подумать! Пробуждение в холодном поту и кошмарное похмелье наутро после фейер-бум-бум... или фейер-бах-бах-верка. Это, пожалуй, было покруче всего остального.

Его мысли снова вернулись к Оливии. Он припомнил, как она стояла у обочины дороги с плакатом, на котором было броско написано: ЛАС-ВЕГАС... ИНАЧЕ — КРЫШКА! Он вдруг подумал про плакат в банке: УЕЗЖАЙТЕ. А почему бы и нет? Ведь здесь его не удерживало ровным счетом ничего, если не считать тупой одержимости. Ни жены, ни ребенка (разве что призрак Чарли), ни работы... Только дом, от которого через полторы недели останется одно лишь воспоминание. Деньги у него были, и еще была машина. Почему бы не сесть за руль и не рвануть куда-нибудь?

Его охватило страшное возбуждение. Он вдруг представил себе, как выключает свет, набивает карманы деньгами, залезает в «ЛТД» и мчит в Лас-Вегас. Разыскивает Оливию. Предлагает ей *УЕХАТЬ*. Они едут в Калифорнию, продают машину и улетают куда-нибудь на Филиппины. А оттуда — в Гонконг, потом в Сайгон, Бомбей, Афины, Мадрид, Париж, Лондон, Нью-Йорк. А из Нью-Йорка в...

Куда?

Сюда?

Да, Земля круглая — и это горькая правда. Такая же, как стремление Оливии в Неваду, вызванное желанием разворошить самое грязное дерьмо. В первый же вечер, начав новую жизнь, оттянулась так, что даже не помнит, кто и как ее изнасиловал. А все потому, что новая жизнь на самом деле ничем не отличается от старой; более того, это и есть та же старая жизнь, пока вы сами не загадите ее настолько, что остается только плотно закрыть двери гаража, влезть в машину с включенным двигателем и ждать... Просто ждать...

Ночь приближалась, а его мысли все так же бессмысленно вертелись, словно гоняющийся за своим неуловимым хвостом котенок. Наконец он забылся сном на диване и увидел во сне Чарли.

11 января 1974 года

Мальоре позвонил днем, в четверть второго.

— Ну ладно, — сказал он. — Я готов заключить с вами сделку. Вам это обойдется в девять тысяч долларов. Думаю, вы не откажетесь?

— Наличными?

— Что значит — наличными? Вы что, думаете, я у вас чек возьму?

— Ну да. Простите.

— Завтра в десять вечера вы должны быть в кегельбане «Ревел-Лейнз». Знаете его?

— Да, на шоссе номер семь. Сразу за торговым центром «Скайвью».

— Совершенно верно. На шестнадцатой дорожке будут играть двое парней в зеленых рубашках с вышитыми золотом эмблемами «Марлин-авеню» на спине. Подойдите к ним и представитесь. Вам все объяснят. Прямо во время игры. Сыграете с ними две-три партии, а потом отправитесь в бар «Таунлайн». Знаете его?

— Нет.

— Дальше по шоссе номер семь, в западном направлении. Примерно в двух милях от кегельбана и на той же стороне. Припаркуйтесь сзади. Мои друзья остановятся рядом с вами. У них пикап «додж». Синий. Они погрузят в ваш багажник корзину. Вы отдадите им конверт. — Он шумно вздохнул. — Я, конечно, сумасшедший, что помогаю вам. Совсем из ума выжил. Ведь меня наверняка заметут. Зато потом у меня будет вдоволь времени поразмыслить, на кой хрен я согласился это сделать.

— Я бы очень хотел встретиться с вами на следующей неделе. Поговорить с глазу на глаз.

— Нет. Это исключено. Я вам не исповедник. Встречаться я с вами ни за что не стану. Даже разго-

варивать больше не буду. По правде говоря, Доус, я предпочел бы даже в газетах про вас не читать.

— Но ведь речь идет просто об инвестициях. О самых обыкновенных.

Мальоре приутих.

— Нет, — ответил он в конце концов.

— Но уж за это вам точно никогда не придется отвечать, — заверил он. — Я просто хочу основать... небольшой попечительский фонд в пользу одного лица.

— Вашей жены?

— Нет.

— Заезжайте во вторник, — вздохнул Мальоре. — Возможно, я вас приму. А может — передумаю.

И он повесил трубку.

Сидя в гостиной на диване, он думал об Оливии и о жизни — эти мысли странным образом переплетались в голове. Размышлял о том, как выполнить пожелание УЕЗЖАЙТЕ. Подумал о Чарли и вдруг поймал себя на том, что не может вспомнить его лицо — разве что отдельные фотографии. Почему же тогда все это с ним происходит?

Внезапно решившись, он раскрыл телефонный справочник и нашел раздел «Путешествия». Позвонил. Услышав приветливый женский голос, который проворковал в трубку: «Туристическое агентство Арнольда. Чем мы можем вам помочь?» — он положил трубку и поспешно отступил от телефона, озабоченно потирая руки.

12 января 1974 года

Кегельбан «Ревел-Лейнз» располагался в длинном, залитом светом и музыкой здании, из которого наружу неслись трели музыкальных автоматов, смех и вы-

крики, звяканье жетонов, шелканье сбиваемых кеглей, клцанье бильярдных шаров и прочие звуки веселья.

Он прошел к стойке, получил пару красно-белых тапочек (прежде чем с ними расстаться, служитель торжественно обрызгал их дезинфицирующим аэрозодем из баллончика), натянул их и направился к дорожке номер 16. Двое игроков уже катали там шары. Одного он узнал сразу — это был тот самый механик, который менял глушитель в гараже, когда он приехал к Мальоре в первый раз. Знакомым оказался и второй, сидевший за столиком и подсчитывавший очки. Этот парень приезжал к нему домой в телевизионном фургоне. Сейчас он потягивал пиво из вошеного бумажного стакана. При его приближении оба подняли головы.

— Меня зовут Барт, — представился он.

— А меня Рэй, — сказал сидевший за столиком. — А это, — он кивнул в сторону механика, который как раз бросал шар, — Алан.

Брошенный умелой рукой шар прогромыхал по центру дорожки, и сбитые кегли брызнули во все стороны. Алан раздосадованно крикнул: одна кегля слева и две справа остались стоять. Он запустил второй шар, который, опрокинув две кегли, свалился в желоб.

— Ч-черт, — процедил он. Потом повернулся: — Здравствуйте, Барт.

— Здравствуйте.

Они пожали друг другу руки.

— Рад познакомиться, — сказал Алан. Затем обратился к Рэю: — Давай начнем новую партию и Барта заодно подключим. Тем более что я все равно в пух и прах продулся.

— Ладно.

— Давайте, Барт, присоединяйтесь к нам, — пригласил Алан. — Начинайте сами.

В кегли ему не доводилось играть уже лет пять. Выбрав подходящий по руке двенадцатифунтовый шар, он с ходу зашвырнул его в левый желоб. Провожая шар взглядом, он ощущал себя полным ослом. Второй шар он бросал уже аккуратнее, но тот подпрыгнул и сбил всего три кегли. Рэй с первого же броска метко вышиб все кегли, а Алан первым шаром сбил девять, а вторым — все остальные.

После пятого раунда у Рэя было 89 очков, у Алана 76, а у Барта всего 40. Однако игра захватила его; потная спина, давно забытые мышечные ощущения — все это доставляло удовольствие.

Он настолько увлекся игрой, что в первое мгновение даже не понял смысла фразы, вскользя оброшенной Рэем:

— Это называется мальглинит.

Он повернул голову, хмурясь незнакомому слову, и вдруг — понял.

— Хорошо, — сказал он.

— Он изготовлен в виде четырехдюймовых шашек. Всего сорок штук. Каждая из них в шестьдесят раз превосходит по мощности динамитную шашку.

— Ого, — произнес он; сердце у него внезапно оборвалось. Между тем Алан, выбив все кегли, высоко подпрыгнул на радостях.

Настал его черед бросать, и он выбил семь кеглей. Рэй опять вышиб все. Алан сменил шар и направился к дорожке.

— Шнура там четыреста футов. Заряд электрический, взрывается при замыкании. От паяльной лампы лишь оплавится. Он... *Ух, здорово ты их, Алан!*

Алану тоже удалось сбить все кегли с первого раза.

Он встал, зашвырнул оба шара в желоб и вернулся на место. Рэй продолжил:

— Вам также понадобится автомобильный аккумулятор. Есть у вас?

— Да, — кивнул он. И посмотрел на счет. У него было 47 очков. На семь больше, чем лет.

— Если нарежете шнур на равные части и подсоедините вместе к батарее, то можно взорвать все одновременно. Вы меня понимаете?

— Да.

У Алана снова получился удачный бросок. Он подошел, улыбаясь до ушей.

— Во как надо! Теперь я от тебя всего на восемь очков отстаю.

Он двумя бросками сбил шесть кеглей и сел на место. Рэй спросил:

— Вам все понятно? Вопросы есть?

— Нет. Мы уже можем уйти?

— Разумеется. Хотя на вашем месте я бы еще немного попрактиковался. У вас в последнюю минуту дергается запястье, поэтому шар летит мимо.

— Дьявольщина! — выругался Алан, промахнувшись второй раз подряд.

— Нечего было хвастать! — расхохотался Рэй. — Тебе еще до меня тянуться и тянуться.

Судя по ослепительной неоновой вывеске, украшавшей вход в бар «Таунлайн», владельцев бара энергетический кризис не затронул. Неоновые буквы гасли и загорались с бессмысленной, вечной уверенностью. Ниже на белом щите крупными буквами было выведено:

ТОЛЬКО СЕГОДНЯ
РОК-ГРУППА «ОЙСТЕРЗ»
ПРОЕЗДОМ ИЗ БОСТОНА

Справа от бара на расчищенной от снега стоянке выстроились автомобили; посетителей в этот субботний вечер было хоть отбавляй. Въехав на стоянку, он заметил, что она изгибается в виде буквы «Г» и заворачивает за угол здания. Свободные места там еще оставались. Он поставил машину, выключил мотор и вышел.

Подморозило, хотя холод ощущался не сразу, а лишь секунд через пятнадцать, когда немели уши. Ясное небо усыпали мириады звезд. Из бара гремела музыка. «Ойстерз» исполняли песню, которую он узнал сразу, — «После полуночи». Он даже вспомнил, что песню эту написал Дж.Дж.Кейл, и тут же сам удивился, что запомнил настолько бесполезную информацию. Поразительно все-таки, с какой легкостью мозги забиваются всякой чепухой. Он помнил фамилию автора песни «После полуночи», но не мог представить себе своего мертвого сына. Чертовски несправедливо.

Рядом с его фургончиком остановился синий пикап «додж»; Рэй и Алан вылезли наружу. Выглядели оба уже деловито, да и одеты вполне солидно — теплые куртки военного покроя, теплые перчатки.

— Вы должны передать нам кое-какие денежки, — напомнил Рэй.

Он вынул из кармана пальто конверт и протянул им. Рэй заглянул внутрь и порывлся в купюрах, скорее оценивая на глазок, нежели пересчитывая.

— Все в порядке, — сказал он. — Открывайте багажник.

Он открыл заднюю дверцу (в паспорте его «форда» она почему-то именовалась «волшебной»), и Рэй с Аланом вдвоем перетащили в фургон тяжелый деревянный ящик.

— Шнур на дне, — сказал Рэй, отдуваясь; на морозном воздухе из его рта вылетали клубы пара. — Не

забудьте — вам необходим источник питания. Без электрического тока можете запросто втыкать эти палочки в торт вместо праздничных свечек.

— Я помню.

— И почаще играйте в кегли. Бросок у вас мощный.

Они сели в «додж» и уехали. Пару минут спустя отъехал он, так и не увидев воочию «Ойстерз». Уши у него закоченели, но в машине быстро отогрелись, и их стало покалывать.

Вернувшись домой, он затащил ящик в гостиную и вскрыл крышку с помощью отвертки. Шашки взрывчатки выглядели именно так, как описал Рэй: словно серые восковые свечи. Они были уложены на газету, под которой находились два толстых мотка белого шнура. Кольца шнура были скреплены белыми же пластмассовыми закрутками, точно такими же, что он обычно использовал для своих мусорных пакетов.

Он убрал ящик в стенной шкаф и попытался выкинуть мысли о нем из головы, однако ящик как будто источал какие-то зловещие миазмы, которые, медленно расползаясь из шкафа, постепенно заполнили весь дом; словно в этом шкафу давным-давно случилось нечто ужасное, а теперь ядовитые и зловонные испарения отравляли уже всю атмосферу.

13 января 1974 года

Он отправился на Лэндинг-Стрип и принялся колесить по близлежащим улочкам в поисках Дрейка. В основном ему здесь попадались дома-трущобы; некоторые выглядели столь обветшалыми, что, казалось, неминуемо рухнули бы, не подпирай их соседние

строения. Крыши всех зданий щетинились лесом телевизионных антенн, напоминающих стоящие дыбом волосы. Множество баров, закрытых до полудня. Брошенная машина в проулке: колеса сняты, фары вывернуты, эмблемы выдраны с мясом — остов автомобиля почему-то напомнил ему обглоданный бычий скелет в Долине Смерти. Повсюду битое стекло. Витрины ломбардов и винных лавок отгорожены от улиц металлическими решетками. Вот чему нас научили все эти волнения восьмилетней давности, подумал он. Как защищаться от мародеров...

Вдруг примерно на середине Веннер-стрит ему бросилась в глаза вывеска:

ЗАСКОЧИ, МАМОЧКА!

Буквы, нарисованные в старинной манере, красовались над входом в небольшую забегаловку. Он остановился напротив, запер машину и вошел. Посетителей было всего двое: молодой темнокожий парень в толстенной куртке — он, похоже, дремал — и белый старик пьянчуга, который потягивал кофе из здоровенной белой кружки. Всякий раз, когда кружка достигала губ, руки его начинали предательски дрожать. Кожа старика была морщинистая, с желтоватым оттенком, а всякий раз, как он поднимал глаза, они озарялись светом, точно внутри томила душа, которой никак не удавалось выбраться из этой мерзкой оболочки.

Дрейк сидел за стойкой возле двухконфорочной плиты. Перед ним возвышались два термоса: один с кипятком, второй с черным кофе. Рядом на прилавке стояла раскрытая коробка из-под сигар, в которой лежала какая-то мелочь. Меню, небрежно нацарапанное на бумажном обрывке, гласило:

Кофе — 15 центов
Чай — 15 центов
Прохладительные напитки — 25 центов
Пицца — 30 центов
Сандвич — 25 центов
Хот-дог — 35 центов

На втором клочке бумаги крупными буквами было написано:

**ПОЖАЛУЙСТА, ДОЖДИТЕСЬ, ЧТОБЫ
ВАС ОБСЛУЖИЛИ**
Вас обслуживают добровольные помощники, которых Ваши поспешность и пренебрежение могут огорчить. Пожалуйста, запаситесь терпением и помните: ГОСПОДЬ ВАС ЛЮБИТ!

Дрейк был погружен в чтение какого-то затрепанного журнала. Заметив нового посетителя, он приподнял голову, и на мгновение его глаза заволокло пеленой, словно он мысленно щелкал пальцами, вспоминая нужное имя. В следующее мгновение он улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте, мистер Доус.

— Здравствуйте, Дрейк. Могу я попросить чашку кофе?

— Да, конечно. — Он обернулся, взял белую кружку из воздвигнутой за спиной пирамиды и наполнил ее кофе. — С молоком?

— Нет, черный. — Он протянул Дрейку двадцатипятицентовую монетку, а Дрейк отдал ему сдачу — десятицентовик, который вынул из сигарной коробки. — Я хотел поблагодарить вас за помощь, а заодно сделать пожертвование.

— Вам не за что меня благодарить.

— Есть за что. Скверная была вечеринка.

— Действие наркотиков бывает непредсказуемым.

Не всегда, конечно, но довольно часто. Прошлым летом ребята принесли сюда своего приятеля, который хватанул ЛСД в городском парке. Бедняга истошно вопил, что за ним гонятся голуби, которые хотят его сожрать. Жуть, да?

— Девушка, которая угостила меня мескалином, сказала, что однажды выловила из унитаза мужскую руку. Причем она до сих пор не уверена, пригрезилось ей это или нет.

— Кто она?

— Точно не знаю, — честно признался он. — А вот это — вам. — Он положил на стойку рядом с сигарной коробкой стопку купюр, перехваченных красной резинкой.

Дрейк нахмурился; трогать деньги не стал.

— Вообще-то деньги предназначены вашему заведению, — сказал он. Дрейк это, несомненно, понимал, но ему не хотелось, чтобы бывший священник хранил молчание.

Держа купюры левой рукой, Дрейк изуродованной правой снял резиновую обхватку. Отложил резинку в сторону и медленно пересчитал деньги.

— Здесь пять тысяч долларов, — промолвил он наконец.

— Да.

— Вы обидитесь, если я спрошу, откуда...

— Я взял эти деньги? Нет, не обижусь. Я их выручил за продажу своего дома городским властям. Они собираются проложить там автостраду.

— А ваша жена согласна?

— Моя жена тут ни при чем. Мы разъехались. Скоро разведемся. Она получает свою половину де-

нег от продажи независимо от того, как я поступлю со своей.

— Понятно.

Между тем старый выпивоха за столом начал что-то напевать себе под нос. Скорее даже мычать, потому что слов было не разобрать.

Дрейк задумчиво ткнул в стопку денег указательным пальцем. Было видно, что его что-то беспокоит.

— Я не могу их взять, — промолвил он наконец.

— Почему?

— Помните наш последний разговор? — сказал Дрейк.

Он отлично его помнил. Поэтому ответил почти сразу:

— Таких планов у меня нет.

— Я в этом не уверен. Человек, заинтересованный жить в этом мире, не разбрасывает деньги направо и налево.

— Я их вовсе не разбрасываю, — твердо сказал он.

— Тогда как это называется? — спросил Дрейк.

— Черт побери, мне случалось жертвовать деньги людям, которых я вообще в глаза не видел. На исследования в области рака. Фонду помощи обездоленным детям. Бостонской городской больнице. В Бостоне я вообще ни разу не был.

— И вы раздавали такие крупные суммы?

— Нет.

— Тем более — наличные, мистер Доус. Человек, которого деньги интересуют по-настоящему, предпочитает их вообще в глаза не видеть. Он выдает чеки, подписывает векселя, расплачивается по кредитным карточкам. Для него деньги становятся своеобразным символом. А в нашем обществе деньги не нужны разве что тому, кто не особенно нуждается и в самой жизни.

— Что-то, черт побери, вы слишком материалистически рассуждаете для...

— Священника? — закончил за него Дрейк. — Но я ведь больше не священник. После этого случая. — Он приподнял свою обожженную, изувеченную руку. — Рассказать вам, как я достаю деньги, чтобы поддерживать это заведение? Ведь люди, что работают здесь, — все без исключения старики, которые совершенно не понимают приходящую молодежь, но тем не менее не могут оставаться безразличными к ее проблемам. Есть здесь у меня ребята, выпущенные из тюрьмы с испытательным сроком, так они в уличных оркестрах играют. По кругу шапку пускают. Но главным образом мы, конечно, существуем за счет денег от богатых жертвователей. Я стараюсь посещать все благотворительные мероприятия. На дамских чаепитиях выступаю. Рассказываю про детей-бродяжек, про несчастных бездомных, которые ночуют в канализации, а по ночам жгут газеты, чтобы спастись от холода. Про пятнадцатилетнюю девочку, которая ушла из дома в 1971 году, а когда появилась у нас, то ее голова и лобок так и кишели огромными белыми вшами. Про то, сколько у нас в городе больных венерическими заболеваниями. Про «рыбаков» — мужчин, которые подстерегают на автовокзалах сбежавших подростков и предлагают им зарабатывать, торгуя своим телом. Про мальчиков, которые делают в туалетах минеты за десять долларов; или за пятнадцать — если глотают сперму. А половину выручки отдают сутенерам. Женщины ахают и охают от ужаса, сердца их, возможно, замирают, но зато они раскошеливаются, а это для нас самое главное. Порой их удается так пробрать, что они не только жертвуют десятку, но и приглашают меня домой. Устраивают торжественный ужин, знакомят с

домочадцами и просят произнести проповедь, едва горничная успевает подать первое блюдо. И приходится произносить, Доус, как бы меня от этих слов ни воротило. Потом нужно непременно погладить по головке какого-нибудь ребенка — а ребенок почему-то находится всегда, — и говорить: ах какой славный мальчик! Или — ах какая замечательная девочка! Если же повезет, то эта дама еще пригласит своих знакомых, которые хотят своими глазами увидеть священника-расстригу и бунтаря, который, возможно, поставляет оружие «черным пантерам» или Организации освобождения Палестины, и тогда приходится напускать на себя личину патера Брауна и слащаво улыбаться, пока морда не треснет. Все это называется — трясти денежное дерево или выдаивать долларовую корову. Обставлено все ужасно красиво, но вот по возвращении домой чувствуешь себя настолько оплеванным, словно весь день проторчал в сортире, вылизывая задницу какому-нибудь нуворишу. Да, для меня это, конечно, составляет часть моего обета покаяния, однако некрофилия — извините за это слово, мистер Доус, — в наложенную на меня епитимью не входит. Вот почему я вынужден отказаться от вашего предложения.

— За что на вас наложили епитимью?

— А это, — криво улыбнулся Дрейк, — останется между мной и Богом.

— Но почему вы избрали именно такой способ сбора денег, который вам столь отвратителен? — спросил он. — Почему бы не просто...

— Для меня этот способ единственный. Я отрезал себе пути к отступлению.

Вдруг он с упавшим сердцем понял, что Дрейк только что объяснил ему причину его собственного прихода сюда, причину всех его последних поступков.

— У вас ничего не болит, мистер Доус? Вы выглядите так, словно...

— Нет, у меня все в порядке. Я хочу пожелать вам удачи в вашем деле. Даже если вы ничего не добьетесь.

— Иллюзий у меня давно не осталось, — грустно улыбнулся Дрейк. — Вам же еще следует все обдумать. Не совершайте поспешных поступков. Всегда можно найти какой-то выход.

— В самом деле? — Он тоже улыбнулся в ответ. — Закрывайте-ка свое заведение. Пойдемте со мной и давайте вместе займемся делом. Я вам всерьез предлагаю.

— Вы, верно, шутите?

— Ничуть, — ответил он. — Возможно, кто-то пытается подшутить над нами обоими. — Он отвернулся, взял деньги и свернул их в трубочку. Парнишка продолжал спать. Старик поставил свою полупустую чашку на стол и таращился на нее отсутствующим взором. Он по-прежнему мычал себе под нос. Направляясь к выходу, он не останавливаясь, словно ненароком, засунул деньги прямо в чашку старика, отчего немного густой жидкости выплеснулось на стол. Затем быстро вышел и сел в машину, надеясь, что Дрейк поспешит следом, что-то скажет, может быть даже — спасет его. Но Дрейк не показывался; возможно, он и сам ожидал, что Барт вернется и спасет его.

Но он запустил мотор и уехал.

14 января 1974 года

Он поехал в центр города и купил в универмаге «Сирс» автомобильный аккумулятор и пару соединительных проводов с зубастыми зажимами-«крокодиль-

чиками» на концах. На боку аккумулятора были выведены два слова:

ДОЛГОЖИВУЩАЯ БАТАРЕЯ

Вернувшись домой, он убрал новые приобретения в стенной шкаф, куда ранее припрятал и ящик со взрывчаткой. Представил, что случится, если вдруг полиция заявится к нему с ордером на обыск. Ружья в гараже, взрывчатка в гостиной, крупная сумма денег в кухне. Б. Д. Доус, тайный революционер. Секретный агент X-9, работающий на такой зловещий преступный синдикат, что его даже упомянуть страшно. Он выписывал «Ридерз дайджест», в котором наряду со всякой чепухой публиковали порой и вполне увлекательные шпионские романы. Самым страшным бывало, когда шпион оказывался одним из своих. Агентом КГБ из Де-Мойна или Вильметта, который передавал микро пленки в публичной библиотеке, поедая бигмаки, планировал, как свергнуть республиканское правительство, носил в полости зуба капсулу с синильной кислотой.

Да, стоит им только взять ордер на обыск — и ему конец. Однако как ни странно, он уже больше не боялся. Он перешагнул границу страха.

15 января 1974 года

— Скажите, что вам от меня еще нужно, — устало произнес Мальоре.

За окном валил мокрый снег, а день выглядел серым и унылым. В такой день любой автобус, вынырнувший из безжизненной серой дымки, разбрызгивая грязь, показался бы плодом больной фантазии шизо-

френика; даже сама жизнь казалась в такой день существующей лишь в воображении психопата.

— Отдать вам мой дом? Мою машину? Жену? Забирайте все, что хотите, Доус, только оставьте меня наконец в *покое* на старости лет.

— Послушайте, — смущенно сказал он, — я понимаю, что надоел вам...

— Он понимает, что надоел мне, — обратился Мальоре к стенам. Затем воздел руки и бессильно опустил их на свои мясистые ляжки. — Тогда почему, черт вас дери, вы не оставляете меня в *покое*?

— Это в последний раз.

Мальоре закатил глаза к потолку.

— Замечательно, — снова сказал он стенам. — И что вам понадобилось от меня на сей раз?

Он вытащил из кармана деньги и сказал:

— Здесь восемнадцать тысяч долларов. Ваша доля — три тысячи. За то, чтобы найти одного человека.

— Кого?

— Девушку в Лас-Вегасе.

— А оставшиеся пятнадцать тысяч предназначены ей?

— Да. Я хочу, чтобы вы вложили их в выгодное дело и выплачивали ей проценты.

— В законные операции?

— В любые, которые приносят прибыль. Тут я целиком полагаюсь на вас.

— Он полагается на меня, — ворчливо поведал стенам Мальоре. — Вегас — город крупный, мистер Доус. И люди в нем долго не задерживаются.

— Неужели у вас нет там связей?

— Связи там у меня есть. Но если речь идет о какой-то хиппующей девчонке, которая уже успела удрать в Сан-Франциско или Денвер...

— Она зовет себя Оливия Бреннер. И мне кажется, что она до сих пор находится там. Торгует гамбургерами в какой-то забегаловке...

— Которых там не меньше двух миллионов! — всплеснул руками Мальоре. — О Господи Иисусе! Пресвятая Дева Мария! Старый Иосиф-плотник!

— Она делит квартиру с каким-то приятелем, — поспешно добавил он. — Так она мне по телефону сказала. Не знаю только — где. Рост у нее примерно пять футов и восемь дюймов. Волосы темные, глаза зеленые. Прекрасная фигура. Двадцать один год. По ее словам, во всяком случае...

— А что, если я не сумею разыскать вашу красотку?

— Тогда оставите все деньги себе. Считайте это платой за занудство.

— А что, по-вашему, помешает мне сделать так сразу?

Он поднялся, оставив деньги на столе Мальоре:

— Ничего, конечно. Но у вас честное лицо.

— Послушайте, — сказал Мальоре. — Я не собираюсь вправлять вам мозги. Вам и без того здорово насолили. Но знайте — мне это все не по душе. Как будто вы делаете меня своим душеприказчиком, исполнителем своей последней воли — чтоб ее черти разорвали!

— Если не хотите, можете отказаться.

— Нет, нет, вы не понимаете — дело не в этом. Если она по-прежнему в Вегасе и ее знают под именем Оливии Бреннер, то я ее найду. И три тысячи — вполне разумная плата за эту услугу. Но вы меня тревожите, Доус. Вы, кажется, просто одержимый.

— Так и есть.

Мальоре хмуро воззрился на разложенные на столе под стеклом семейные фотографии: там были изображены он сам, его жена и дети.

— Ну хорошо, — сказал он. — Но только в последний раз. В самый последний, Доус. Зарубите это себе на носу. Не приезжайте ко мне и не звоните. Никогда. У меня и без вас проблем хватает.

— Согласен.

И он протянул ему правую руку, отнюдь не будучи уверен, согласится ли Мальоре пожать ее. Но Мальоре крепко стиснул его ладонь.

— Не понимаю я вас, — сказал Мальоре. — И почему я помогаю парню, у которого нет ни грамма здравого смысла?

— Во всем нашем мире вы не сыщете здравого смысла, — сказал он. — А если сомневаетесь — вспомните про собаку мистера Пиацци.

— А я никогда про нее не забываю, — ответил Мальоре.

16 января 1974 года

Запечатанный конверт с чековой книжкой он отвез в почтовое отделение на углу и оформил его отправку. Вечером пошел в кино на фильм «Изгоняющий дьявола»; главным образом ради Макса фон Сюдова, которым всегда восхищался. В одном эпизоде, когда маленькая девочка блеванула прямо в лицо католическому священнику, зрители на задних рядах хлопали и улюлюкали.

17 января 1974 года

Ему позвонила Мэри. Голос ее звучал весело и беззаботно, отчего беседа сразу пошла в непринужденном русле.

— Ты продал дом, — заявила она.

— Да.

— Но еще не съехал.

— До субботы еще побуду здесь. Я снял здоровенный дом за городом. Скоро надеюсь устроиться на работу.

— О, Барт, как это замечательно! Я так рада! — И вдруг он понял, почему ему так легко говорить с ней. Мэри притворялась. Она вовсе не радовалась и не огорчалась. Ей стало безразлично — она сдалась. — Барт, насчет этой чековой книжки...

— Да.

— Ты ведь разделил вырученные деньги пополам, да?

— Да. Если хочешь проверить, перезвони мистеру Феннеру.

— Нет, дело вовсе не в *этом*. — Он словно воочию увидел, как она отмахнулась. — Я имела в виду... ты разделил их так... словом, значит ли это, что мы...

Она выжидательно приумолкла. Почти театрально. Даже мастерски.

Ах ты, сука! — подумал он. *Приперла-таки меня к стенке.*

— Да, наверное, — произнес он. — Мы разводимся.

— Ты это хорошо продумал? — спросила она с напускным волнением. — Ты и в самом деле хочешь...

— Да, я все продумал.

— Я тоже, — вздохнула Мэри. — Похоже, другого выхода у нас и правда нет. Но я на тебя зла не держу, Барт. Я хочу, чтобы ты это знал.

Господи, она читалась этих дешевых романов, подумал он. *Сейчас скажет еще, что собирается вернуться в школу.* Он даже сам поразился, насколько это огорчило его. Он уже думал, что искоренил остатки сентиментальности.

— И чем ты собираешься заняться? — спросил он.

— Я возвращаюсь в школу, — ответила Мэри уже без притворства, голос ее зазвенел от искренней радости. — Раскопала у мамы в мансарде свои старые конспекты. Представляешь, мне нужно сдать всего двадцать четыре зачета, чтобы меня приняли. Это займет чуть больше года!

Он представил, как Мэри ползает по мансарде, и вспомнил, как еще недавно сам рылся на чердаке в вещах Чарли. Воспоминания были болезненные, и он отключил их.

— Барт? Ты меня слышишь?

— Да. Я очень рад, что ты не будешь скучать, оставшись в одиночестве.

— Барт, — укоризненно произнесла она.

Впрочем, ему незачем было поддразнивать ее, упрекать или портить ей настроение. Колеса уже завертелись. Собака мистера Пиацци, укусив однажды, почуяла вкус крови и теперь рвалась в бой. Мысль эта показалась ему настолько забавной, что он хихикнул.

— Барт, ты плачешь? — взволнованно спросила Мэри. Голос ее звучал участливо, почти с нежностью. Но вместе с тем — насквозь фальшиво.

— Нет, — сухо сказал он.

— Барт, я могу что-нибудь для тебя сделать? Если да; то скажи — я очень хочу тебе помочь.

— Нет. У меня все нормально. И я рад, что ты возвращаешься в школу. Послушай, а кому из нас подавать на развод? Тебе или мне?

— Наверное, лучше мне, — робко ответила она. — Так будет правильнее.

— Хорошо, — согласился он. — Пусть будет по-твоему.

Воцарилось молчание, которое нарушила Мэри, внезапно выпалив:

— Скажи, ты спал с кем-нибудь после моего ухода?

Он чуть призадумался, выбирая, как быть: сказать ли правду, соврать или ответить уклончиво, чтобы Мэри всю ночь ворочалась, мучаясь подозрениями.

— Нет, — ответил он наконец. А потом, чуть помолчав, спросил: — А ты?

— Нет, конечно! — выпалила она, уязвленно и обрадованно в одно и то же время. — Как ты мог такое подумать?

— Рано или поздно это все равно случится.

— Барт, давай не будем это обсуждать.

— Хорошо, — миролюбиво согласился он, хотя первой заговорила на эту тему Мэри. Он подбирал слова, пытаясь сказать ей что-нибудь хорошее, доброе, нечто такое, что запомнилось бы ей надолго. Но как назло, в голову ничего не лезло, а в конце он уже и сам перестал понимать, почему хочет, чтобы она его вообще вспоминала. Конечно, у них было что вспомнить. Жили-то они хорошо. Он был уверен, что хорошо, потому что сам толком вспомнить никаких особенных событий не мог. Если не считать истории с этим дурацким телевизором.

Словно со стороны, он услышал собственный голос:

— А помнишь, как мы с тобой впервые отвели Чарли в детский садик?

— Да, Барт. Он расплакался, и ты уже был готов забрать его с собой. Ты не хотел его отдавать.

— А вот ты хотела.

Мэри принялась горячо возражать, но он ее не слушал. Он прекрасно помнил ту сцену. Детский сад располагался в цоколе, и, спускаясь с упирающимся и плачущим Чарли по лестнице, он ощущал себя предателем; сродни фермеру, который ведет корову на бойню, хлопая ее по бокам и приговаривая: «Не волнуйся, Бесс, все будет в порядке». Прелестный был

мальчуган его Чарли. Белокурые от рождения волосы вскоре потемнели, а вот глазенки как были синими, так и остались. Они были вдумчивыми и наблюдательными, даже когда Чарли еще только учился ходить. Когда они спустились по лестнице, Чарли стоял между ними, держа их с Мэри за руки и глядя на других детей, которые бегали, кричали, рисовали и вырезали что-то из цветной бумаги ножницами с закругленными концами. Детей было превеликое множество, и Чарли никогда прежде не казался ему настолько маленьким и подавленным, как в ту минуту. В его глазенках не было ни радости, ни страха — только напряженное внимание и... *отчужденность*. И сам он никогда не ощущал такой близости к своему сыну, как в ту минуту, когда, казалось, даже мысли их звучали в унисон. И тут подошла миссис Рикер, улыбаясь, как барракуда, и сказала: *Заходи, Чак, у нас тут весело!* Ему отчаянно захотелось выкрикнуть: *Моего сына зовут вовсе не так!* А потом, когда она потянулась, чтобы взять Чарли за руку, мальчик не шелохнулся, держа руки по швам, и ей пришлось как бы украсть его ручонку. Пройдя за миссис Рикер, Чарли остановился, обернулся и посмотрел на родителей. Глаза его говорили: *Неужели ты это допустишь, Джордж?* А его собственные глаза отвечали: *Боюсь, что да, Фредди.* А потом они с Мэри зашагали по ступенькам, повернувшись к Чарли спинами — самое страшное зрелище для ребенка, — и Чарли разрыдался. Однако Мэри даже не приостановилась, ведь женская любовь непредсказуема и жестока; это всегда любовь с открытыми глазами, эгоистичная и расчетливая. Мэри знала, что сейчас должна уйти, поэтому спокойно уходила, не обращая внимания на плач ребенка, отмахиваясь от него, как от причитаний по поводу исцарапанных коленок. А вот у него закололо в

груди, причем боль была настолько острой, что он даже испугался, не инфаркт ли это...

Теперь-то он уже знал, что родительские спины не самое страшное зрелище на свете. Куда страшнее, когда дети тут же выбрасывают это зрелище из головы, торопясь приступить к своим занятиям — игре, головоломке, новым приятелям, а в конце концов — к смерти. Эту ужасную правду он — увы — для себя открыл. Чарли начал умирать задолго до того, как заболел, и остановить это было невозможно. Как несущуюся лавину.

— Барт? — словно сквозь сон, услышал он голос Мэри. — Ты еще там?

— Да.

— Какой смысл в том, чтобы все время думать о Чарли? Беречь раны. Ты ведь себя просто сжигаешь. Ты превращаешься в его раба.

— Зато ты свободна, — сказал он. — Наконец.

— Пригласить адвоката на той неделе?

— Да. Пожалуйста.

— Мы ведь не будем с тобой ссориться, верно, Барт?

— Нет. Все пройдет очень достойно. Как у цивилизованных людей.

— Ты не передумаешь? Не станешь потом оспаривать решения?

— Нет.

— Ну... Хорошо, тогда до встречи.

— Ты знала, что надо его оставить, и оставила. Жаль, я не могу всегда полагаться на свое чутье.

— Что?

— Ничего. До свидания, Мэри. Я люблю тебя. — Он понял, что произнес это, когда уже положил трубку. Слова эти сорвались с его губ машинально. Автоматически. Хотя получилось вовсе не дурно. Для прощания.

18 января 1974 года

— А кто его спрашивает? — поинтересовалась невидимая секретарша.

— Барт Доус.

— Подождите, пожалуйста, минутку.

— Хорошо.

Он держал возле уха молчащую трубку, притопывая ногой и глядя из окна на вымершую Крестоллен-стрит. День выдался солнечный, но очень морозный. Ветер вздымал тучи снежинок, которые кружились на фоне опустевшего дома Хобартов — пустой скорлупки с зияющими окнами, дожидавшейся разрушения. Хобарты при переезде увезли с собой даже ставни.

В трубке щелкнуло, и голос Орднера произнес:

— Привет, Барт! Как дела?

— Прекрасно.

— Что я могу для вас сделать?

— Я насчет прачечной, — ответил он. — Хотел узнать, что решила корпорация по поводу переезда.

Орднер вздохнул, а затем сдержанно произнес:

— Вам не кажется, Барт, что вы несколько поздно-новато спохватились?

— Стив, я не для того позвонил, чтобы выслушивать ваши упреки.

— А почему бы и нет? Ведь вы нам всем грандиозную свинью подложили. Ну да ладно, кто прошлое помянет... Как бы то ни было, Барт, корпорация решила выйти из этого бизнеса. Как вам это нравится?

— Не слишком, — уклончиво ответил он. — Скажите, Стив, почему вы не увольняете Винни Мейсона?

— Винни? — изумился Орднер. — Но Винни вкалывает на совесть. Он нас здорово выручает. Не понимаю, почему вы так против него ополчились...

— Да бросьте вы, Стив. Будущего у него на этом месте не больше, чем у печного дымохода. Дайте ему развернуться — или увольте.

— По-моему, Барт, вы лезете не в свое дело.

— Вы его по рукам и ногам сковали, а парень еще желторотый и ни черта не понимает. Он до сих пор считает, что его озолотили.

— Мне сказали, что перед Рождеством вам от него здорово досталось, — злорадно напомнил Орднер.

— Я просто высказал ему правду, которая приплась ему не по вкусу.

— «Правда» — слово скользкое, Барт. И вам, наверное, это известно лучше, чем кому-либо другому, — ведь вы мастер по части вешания лапши на уши.

— Вы все еще обижаетесь?

— Довольно трудно пережить, когда человек, кому ты доверял, на поверку оказывается просто мешком дерьма, да еще с двойным дном.

— С двойным дном, — задумчиво повторил он. — Кто знает, Стив, возможно, вы правы.

— Вы еще что-то хотели, Барт?

— Нет, по большому счету — нет. Мне просто хотелось бы, чтобы вы перестали притеснять Винни. Он славный малый. А вы его гробите. Сами это знаете — ведь гробите, да?

— Повторяю, Барт: вы лезете не в свое дело.

— Или вы просто на нем зло вымещаете? Из-за того, что не можете до меня добраться?

— Барт, у вас, по-моему, мания преследования. Я мечтаю только побыстрее забыть о вашем существовании.

— Поэтому вы везде проверяли, вдруг у меня рыло в пушку, да? Интересовались, например, не брал ли я из кассы наличность. Не стирал ли собственное бе-

лье за казенный счет. Не вступал ли в сговор с владельцами мотелей. И так далее.

— Кто вам это сказал? — рявкнул Орднер. Он казался растерянным, даже немного испуганным.

— Некто из вашей организации, — радостно соврал он. — Человек, который вас ни в грош не ставит, но надеется, что мне будет о чем порассказать на следующем совете директоров.

— Кто?

— Прощайте, Стив. Подумайте про Винни Мейсона, а я подумаю, обсуждать мне с кем-нибудь полученную информацию или оставить ее при себе.

— Не вешайте трубку, Барт! Эй...

Но он уже бросил трубку, торжествующе ухмыляясь. И Стив Орднер на поверку оказался пресловутым колоссом на глиняных ногах.

Он запрокинул голову назад и громко расхохотался.

19 января 1974 года

С наступлением темноты он вышел в гараж, достал припасенное там оружие и принес в гостиную. Тщательно, в соответствии с инструкцией, зарядил «магнум», не забыв сделать несколько контрольных спусков. В ушах гремела роллинговская песня «Полуночный гуляка». Он вообще восхищался «роллингами», а уж этим альбомом просто упивался. Он внезапно представил себя Бартоном Джорджем Доусом, полуночным гулякой, принимающим только по записи.

Патронник «уэзерби» сорок шестого калибра вмещал восемь зарядов. Они, на его взгляд, вполне подошли бы по размеру для средней гаубицы. Зарядив ружье, он с любопытством уставился на него, пытаясь

представить, в самом ли деле оно настолько мощное, как уверял Грязный Гарри Суиннертон. Он решил испытать его за домом. На Западной Крестоллен-стрит уже некому было жаловаться на ночную пальбу.

Надев куртку, он уже вышел было в кухню, но затем вернулся в гостиную и прихватил с дивана одну из небольших подушек. Потом прошел через кухню на задний двор и включил мощную двухсотваттную лампу, при свете которой они с Мэри готовили летом барбекю. Как он и ожидал, снег там был ровный, чистый и совершенно девственный. Не изгаженный следами. А раньше, бывало, Кенни, сынок Дона Апслингера, носился задними дворами, сокращая путь к дому своего приятеля Ронни. Или Мэри развешивала белье, натягивая веревки между домом и гаражом. Ему вдруг показалось совершенно чудесным, что с самого конца ноября, когда выпал первый снег, по его заднему двору не ступала ничья нога. Ни человека, ни даже собаки.

Его так и подмывало выйти на самую середину и слепить снежную бабу.

Однако вместо этого он встал, расставив ноги, положил подушку на правое плечо и упер в нее приклад увесистого «уэзерби». Зажмурив левый глаз, он посмотрел в прорезь прицела, попытавшись вспомнить совет, который актеры всегда давали друг другу в вечерних боевиках, прежде чем на берег высаживалась морская пехота. Как правило, седоватый ветеран — его неизменно играл Ричард Уидмарк — наставлял безусого юнца примерно так: *Не дергай за крючок, сынок, — НАЖИМАЙ на него!*

Хорошо, Фред. Посмотрим, попаду ли я в собственный гараж.

Он нажал на спусковой крючок. Ружье не выстрелило. Оно взорвалось. В первое мгновение он поду-

мал даже, что и сам взорвался. Однако в следующее мгновение, отброшенный мощной отдачей на кухонное крыльцо, он понял, что жив. Гулкое эхо выстрела зычно распространялось сразу во все стороны, словно рев реактивного двигателя. Подушка валялась в снегу. Плечо мучительно гудело.

— Черт побери, Фред, ну и дела! — прохрипел он.

Взглянув на гараж, он не поверил своим глазам. В боковой стене зияло отверстие, в которое запросто пролезла бы чайная чашка.

Поставив ружье на крыльцо, он зашагал к гаражу прямо по рыхлому снегу, забыв, что обут лишь в легкие туфли. Ощупав дыру, он изумленно покачал головой, затем направился в гараж.

Выходное отверстие оказалось еще шире. Он посмотрел на свой фургончик. Пуля угодила в дверцу со стороны водителя, прошив ее, словно та была сделана из бумаги. Открыв дверцу, он заглянул внутрь. Так и есть — продырявлена и вторая дверца, прямо под рукояткой.

Обогнув машину, он осмотрел противоположную стену гаража. Она тоже была пробита насквозь. Насколько он мог себе представить, пуля, возможно, продолжала свой полет.

Словно наяву он услышал голос Гарри: *Ваш кузен будет целить в брюхо... от такой пули кишки на двадцать футов разлетятся. А что, интересно, станется с человеком?* Наверное, то же самое. Он почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Вернувшись к кухонной двери, он подобрал подушку, машинально, чтобы не натоптать в кухне, вытер ноги и прошел в гостиную. Здесь он снял куртку и рубашку. На плече отпечатался здоровенный кровоподтек в виде ружейного приклада. И это несмотря на подушку.

Как был, по пояс голый, он сварил себе кофе и разогрел ужин. Покончив с едой, улегся на диван и ни с того ни сего расплакался. Он как бы со стороны прислушивался к собственным истерическим рыданиям и всхлипываниям, но понимал, что остановить их не в состоянии. Наконец, успокоившись, забылся тяжелым сном, хрипло дыша. Во сне он увидел самого себя, жутко постаревшего и с седой щетиной на щеках.

20 января 1974 года

Пробудившись, он виновато вздрогнул, опасаясь, что проспал до самого утра. Сон был тяжелый, мрачный и тягучий, как позавчерашний кофе; после такого сна он обычно полдня ходил с чугунной головой. Посмотрев на часы, он с облегчением увидел, что еще только четверть третьего ночи. Ружье лежало там, где он его оставил вчера — на кресле. «Магнум» покоился на столике.

Он встал, прогулялся в кухню и побрызгал водой лицо. Затем поднялся в спальню и облачился в чистую рубашку. Спускаясь по лестнице, заткнул полы рубашки за пояс. Запер все двери на первом этаже, причем с каждым щелчком очередного замка на сердце, как ни странно, становилось легче. Впервые с тех пор, как та чертова женщина скончалась у него на глазах в супермаркете, он почувствовал себя самым собой. Поместив «уэзерби» перед окном гостиной, он удобно разместил рядом заряды, поочередно вскрыв все коробочки. Подтащил кресло и перевернул его на бок.

Сходяв на кухню, запер все окна. Прикрыв за собой дверь, подставил под ручку принесенный из столовой стул. Затем налил себе холодного кофе, отхлеб-

нул, поморщился и вылил в раковину. Смешал коктейль.

Вернувшись в гостиную, он вынул из стенного шкафа автомобильный аккумулятор. Подтащил его к окну и поставил рядом с перевернутым креслом. Рядом положил соединительные провода.

Пыхтя от натуги, отнес наверх ящик со взрывчаткой. Поставил на пол, переводя дыхание, затем, переходя из комнаты в комнату, везде включил свет — в гостевой спальне, в своей спальне и в кабинете, где была когда-то комната Чарли. Подставил стул под люком и, вскарабкавшись на чердак, включил свет и там. Затем спустился в кухню и прихватил рулончик изоляционной ленты, ножницы и острый нож.

Вынув из ящика две шашки взрывчатки (на ощупь она была мягкой, а пальцы оставляли на ее поверхности отпечатки), он отнес их на чердак. Отхватил два куска шнура и, аккуратно надрезав ножом, оголил металлическую сердцевину. Затем вдавил оголенные концы в мягкие «свечи». Два других конца шнуров он вставил еще в две шашки, которые разместил во встроенном шкафу под мансардным люком. Прикрыл шнуры изолентой, чтобы они не высвободились.

Напевая под нос, он протащил шнур с чердака в спальню и оставил по «свечке» на каждой из кроватей. Затем протянул шнур через холл, разместив взрывчатку в ванной и гостевой спальне. Выходя, выключил свет. В комнатке Чарли он оставил сразу четыре шашки, склеив их вместе. Вытащил шнур наружу и сбросил весь оставшийся моток вниз. Потом спустился сам.

Четыре шашки на кухонном столе возле бутылки «Южного комфорта». Еще четыре — в гостиной. Четыре — в столовой. Четыре — в прихожей.

Теперь в изрядно полегчавшем ящике оставалось всего одиннадцать «свечек» взрывчатки. А раньше в

ящике хранили апельсины — об этом свидетельствовала выцветшая надпись на боку, рядом с которой красовался оранжевый плод с листочком на черешке.

Он отнес ящик в гараж и поставил на заднее сиденье машины. Зарядил каждую шашку маальгинита коротеньким отрезком шнура, затем склеил все одиннадцать между собой с помощью изоленты и, подсоединив их к основному шнуру, протянул его в дом, аккуратно просунув под дверь, которую тут же запер за собой.

В гостиной он прилепил свободный конец шнура к главному шнуру. Затем, по-прежнему напевая под нос, протянул конец шнура к аккумулятору и, аккуратно надрезав ножом защитную оболочку, оголил его.

Разделив тонкие металлические нити на две части, он сплел каждую из них в косичку. Потом взял соединительный провод и прикрепил красный зажим к одной косичке, а черный — к другой. Подошел к аккумулятору, поднял второй конец провода и прикрепил черный «крокодильчик» к «плюсу» батареи. Красный зажим оставил рядом с «минусом».

Включив проигрыватель, он снова завел пластинку «Роллинг Стоунз». Было пять минут пятого. Приготовил себе коктейль и вернулся в гостиную. Не зная, как скоротать время, полистал журнал «Домоводство». Наткнулся на статью про семью Кеннеди. Прочитал ее. Затем проштудировал статью «Женщины и рак груди». Написала ее какая-то женщина-врач.

Они приехали в самом начале одиннадцатого, сразу после того, как на звоннице церквушки в пяти кварталах от его дома отбили колокола, призывавшие прихожан к заутрене — если это так у них называется.

Подкатили зеленый седан и бело-черная полицейская машина. Автомобили остановились на улице напротив его дома. Из седана вылезли трое. В одном из них он узнал Феннера. Остальных видел впервые. Каждый из троицы держал в руке портфель.

Из полицейского автомобиля выбрались двое патрульных. Судя по их беззаботному виду, никаких неприятностей они не ждали; опираясь на капот, копы что-то обсуждали, выпуская изо рта облачка белого пара.

Время остановилось.

Остановленное время, 20 января 1974 года

Что ж фред теперь по-моему тебе самое время объявиться или заткнуться навсегда я конечно понимаю что теперь уже поздно что-либо обсуждать потому что весь мой дом утыкан шашками взрывчатки как праздничный торт свечками а в руке я держу ружье способное уложить слона тогда как за поясом у меня заткнут пистолет словно у пресловутого джона диллинджера и вот теперь мне остается только принять последнее в своей жизни решение и замкнуть эту чертову цепь и вот теперь фредди когда

(эти люди замерли на улице словно на старинной фотографии а феннер в зеленом костюме приподнял ногу над тротуаром будто собираясь ступить на него у него красивые ботинки в модных резиновых галошах если конечно галоши бывают модными его зеленое пальто распахивается как у прокурора из полицейского сериала голова немного повернута в сторону он слушает что говорит ему человек в синем свитере и темно-коричневых брюках изо рта у него вылетает облачко его пальто тоже распахнуто а полы

колышутся под ветром третий человек чуть поотстал а полицейские стоят у своего черно-белого автомобиля и что-то оживленно обсуждают возможно семейные неурядицы или сложный случай или очередное поражение дурацких «мустангов» или своих любовниц а вот и солнышко пробилось и засияло на пряжке полицейского а на носу у второго полицейского темные очки и солнце отражается от них у него толстые губы он кажется улыбается: все это фотография)

я уже принял это решение может скажешь мне наконец хоть что-нибудь фредди малыш да сынок ты должен продержаться до приезда репортеров хорошо конечно джордж ты должен рассказать газетчикам и телевизионщикам про то что они с нами сделали ты никогда не задумывался фредди насколько мы одиноки как в этом городе да и во всем мире люди жрут гадят трахаются расчесывают свои язвы и обо всем этом пишут в книгах тогда как мы с тобой брошены на произвол судьбы и должны все это выдерживать да джордж я обо всем этом задумывался даже если помнишь пытался тебе об этом рассказать и если это послужит тебе утешением то сейчас мне кажется что ты поступаешь правильно но только у меня к тебе одна просьба джордж пожалуйста не убивай никого ладно хорошо фред но ведь ты понимаешь в какое положение меня поставили да джордж понимаю и мне страшно нет не бойся все будет в порядке вот увидишь
ну давай врежь им

20 января 1974 года

— Врежь им! — громко сказал он, и тут началось. Прижав приклад «уэзерби» к плечу, он тщательно прицелился в правое переднее колесо патрульной машины и нажал на спусковой крючок.

Ружье оглушительно бухнуло, а ствол после выстрела подбросило вверх. Окно гостиной, казалось, вылетело наружу; остались лишь острые осколки, торчавшие из рамы наподобие стеклянных стрел на картинах импрессионистов. Покрышка колеса не лопнула — она с грохотом взорвалась, а сам автомобиль резко подскочил, словно пес, которого пнули ногой во сне. С колеса отлетел колпак и покатился по замерзшему асфальту Крестоллен-стрит.

У Феннера отвалилась челюсть. Он ошалело уставился на дом. Мужчина в синем свитере выронил портфель. А вот третий оказался проворнее. Он рыбкой нырнул за зеленый седан и затаился там.

Полицейские бросились за свою машину — один влево, второй вправо. Мгновение спустя тот, что был в темных очках, высунулся из-за капота и трижды подряд пальнул из револьвера. По сравнению с могучим рыком «уэзерби» выстрелы эти показались жалкими хлопками. Словно стреляли пробки от шампанского. Скорчившись за стулом, он услышал, как пули — *вжжжжжжжж* — прожужжали над головой и впились в стену над диваном. Звук этот походил на глухие шлепки, с которыми боксеры молотят грушу в тренировочном зале. Вот, значит, что услышу я, когда подстрелят меня, подумал он.

Полицейский в очках орал на Феннера и его коллегу в синем свитере:

— Ложитесь! Скорее, черт побери! Чего ждете? Пока он вас на куски разнесет из своей гаубицы?

Он чуть приподнял голову, чтобы рассмотреть, что происходит на улице, но полицейский, заметив его, дважды выстрелил. Обе пули снова угодили в стену, причем на этот раз любимая картина Мэри, «Рыбаки» Уинслоу Хомера, сорвалась с крючка и упала сначала

на диван, а потом на пол. Стекло вылетело из рамки и со звоном разбилось.

Он опять приподнял голову — должен же он был как-то наблюдать за происходящим (и почему он только не догадался купить детский перископ?); может, они попытаются обойти его с флангов? Так, во всяком случае, поступал герой, которого играл Ричард Уидмарк. Попытайся полицейские взять его в клещи, и ему, наверное, пришлось бы уложить одного из них, однако оба блюстителя порядка по-прежнему прятались за своим покалеченным автомобилем, а Феннер и мужчина в синем свитере укрылись за зеленым сиданом. Портфель Синего Свитера валялся на тротуаре, словно подстреленный зверек. Он прицелился в него и, заранее закусив губу в ожидании болезненной отдачи, надавил на спуск.

ТРРРАХ! — и портфель, разорванный на две части, взмыл в воздух, изрыгая из своего развороченного нутра какие-то бумаги.

Он выстрелил еще раз, целясь теперь в переднее колесо седана; оно тоже разлетелось в клочья со страшным грохотом. Кто-то из укрывавшихся за ним людей дико, по-заячьи, заверещал от испуга.

Он перевел взгляд на полицейский автомобиль — дверца водителя была открыта. Полицейский в очках полулежал на сиденье и что-то кричал в микрофон. Вскоре, значит, соберутся и остальные участники торжества. Он испытал смешанное с горечью облегчение. Больше ему не придется таить все это в себе. Плакать в одиночестве по ночам. Какие бы личное горе, обида и разочарование ни толкнули его на этот самоубийственный шаг, ни бросили его в этот бездонный омут — теперь он уже будет не один. Все — его уже завертело в водовороте общего безумия. Вскоре его низ-

ведут до краткого заголовка — ЗЫБКОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ НА КРЕСТОЛЛЕН-СТРИТ.

Отложив ружье в сторону, он пополз на четвереньках по полу, стараясь не обрезать об осколки. Взяв с дивана подушку, пополз обратно. В автомобиле полицейского уже не было.

Вынув из-за пояса «магнум», он дважды выстрелил по машине. Пистолет громко рывкнул, но отдача была терпима. Плечо мучительно пульсировало, как больной зуб.

Второй полицейский — без очков — высунулся из-за капота и дважды выстрелил в его сторону. В ответ он пальнул по багажнику и высадил заднее стекло. Коп поспешно пригнулся и больше не стрелял.

— Прекратите огонь! — крикнул Феннер. — Дайте мне поговорить с ним!

— Валяйте! — великодушно разрешил кто-то из полицейских.

— *Доус!* — проревел Феннер; точь-в-точь как детектив из последней серии боевика «Кегни и Лейси». (Прожектора полицейских безжалостно шарят по окнам развалюхи, в которой Бешеный Пес Доус укрылся с двумя крупнокалиберными пистолетами, раскалившимися от пальбы. Свирепо оскалившийся Бешеный Пес затаился за перевернутым креслом.) — *Доус, вы меня слышите?*

— Смелей, подлые легавые! Давайте — арестуйте меня! — Это Бешеный Пес — его залитое потом лицо перекошено от ярости — выкрикивает в ответ.

Высунувшись из-за кресла, он опустошил магазин «магнума», буквально изрешетив корпус зеленого седана.

— Господи! — завопил кто-то. — Он же ненормальный!

— *Доус!* — снова проорал Феннер.

— Живым вам меня не взять! — выкрикнул он, опьянев от восторга. — Вы грязные мерзавцы, которые убили моего братика! Прежде чем вы со мной покончите, я многих из вас на тот свет отправлю! — Дрожаящими руками он перезарядил «магнум», а затем дозарядил магазин «уэзерби».

— *Доус!* — снова слышался голос Феннера. — *Давайте договоримся!*

— Нет, скотина, я сперва тебя свинцом угощу! — задорно крикнул он, не спуская глаз с полицейского автомобиля. Стоило только копу в очках высунуться из-за капота, как он тут же выстрелил пару раз поверх его головы; коп поспешно нырнул за укрытие. Одна из пуль угодила в балконную дверь брошенного дома Куиннов на другой стороне улицы.

— *Доус!* — громовым голосом взревел Феннер.

— Да заткнитесь вы! — в сердцах посоветовал ему один из полицейских. — Вы же его только заводите.

Воцарилось неловкое молчание, и слышался отдаленный рев постепенно приближающихся сирен. Отложив в сторону «магнум», он снова взялся за ружье. Пьянящее возбуждение постепенно проходило, уступая место усталости и оцепенению; к тому же его отчаянно потянуло опорожнить кишечник.

Господи, скорей бы подъехали телевизионщики, молился он. Со всем оборудованием.

Когда за углом раздался визг тормозов первой патрульной машины — она летела по улице точь-в-точь как в фильме «Французский след», — он был уже наготове. Дважды пальнув из «уэзерби» поверх голов полицейских, прятавшихся за своей машиной, он тщательно прицелился в радиатор мчавшегося на подмогу автомобиля и, снова подражая седовласому ветерану в исполнении Ричарда Уидмарка, плавно на-

жал на спуск. Радиатор взорвался, а крышка капота встала на дыбы, как дикий мустанг. Машина по инерции промчала еще ярдов сорок, вылетела на тротуар и врезалась в дерево. Дверцы открылись, и из нее выпали четверо полицейских с пистолетами на изготовку; вид у всех был ошеломленный. Двое тут же столкнулись лбами. Тем временем двое копов, прятавшихся за машиной (его копов, он уже считал их своими), открыли беглый огонь, и он «лег на дно» за своим креслом, прислушиваясь к жужжанию пуль над головой. Было уже без семнадцати минут одиннадцать. Он решил, что уж теперь они точно попытаются обойти его с флангов.

Он высунул голову — иначе было нельзя, — тут же над правым ухом просвистела пуля. С противоположной стороны Крестоллен-стрит показались еще две патрульные машины с воющими сиренами и включенными мигалками. Двое полицейских из подбитого им автомобиля попытались перелезть через заборчик напротив заднего двора Апслингеров, и он трижды пальнул в их сторону из ружья, вынуждая их вернуться к машине. Так они и поступили. Щепки забора Уилбура Апслингера (весной и летом по нему карабкался плюш) брызнули во все стороны, густо усеяв снег.

Еще две подоспевшие полицейские машины оставились в тупичке перед домом Джека Хобарта. Копы, низко пригибаясь, выпали наружу. Один из них переговаривался по портативному радиоустройству с полицейскими из подбитого автомобиля. Мгновением позже свежие силы открыли по нему ураганный огонь, снова вынуждая его залечь в укрытие. Пули сыпались дождем, безжалостно впиваясь в двери и стены, выбивая остатки стекла из разбитого окна. Зеркало в прихожей со звоном разлетелось мириадами алмазных брызг. Одна пуля угодила в плед, при-

крявавший искалеченный телевизор, и плед судорожно дернулся, смешно заплесав.

Он на четвереньках пересек гостиную и, чуть прижавшись, выглянул из маленького окна за телевизором. Отсюда ему был прекрасно виден задний двор Апслингеров. Двое полицейских снова пытались пробраться сюда. У одного шла кровь из разбитого носа.

Фредди, мне, наверное, придется убить одного из них. Иначе их не остановить.

Не надо, Джордж. Прошу тебя. Не надо.

Рукояткой «магнума» он высадил стекло, порезав при этом руку. Оглянувшись на шум, они заметили его и мгновенно открыли огонь. Стреляя в ответ, он увидел, что две из его пуль пробили здоровенные дыры в новенькой алюминиевой обшивке дома Уилбура (интересно, выплатили ли ему власти компенсацию?), и тут же услышал глухой стук, с которым пули проникали в стену уже его дома — под окном и по обеим сторонам от него. Одна срикошетила от подоконника, и в лицо ему полетели щепки. Он ожидал, что в любую секунду пуля разнесет ему череп. Трудно было судить, сколько продолжалась эта перестрелка. Вдруг один из его противников вскрикнул и схватился за локоть. Пистолет выпал из его руки, как у ребенка, которому надоела дурацкая игра. Держась за локоть, он согнулся и забегал по кругу. Его товарищ схватил раненого за плечи и потащил к машине.

Он снова опустился на четвереньки, вернулся к перевернутому креслу и осторожно выглянул. Так, еще два полицейских автомобиля, по одному с каждой стороны улицы. Восемь свежих копов, пригнувшись, побежали к зеленому седану и полицейскому автомобилю с пробитым колесом.

Он пополз в прихожую. Огонь усилился и стал почти ураганным. Он понимал, что должен взять ружье

и подняться на второй этаж — оттуда стрелять будет удобнее. Возможно, ему даже удастся выбить их из укрытия и заставить отступить к домам на противоположной стороне улицы. Но он боялся оставить аккумулятор. Тем более что вот-вот должны были подоспеть телевизионщики.

Входная дверь была уже вся изрешечена пулями, коричневая обшивка висела клочьями, обнажая под собой деревянную раму. Он прополз в кухню. Все окна здесь были разбиты, а пол усеян стеклом. Шальная пуля сшибла с плиты кофейник, который теперь валялся на полу в луже коричневой жижи.

Присев под подоконником, он затем резко выпрямился и разрядил «магнум» в машины, стоявшие в тупичке. Пальба по кухне мигом усилилась. Две дырки появились в эмалированной дверце холодильника, а еще одна пуля угодила в бутылку «Южного комфорта» на столе. Бутылка со звоном разлетелась, обдав его дождем осколков и южного гостеприимства.

Передвигаясь на четвереньках в гостиную, он вдруг почувствовал, как ляжку чуть пониже ягодицы что-то резко обожгло; словно оса ужалила. Прикоснувшись к пострадавшему месту рукой, он отнял пальцы и увидел, что они обгажены кровью.

Заняв свой пост за перевернутым креслом, он вновь перезарядил «магнум». Затем перезарядил «уэзерби». Приподнял было голову, но тут же поспешил укрыться, ошеломленный градом обрушившихся на него выстрелов. Пули впивались в диван, в стены, в телевизор... Сбравшись с духом, он выглянул на улицу и быстро пальнул по полицейским машинам. Высадил ветровое стекло. И вдруг увидел...

Два приближающихся с конца улицы белых фургончика, на боках которых крупными синими буквами было выведено:

СЛУЖБА НОВОСТЕЙ
КАНАЛ 9

Тяжело дыша, он снова прополз к окну за телевизором и, осторожно выглянув, посмотрел в сторону дома Апслингеров. Телефургоны медленно и как-то неуверенно тащились по Крестоллен-стрит. Внезапно, визжа тормозами, им преградила путь выскочившая из-за угла полицейская машина. Из кабины показалась рука в синей форме, она принялась требовательно махать, прогоняя репортеров.

Пуля чиркнула об оконную раму и, срикошетив, влетела в комнату. Он снова укрылся за перевернутым креслом. Затем, сжимая в окровавленной правой руке «магнум», громко крикнул:

— *Феннер!*

Огонь чуть поутих.

— *Феннер!* — снова завопил он.

— Не стреляйте! — услышал он голос Феннера. — *Прекратите стрельбу! Остановитесь же!*

Послышалось еще несколько хлопков, затем воцарилась тишина.

— *Что вы хотите?* — крикнул Феннер.

— *Там люди с телевидения подъехали! За полицейскими машинами! Я хочу поговорить с ними!*

Воцарилась долгая пауза.

— *Нет!* — крикнул наконец Феннер.

— *Если мне позволят побеседовать с ними, я перестану стрелять!*

И это чистая правда, подумал он, глядя на аккумуляторную батарею.

— *Нет!* — снова раздался крик Феннера.

Скотина, беспомощно подумал он. Неужто это тебе так важно? Тебе, и Орднеру, и всем остальным мерзавцам?

Стрельба возобновилась; поначалу в виде разрозненных выстрелов, а затем началась настоящая канонада. И вдруг он глазам своим не поверил: по улице бежал, держа в руках портативную телекамеру, человек в клетчатой рубашке и синих джинсах.

— Я все слышал! — прокричал он. — Я каждое слово слышал! Он предложил прекратить стрелять, а вы...

Подскочивший полицейский наотмашь ударил его по лицу, и человек в клетчатой рубашке навзничь опрокинулся прямо на тротуар. Камера отлетела в сторону, а секунду спустя разлетелась вдребезги после трех метких выстрелов. Из ее чрева вывалилась искореженная бобина с пленкой. И тут же возобновился огонь.

— *Феннер, пусть они пропустят телерепортеров!* — завопил он. Горло саднило с непривычки, перетруженные мышцы мучительно ныли. Руку жгло, а от бедра распространялась вверх пульсирующая боль.

— *Сначала выходите сами!* — прокричал в ответ Феннер. — *Тогда и объяснитесь!*

От этой отъявленной лжи его захлестнула слепая ярость.

— *АХ ТЫ ГАДИНА! ДА У МЕНЯ ЗДЕСЬ НАСТОЯЩАЯ ПУШКА! СЕЙЧАС Я НАЧНУ СТРЕЛЯТЬ ПО БЕНЗОБАКАМ, И ВОТ ТОГДА ВЫ У МЕНЯ ПОПЛЯШЕТЕ!*

Тишина. Ага, проняло!

Вновь голос Феннера. Уже осторожный и вкрадчивый:

— Чего вы добиваетесь?

— Пропустите сюда этого телерепортера! И пусть телевидение развернется для съемки!

— *Это исключено! Чтобы вы взяли заложника и продержали тут нас целый день?*

Один из полицейских, согнувшись в три погибели, быстро перебежал к зеленому седану и скрылся за ним. Похоже, там держали совет.

Вскоре уже другой голос прокричал:

— *Слушай, парень, твой дом окружен со всех сторон! У нас здесь тридцать вооруженных людей! Выходи с поднятыми руками, или я начинаю штурм!*

Что ж, пора открыть козырную карту.

— *Не советую!* — крикнул в ответ он. — *Весь дом начинен взрывчаткой! Вот, взгляните!*

И он приподнял над подоконником руку с красным «крокодилчиком».

— Видите?

— *Вы блефуете!* — последовал самоуверенный ответ.

— *Стоит мне присоединить эту штуковину к контакту автомобильного аккумулятора, который стоит рядом, и все тут взлетит к чертям на воздух!*

Молчание. Наверное, опять советуются.

— Эй! — послышался чей-то возглас. — Задержите его!

Он высунулся из-за своего укрытия и увидел, как парень в клетчатой рубашке и в синих джинсах, даже не пригибаясь, бежит по улице; либо свято уверенный в своей профессиональной неприкосновенности, либо просто чокнутый. Длинные черные волосы доставали почти до плеч, а над верхней губой темнела полоска усов.

Двое полицейских рванулись было наперехват, но он пальнул поверх их голов, и они резво скакнули назад, за машину.

— Черт, во облажались-то! — недовольно выкрикнул кто-то.

Клетчатый журналист уже подбегал к его дому, взрывая ногами снег...

В этот миг что-то просвистело над ухом, и он понял, что уже с минуту самым неосторожным образом подставляется под пули. Дверную ручку затрясли, а

потом в дверь забарабанили. Он прокрался по усыпанному штукатуркой и стеклом полу в прихожую. Нога почти онемела, а штанина была окровавлена сверху до самого колена. Повернув ключ в замке, он одновременно отодвинул задвижку.

— Входите! — пригласил он, и человек в клетчатой рубашке влетел в прихожую.

Дышал парень тяжело, но вовсе не выглядел напуганным. На щеке багровела царапина, а левый рукав рубашки был разорван до самого локтя.

Заперев дверь, он поспешно вернулся в гостиную и, подобрав ружье, дважды выстрелил вслепую, не целясь. Затем повернулся. Усатый репортер стоял в дверном проёме, с любопытством поглядывая на него. Он казался поразительно спокойным. Вынул из кармана блокнот и раскрыл.

— Что за чертовщина тут происходит? — спросил он. — Выкладывайте.

— Как вас зовут?

— Дейв Альберт.

— В вашем фургончике еще осталась аппаратура для съемки?

— Да.

— Подойдите к окну. Скажите, чтобы полицейские позволили вашим ребятам установить камеры у дома напротив. Скажите, что если через пять минут это условие не выполнят, то вам не поздоровится.

— А это и правда так?

— Да.

Альберт рассмеялся:

— Что-то, глядя на вас, мне в это не слишком верится.

— Делайте что вам сказано.

Дейв Альберт, осторожно ступая, пробрался к разбитому окну гостиной и несколько мгновений просто

постоял перед ним, явно наслаждаясь необычностью ситуации.

— *Он велел пропустить мою команду со всем съемочным оборудованием к дому напротив!* — прокричал он. — *В противном случае прикончит меня прямо на месте!*

— *Нет!* — в ярости заорал Феннер. — *Нет, нет...*

Кто-то зажал ему рот. Воцарилась тишина.

— Хорошо! — прогремел тот самый голос, который еще недавно уверял, что дом окружен. — Вы разрешите, чтобы двое моих людей привели их?

Чуть подумав, он кивнул.

— *Да!* — крикнул Альберт.

Несколько секунд спустя двое полицейских побежали трусцой к съемочным фургончикам, которые поджидали с заведенными моторами. Тем временем полицейские получили подкрепление — к ним подкатили еще две патрульные машины. Высунувшись чуть подальше, он увидел, что въезд на Крестоллен-стрит перекрыт. За желтыми барьерами собралась изрядная толпа.

— Порядок, — уверил его Альберт, усаживаясь. — У нас есть пара минут. Что вы требуете? Самолет?

— Самолет? — тупо переспросил он.

Альберт замахал руками, изображая крылья.

— Ну вы же, наверное, смыться собираетесь? Улететь?

— А-а-а, — протянул он, понимающе кивая. — Нет, самолет мне не нужен.

— Тогда что вы требуете? Вы ведь чего-то хотите?

— Я хочу, — произнес он, осторожно подбирая слова, — снова стать двадцатилетним, чтобы заново принять кое-какие важные решения. — Увидев выражение глаз Альберта, он поспешно добавил: — Я понимаю, что это невозможно. Я еще не настолько свихнулся.

— Вы ранены?

— Да.

— Вот это и есть то самое взрывное устройство? — спросил журналист, указывая на батарею с проводами.

— Да. Я заминировал все комнаты в доме. А также гараж.

— А где вы взяли взрывчатку? — Голос Альберта звучал доброжелательно, но взгляд был насторожен.

— Нашел под рождественской елкой.

Репортер расхохотался.

— Недурно. Это я непременно упомяну.

— Прекрасно. Когда покинете мой дом, скажите полицейским, чтобы отошли подальше.

— Как, вы и правда собираетесь подорваться? — спросил Альберт. В голосе его прозвучал лишь профессиональный интерес, больше ничего.

— Я вполне это допускаю.

— Знаете что, приятель? По-моему, вы насмотрелись разных боевиков.

— Я уже давно не хожу в кино. В последнее время посмотрел только «Изгоняющего дьявола». И очень жалею об этом. Ну как там ваша команда?

Альберт выглянул в окно.

— Нормально. У нас есть еще минута. Ваша фамилия Доус?

— Это они вам сказали?

Альберт презрительно фыркнул:

— Они не скажут мне даже, зима сейчас или лето. Нет, я прочитал на дверной табличке. Может, объясните, зачем вы все это устроили?

— Пожалуйста. Все из-за этой дороги. — Он кивнул в сторону магистрали.

— А, из-за этой... — Глаза Альберта заблестели. Он лихорадочно застрочил в блокноте.

— Да.

— Они отняли у вас дом?

— Попытались. Я заберу его с собой.

Альберт записал его слова, затем захлопнул блокнот и запихнул его в задний карман джинсов.

— Все это страшно глупо, мистер Доус. Вы уж извините, что я вам прямо так говорю. Может, все-таки выйдете вместе со мной?

— Вы уже получили свое эксклюзивное интервью, — устало произнес он. — Чего вы еще добиваетесь? Пулитцеровской премии?

— Если дадут, не откажусь. — Альберт ухмыльнулся, но тут же посерьезнел. — Послушайте меня, мистер Доус. Выходите вместе со мной. Я прослежу, чтобы вас выслушали. Обещаю вам...

— Мне не о чем с ними говорить.

Альберт нахмурился:

— Что вы сказали?

— Я сказал, что не собираюсь с ними объясняться. — Он посмотрел на телекамеру, установленную на треноге на лужайке перед домом Куинна. — Теперь ступайте. Передайте, чтобы все отошли подальше.

— Так вы и впрямь решили подорваться?

— Еще не знаю.

Стоя в дверном проеме гостиной, Альберт обернулся:

— Скажите, я не мог вас где-нибудь видеть? У меня такое ощущение, будто я вас знаю.

Он помотал головой. Он был уверен, что видит Дейва Альберта впервые.

Проводив взглядом тележурналиста, вышедшего из дома слегка под углом к камере, чтобы его было лучше видно, он вдруг попытался представить, что сейчас может делать Оливия.

Он прождал четверть часа. Обстрел вновь усилился, но брать дом штурмом никто пока не спешил. По-

хоже, огонь велся в основном для того, чтобы прикрыть отступление главных сил к домам на противоположной стороне улицы. А вот телевизионщики оставались на местах, бесстрастно запечатлевая все происходящее.

Вдруг в воздухе с шипением промелькнуло нечто похожее на черную трубку. Приземлившись на заснеженном газоне между его домом и тротуаром, трубка принялась изрыгать из своего чрева какой-то газ. Ветер относил его в сторону. Вторая граната тоже не долетела, а вот третья угодила в крышу и скатилась на карниз, на занесенные снегом бегонии, которые так старательно выращивала Мэри. Почти в тот же миг он почувствовал легкую резь и жжение в глазах; их тут же заволокло слезами.

Он суетливо опустил на четвереньки и пополз по гостиной, надеясь, что Альберт не переврал его слова. Этот мир был вообще начисто лишен всякого смысла. Взять, например, Джонни Уокера, который умер, угодив в нелепейшую аварию. Или женщину, которая скончалась в супермаркете прямо у него на глазах. Все мыслимые экстазы и прочие удовольствия, вместе взятые, не шли ни в какое сравнение с каждодневными болью и горестями.

Он включил проигрыватель, который пока каким-то чудом остался цел. Пластинка «Роллинг Стоунз» была на месте, и он запустил самую последнюю песню, сначала не попав на нужную дорожку, потому что в стену угодила очередная пуля и рука его дернулась. Однако со следующей попытки ему удалось поставить нужную песню. «Человека-обезьяну». Проковыляв до перевернутого кресла, он подобрал ружье и выбросил его в окно. Тут же в гостиную влетела граната со слезоточивым газом; врезавшись в стену над диваном, она взорвалась белым дымом.

Ты только попробуй, и — может статься,
Что ты получишь то, что хотел.

Посмотрим, Фред, так ли это. Он стиснул в ладони красного «крокодильчика». Посмотрим, удастся ли мне получить то, что я хочу.

— Ну ладно, — прошептал он, присоединяя красный зажим к «минусу» аккумулятора.

Он зажмурился. Напоследок в голове у него мелькнуло, что мир взрывается не снаружи, а внутри его и эпицентр этого зловещего и всеразрушающего взрыва не крупнее самого обычного грецкого ореха.

И все стало белым-бело...

Эпилог

За репортаж «Последний бой Доуса» в вечернем выпуске последних известий и за последующую через три недели получасовую программу команда «Теленовостей» канала 9 была удостоена Пулитцеровской премии. Программа называлась «Дорожные работы», в ней пытались проанализировать то, насколько необходимо — точнее, нужно ли вообще — продолжение автомагистрали номер 784. Авторы программы подчеркнули, что основная причина строительства магистрали заключалась вовсе не в том, чтобы решить транспортные проблемы города, а имела куда более прозаическую подоплеку. Просто муниципалитет должен был проложить определенное количество миль дорожного полотна, в противном случае терялось центральное бюджетное финансирование на все виды дорожных работ, касающихся федеральных магистралей. И город выбрал строительство дороги. В программе также обратили внимание на то, что городские власти начали преследование вдовы Бартона Джорджа Доуса, пытаясь вытребовать у нее выплаченные за дом деньги. В ответ поднялась такая волна возмущения, что муниципалитет быстро отказался от своего иска.

Агентство Ассошиэйтед Пресс передало фотографии с места взрыва по всем своим каналам, поэтому большинство американских газет на следующий день опубликовало их. В Лас-Вегасе одна молодая девушка, которая только что поступила в дорогую школу бизнеса, увидела их во время перерыва на ленч и упала в обморок.

Несмотря на все эти события, строительство магистрали продолжалось и было завершено через полтора года, с опережением графика. К тому времени большинство людей уже забыли про программу «Дорожные работы», а Дэвид Альберт и другие лауреаты Пулитцеровской премии уже давно занимались совсем другими делами. Но люди, которые в тот зябкий январский день следили за прямой трансляцией с Крестоллен-стрит, запомнили увиденное навсегда; оно не стерлось из их памяти даже после того, как забылись основные сопутствующие факты.

А на картинке телекамеры тогда можно было долго наблюдать за самым обычным двухэтажным домом. Скромным особнячком с заасфальтированной подъездной аллеей и гаражом на одну машину. Вполне милым, но совершенно ничем не примечательным домом. Совсем не таким, на который можно обратить внимание, проезжая мимо на машине. Единственное, что его отличало, — это разбитое окно гостиной. И вот на глазах у прильнувших к экранам телезрителей из окна вылетели ружье и пистолет. Упали в снег. На какую-то долю секунды удалось разглядеть руку человека, выбросившего оружие; это просто рука с растопыренными пальцами, напоминающая руку тонущего. Видно, что внутри дома клубился белый дым — слезоточивый газ или нечто в этом роде. В следующий миг полыхнуло чудовищное оранжевое пламя, а стены дома на мгновение гротескно выгнулись, раздув-

шись в огромный шар, и прогремел ужасающий взрыв; даже камера содрогнулась, словно от испуга. Гараж смело почти мгновенно, точно его и не было. В какой-то миг показалось (при замедленном повторе видно, что это мимолетное впечатление было правильным), что крыша дома взмыла вверх, словно космическая ракета. А в следующую секунду разлетелось на куски и все остальное — из гигантского облака на землю дождем посыпались щепки и осколки; лишь нечто, напоминающее клетчатый плед, лениво парило в воздухе, словно ковер-самолет, пока на землю с дробным стуком шлепались мириады обломков.

И — наступила тишина.

Затем экран заполнило искаженное гримасой ужаса, заплаканное лицо Мэри Доус; она невидящим взором смотрела на лес микрофонов, которые, отталкивая друг друга, подсовывали ей назойливые репортеры, а мы тем временем вновь возвращались к утраченной было обычной суетной реальности.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	. 5
Часть первая. НОЯБРЬ .	. 8
Часть вторая. ДЕКАБРЬ	137
Часть третья. ЯНВАРЬ	273
Эпилог	348

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен
(Бахман Ричард)

ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ

Роман

Ответственный редактор А. Батурина
Художественный редактор Е. Фрей

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic
«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I қай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а., литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 эк. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksimo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 09.09.2018. Формат 76х100 1/32.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ Э-4799.

Отпечатано в типографии ООО «Инфо систем»
420044, РТ, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б

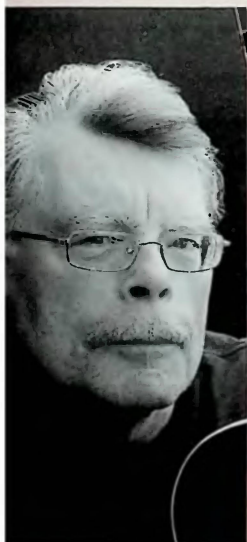
ISBN 978-5-17-092891-0

9 785170 928910 >

В обычном маленьком городке живет обычный человек, медленно, но верно погружающийся в пучину черной ненависти к себе и окружающим. Нужен всего лишь повод, чтобы ненависть выплеснулась на волю потоком хлещущей крови. И когда повод находится, обычного человека, ставшего убийцей, уже не остановить...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-092891-0

9 785170 928910

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов. Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...